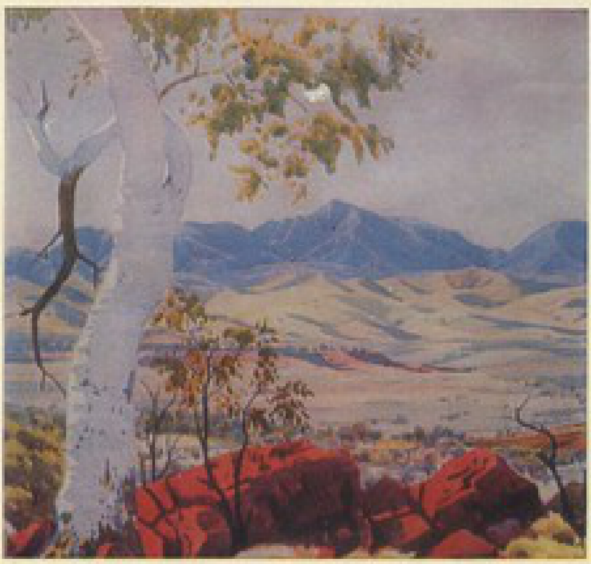
ДЖОЙС БЕТТИ

НАМАТЖИРА

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ»



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

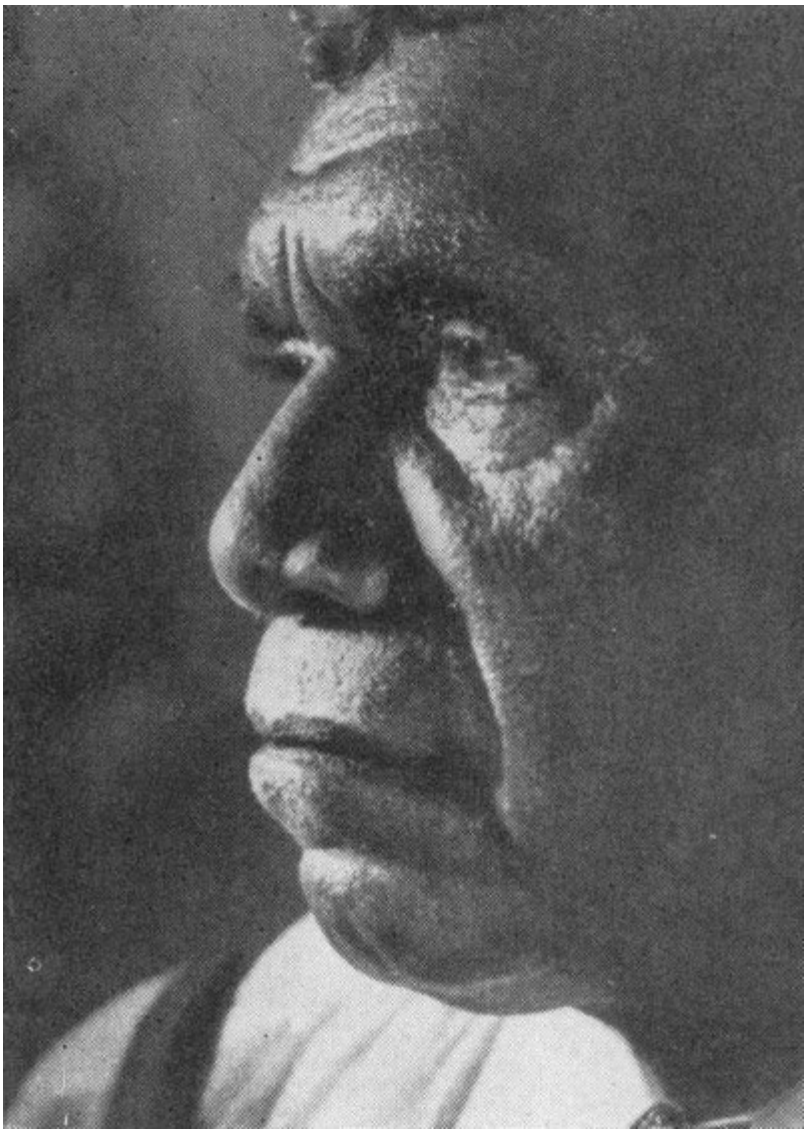
В книге рассказывается о творческом пути уникального художника Альберта Наматжиры — выходца из австралийского племени аранда. Приняв христианство, родители мальчика дали возможность сыну получить образование и развить способности к рисованию.

Подробное повествование о жизни художника сопровождено фотоиллюстрациями и цветными репродукциями картин.

- Джойс Бетти
  -
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
  - XII
  - XIII
  - XIV
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25

Джойс Бетти
Наматжира



ALBERT NAMATJIRA

I

Двадцать восьмого июля 1902 года глава лютеранской миссии в Хермансбурге — маленьком поселении, затерявшемся на территории Центральной Австралии, — записал в церковной книге, что сего числа у аборигенов Наматжиры и Лжукуты родился первый сын. Мальчик не получил никакого имени и должен был оставаться безымянным до тех пор, пока не подрастет и не сможет сам по достоинству оценить значение того имени, которое дадут ему его соплеменники.

Наматжира и Лжукута принадлежали к племени аранда. До прихода белых аборигены рождались, жили, умирали, и ничто не изменяло их веками сложившихся законов и обычаев. У каждого племени была своя мифология, свой особый общественный уклад, который из поколения в поколение ревниво оберегали старейшины.

По обычаю арандцев, ребенок не получал имени до тех пор, пока не пройдет обряд посвящения во все тонкости общественного устройства племени. Происхождение этих мудреных ритуалов инициации терялось где-то в глубине веков. Таким образом, сыну Наматжиры и Лжукуты предстояло обрести имя не раньше, чем четырнадцати лет от роду. Но судьба распорядилась иначе — в рождественский сочельник 1905 года после трех лет наставлений в вере его родители дают согласие принять христианство. Их крестят. Наматжира становится Джонатаном, Лжукута — Эмилией. Церковь скрепляет их племенной брачный союз, а сын получает имя Альберт, просто Альберт, так как в Хермансбургской миссии аборигенам при крещении давалось всего лишь одно имя.

Альберт стал Альбертом Наматжирой, только добившись некоторого признания как художник. Накануне первой выставки его произведений, которая состоялась в 1938 году, ее устроителям показалось, что подписывать работы одним именем как-то не очень солидно. Не подписывал же сэр Джошуа Рейнольдс свои картины просто «Джошуа»! Вот тогда-то Альберт и сделал имя отца своей фамилией. Однако в родном краю он так и остался для всех Альбертом, и только за его пределами художника-аборигена величали Наматжирой. Эта фамилия сама по себе была окружена каким-то романтическим ореолом, на который вряд ли могло рассчитывать прозаическое имя Альберт.

Хермансбург, где Альберт провел детство и юность, находится почти в самом центре страны. Он раскинулся по берегам реки Финке, среди выжженной равнины, поросшей

колючей травой спинифекс и низкорослыми деревьями. С трех сторон равнину окружают горы Макдоннелл, Кричауфф и Госс с их пурпурными склонами, изрезанными глубокими ущельями.

Ближайшим поселением белых в те годы был Стюарт, названный так по имени путешественника и исследователя — Джона Макдуолла Стюарта. Это название впервые появилось на карте и первый раз было упомянуто в прессе в 1888 году, когда правительство Южной Австралии наметило конечные пункты железной дороги через центр континента, которую тогда собирались строить. Всего лишь две мили отделяли Стюарт от Алис-Спрингса, промежуточного пункта телеграфной линии, связывавшей Дарвин, на севере континента, с Аделаидой, на юге. Телеграфная станция Алис-Спрингс была открыта в 1872 году. В выборе места решающую роль сыграл источник, который тогдашний управляющий телеграфной линии Чарлз Тодд в честь своей жены назвал Алис-Спрингс. Когда железная дорога в конце концов достигла Стюарта, обнаружились некоторые неудобства: телеграммы шли по адресу — Алис-Спрингс, а поезда следовали до Стюарта. Люди часто путались: одни называли поселение Стюартом, другие — Алис-Спрингсом. Дополнительная трудность возникла и из-за того, что кроме Стюарта на Центрально-австралийской железной дороге появились Стюарт-Рейндж, Стерт, Стюарт-Крик. И вот, чтобы избежать всяческих неудобств и недоразумений, в 1930 году было решено название железнодорожной станции заменить на «Алис-Спрингс», и сегодня лишь очень немногие помнят, что настоящее, изначальное название ее «Стюарт».

В наши дни Хермансбург с его белыми домами, современной школой, больницей, незатейливой каменной церковью не столь оторван от мира, как в прошлом. У него свой крошечный полевой аэродром, собственная коротковолновая радиостанция, да и на машине всего три часа до Алис-Спрингса. Но во времена, когда Альберт ходил в школу для детей аборигенов, которой руководил сам глава миссии Карл Штрехлов, это была забытая богом дыра, да и о самом Стюарте, где жило каких-нибудь два десятка белых, можно было сказать то же самое.

Лютеранская миссия обосновалась в Хермансбурге в 1877 году и ставила перед собой цель не только обратить аборигенов в христиан, но и обучить их азам грамоты. С первых же шагов в обучении детей письму, чтению и счету святые отцы натолкнулись на серьезные трудности. Уж не говоря о том, что дети аборигенов и понятия не имели о дисциплине, не существовало основы основ — письменного языка, и Карлу Штрехлову, перед тем как заняться распространением вероучения

белых и грамоты, пришлось самому выучить язык арандцев. В те далекие дни заниматься с туземными детьми было очень трудно, они не чувствовали никакой надобности в грамоте, и требовалось исключительное христианское долготерпение в работе с ними.

Альберт был исключением. Способности мальчика к учебе выделяли его среди сверстников. Он никогда не противился дисциплине и, более того, стремился заслужить одобрение. Будь он белым ребенком, его можно было бы назвать паинькой, но отнюдь не желание выслужиться делало Альберта таким послушным. Скорее всего, причиной тому было рано пришедшее к нему осознание норм жизни, во многом отличных от тех, которые сложились у его народа.

Но, несмотря на то, что он был крещен и воспитывался в христианской вере, кровь бессчетных поколений аборигенов текла в его жилах. В тринадцать лет Альберт исчез и пропадал полгода. Старейшины племени аранда увели его в заповедный священный край, чтобы там совершить над ним ритуал посвящения в мужчины.

Когда Альберт вернулся в миссию, уже никто из соплеменников не обращался с ним, как с ребенком. Он стал мужчиной и как мужчина должен был блюсти неписаные, но строгие, веками незыблемые законы племени. Альберт мужал очень быстро. У него появился интерес к различным ремеслам, которым обучали старших соплеменников.

В те годы искусные руки Альберта, казалось, могли овладеть любым ремеслом, и он старательно осваивал одно за другим. Но вскоре он начал подолгу пропадать в другом племени, которое жило неподалеку от Хермансбурга. А в восемнадцать лет Альберт опять исчез. Но на этот раз все было ясно — причиной внезапного исчезновения из миссии была Илкалита, дочь Уапити, ритуального вождя племени кукатжа из Мерини. Однако ему было отказано: Илкалита принадлежала к родственной племенной группе, и ему по каким-то сложным законам племени запрещалось вступать с ней в брак. Кроме того, она была некрещеной. И вот, чтобы избежать осуждения как со стороны племени, так и со стороны церкви, Альберт со своей возлюбленной Илкалитой покинули пределы миссии и земли арандцев. Супруги скитались по скотоводческим станциям, пока три года спустя случайно повстречавшиеся арандцы не сообщили, что племя простило им бегство. Вскоре беглецы вернулись в Хермансбург, но не одни, а с тремя малышами.

Их встретил исполнявший обязанности главы миссии учитель А.-Г. Хейнрих. Карла Штрехлова уже не было в живых, он умер в октябре 1922 года.

Вновь поселившись в миссии, Альберт уже не мог жить, как его соплеменники, — общиной, а для того, чтобы жить одному, как белые, нужны были деньги. На беду, разразилась засуха, которая нанесла огромный урон скотоводству; фермерам грозило разорение, работы не хватало. Альберту кое-как удалось все-таки получить работу погонщика верблюдов. В те времена верблюды были единственным средством перевозки грузов между Уднадаттой, Стюартом и Хермансбургом.

Трудно сказать, сколько раз Альберту пришлось проделать путь до Уднадатты и обратно, а это добрых триста миль. За свои поездки он настолько хорошо изучил этот негостеприимный край, что ни у кого не возникло никаких сомнений, кому доверить конный фургон, чтобы доставить в миссию с железнодорожной станции мистера Хейнриха с молодой супругой, с которой он обвенчался во время отпуска в Аделаиде. Это было в феврале 1923 года. Миссис Хейнрих, до тех пор в глаза не видавшая чистокровного аборигена, несколько испугалась, узнав, что на последнем участке тысячемильного свадебного путешествия ей и ее супругу придется вверить свою судьбу в руки молодого туземца. Позднее, наблюдая, с какой заботой Альберт относится к своим пассажирам, она поняла, что он заслуживает полного доверия. С наступлением темноты он принимал все меры к тому, чтобы защитить стоянку от холодных ночных ветров пустыни, разжигал большой костер, готовил ужин, распаковывал постельные принадлежности. Позаботившись о пассажирах, он удалялся к другому костру, который разжигал для себя где-нибудь в стороне.

К концу захватывающего четырехнедельного путешествия миссис Хейнрих относилась к Альберту уже как к другу, и их дружба продолжалась затем долгие, долгие годы.

Питая глубокое уважение к обычаям своего племени, Альберт осознавал вместе с тем и свои обязанности перед лютеранской церковью, ему хотелось, чтобы Илкалита, как и он, стала христианкой. После четырех месяцев наставлений в вере Илкалиту окрестили и нарекли Рубиной. Это произошло в ноябре 1923 года. Союз Альберта и Рубины, как некогда союз его родителей, с обоюдного согласия супругов был освящен церковью; их дети были крещены и получили имена Еноха, Оскара и Мейзи.

А засуха продолжалась, даже смена времен года не приносила желанного облегчения. Гибли тысячи голов скота, болели люди, и сама их жизнь висела на волоске. Альберт делал все, что было в его силах, чтобы помочь обитателям миссии и уберечь их скот. Но даже его природный опыт, накопленный в

борьбе с неумолимой природой, был бессилен против неукротимого врага — палящего солнца, которое выжигало растительность, иссушало реки и делало бесплодной землю. Даже кенгуру, эти самые выносливые и живучие из австралийских животных, и те погибали от жажды, их трупы усеивали растрескавшуюся от зноя землю вокруг высохших водоемов.

Стада миссии сократились с трех тысяч голов до двухсотвосьмидесяти. Но самым страшным бедствием была цинга. Она унесла на тот свет двадцать пять процентов детей и почти всех стариков. К концу засухи Альберт и Рубина потеряли дочь Нельду; девочка родилась в 1928 году очень слабенькой: недоедание матери трагически сказалось на ее здоровье, она прожила всего полтора года. Хецель, появившаяся на свет тремя годами ранее, была таким же болезненным ребенком, но ей удалось выжить. Через восемь месяцев после смерти Нельды Альберту пришлось пережить еще одну утрату — смерть младшего брата Германа, юноши двадцати одного года от роду. После смерти брата Альберт собрал свою семью и отправился в горы Макдоннелл оплакивать горе.

Несколько ранее, в 1926 году, как раз в разгар засухи, в Хермансбург проповедником был назначен пастор Ф. В. Альбрехт. Как-то, проводя отпуск в Аделаиде, он увидел в продаже бумеранги, вумеры и щиты, украшенные туземным орнаментом. Альбрехта осенила мысль: а почему бы не попробовать сбывать подобные же изделия аборигенов из Хермансбурга? Вернувшись в миссию, он попросил кое-кого из аборигенов украсить оружие. А затем показал им, как раскаленной проволокой можно выжечь рисунок на дереве. Так счастливо зародилось новое, дотоле неизвестное в этом краю ремесло.

Самым искусным среди аборигенов в использовании нового метода в издавна сложившейся традиции украшения оружия и других предметов оказался Альберт. Его рисунки, сохраняя характерные особенности древнего туземного рисунка, отличались удивительной оригинальностью, тщательной проработкой деталей и совершенством. Эта работа, по всей вероятности, давала выход его тяге к творчеству, ранее проявлявшемуся в способности к ремеслам. Он настолько увлекся новым занятием, что стал обособляться от своих соплеменников.

В поисках новых возможностей творчества он начал вырезать и украшать овальные плаке: пластины из дерева, представлявшие собой косые срезы ствола мульги, разновидности акации. Мульга с ее изумительной красоты древесиной, коричневой с красноватым отливом сердцевиной и бледно-янтарным ореолом заболони была великолепным материалом для нанесения

рисунка. Срезы хорошо шлифовались и после полировки приобретали богатейшую гамму оттенков патины.

Свои плаке Альберт обычно украшал изображениями цветов родного края или пейзажами Центральной Австралии с непременными кенгуру и эму на переднем плане, которые выходили у него как живые. Эти работы свидетельствовали о необычайно возросшем мастерстве арандца передавать в графически точной форме окружающий мир — единственный мир, который он знал. Несмотря на более чем скромное образование, он позволял себе иногда украшать плаке и библейскими изречениями.

В 1932 году во время инспекционного наезда плаке Альберта увидел констебль У. Маккиннон, позднее ставший инспектором полиции Южного округа Северной Территории. Маккиннон заказал их сразу дюжину. Это удивило Альберта: работать по заказу было ему в новинку, но особенно он поразился, узнав, что ему будут заплачены немалые деньги. И до этого миссия покупала искусно украшенные оружие и плаке, когда он приносил их. Однако только заказ Маккиннона заставил Альберта задуматься о ценности его изделий. Он впервые осознал, что ценность работ определяется не весом и размером, а тем, насколько вещь нравится покупателю.

Плаке Альберта пришлись по душе Маккиннону. На них был запечатлен его инспекционный объезд австралийской пустыни: констебль восседал на первом верблюде, далее шли запасной, два вьючных, другой запасной, и замыкал шествие верблюд с черным аборигеном. Редкие деревья и заросли спинифекса очень верно передавали своеобразие края. Каждая плаке имела надпись: «Привет от юго-западного дозора».

Восторгаясь сделанными Альбертом плаке, Маккиннон и не предполагал, что талант принесет арандцу деньги, славу… и горькое одиночество человека, разрывающегося между двумя культурами. В те дни Альберт для всех был только аборигеном, туземцем с золотыми руками, хотя умом и необычайной душевной чистотой он уже и тогда выделялся среди обитателей Хермансбурга.

У Альберта появилось много белых друзей, но в ту пору ни один из них не сумел заглянуть ему в душу. Он держался стороной, был замкнут и не очень общителен. Хотя он принял христианство и овладел многими ремеслами белых, все это не могло заглушить то, что вошло в его плоть и кровь как наследие тысячелетней истории его народа. Следуя зову крови, он часто забирал семью и уходил бродить вместе со своим племенем.

Альберт был посвящен во все таинства своего народа и связан

законами предков, однако он никогда не позволял втягивать себя в ритуальные церемонии, которые почитались священными и поддерживались некоторыми старейшинами. Свято чтил он лишь основной принцип, на котором покоились законы и общественный уклад арандцев, — принцип дележа. Соблюдение этого принципа первобытного коммунизма — равной доли для всех соплеменников — дало возможность аборигенам выжить в самых суровых природных условиях. И Альберт всю жизнь честно исполнял свой долг — он делился со своими многочисленными родственниками всем, что имел. Делать подарки, причем не только родным и близким, доставляло ему огромное удовольствие.

Когда Хейнрихам пришло время покинуть Хермансбург, Альберт в благодарность за дружбу сделал им особый подарок. За девять лет, которые прошли с тех пор, как он привез школьного учителя с женой со станции Уднадатта, супруги и Альберт очень привязались друг к другу. Пока на грузовик, который должен был отвезти Хейнрихов в Алис-Спрингс, грузили их имущество, пожелать доброго пути собралось много аборигенов. Последним подошел проститься Альберт. В знак дружбы он вручил Хейнриху мульговое плаке, которое специально сделал ко дню расставания; на нем было написано: «Да будет сладостна жизнь твоя».

Железная дорога, которую дотянули от Уднадатты до Алис-Спрингса, и развитие автотранспорта положили конец изоляции Хермансбурга от внешнего мира. Все больше и больше людей стало приезжать в миссию. В 1932 году группа туристов из Виктории, которые приехали полюбоваться горами Макдоннелл, остановилась в Хермансбурге на ночевку. Среди них была Юна Тигг. Ее настолько очаровала необычная, суровая простота Центральной Австралии, что год спустя она вернулась сюда со своей сестрой, художницей Вайолет.

Вайолет, так же как и сестра, была восхищена этим диким краем, пейзажи и краски которого разительно отличались от всего того, что ей приходилось видеть раньше. Она сразу же попыталась запечатлеть увиденную красоту на холсте. Но как несовместимы эта красота и нищета! Сестер потрясли рассказы о бедствиях жителей Хермансбурга во время последней страшной засухи. И более всего их поразило то, что трагедия может повториться, так как миссия не имеет постоянного водоснабжения, а только в нем спасение от новых бед. Подвести воду к Хермансбургу было не так уж и трудно, но для этого требовались деньги, которых у миссии не было.

Вернувшись в Мельбурн, сестры начали кампанию по сбору средств для миссии. Более сотни картин было предоставлено

друзьями Вайолет, художниками, для благотворительной выставки. К ним она добавила много своих пейзажей Центральной Австралии. Помогли и писатели, которые предоставили свои книги с автографами для продажи, а газета «Аргус» устроила сбор средств. В результате на водоснабжение Хермансбурга было собрано более двух тысяч фунтов.

Деньги сразу же позволили начать прокладку водопровода из Капорильджа-Спрингс к миссии. Это строительство в какой-то мере означало, что старому укладу жизни в Хермансбурге наступает конец. Аборигены собирались посмотреть на происходящее, даже Альберт откладывал свою работу и присоединялся к соплеменникам. Но его привлекало отнюдь не праздное любопытство. Он долго стоял и внимательно наблюдал, как шла работа.

Прошло немного времени, и Альберт показал пастору Альбрехту мульговый бумеранг с выжженным на нем рисунком, на котором были изображены люди, укладывающие трубы в траншеи. Альбрехт сразу же отметил значительный рост мастерства Альберта. Во всем угадывалось страстное желание как можно правдивее показать родной край. Поэтому понятен тот живейший интерес, который он проявил зимой 1934 года к приезду двух настоящих художников — Рекса Бэттерби и Джона А. Гарднера. Он очень внимательно изучал выставку их работ, подолгу разглядывая каждую картину. Перед ним открылись совершенно новые возможности для творчества, для художественного воссоздания мира. Альберт поинтересовался: а сколько художники получат за свои работы? Узнав от Альбрехта, что каждая из работ будет стоить около пятнадцати гиней, Альберт задумался и заявил, что смог бы написать так же, как они.

Альбрехт усомнился, но Альберт хвастался, и пастор рассказал о самонадеянном аборигене Бэттерби. Художник посмотрел некоторые работы Альберта и посоветовал пастору купить для него необходимые художественные принадлежности.

Когда Альберт получил свой первый в жизни набор акварельных красок, он обрадовался как мальчишка. Но писать акварелью оказалось совсем не так просто, как представлял себе Альберт. Краски наплывали одна на другую, и ему никак не удавалось получить желаемые оттенки. А когда он стал мочить бумагу — цвета становились грязными. Упорным трудом Альберту все же удалось добиться некоторого контроля над материалом. Однако Альбрехт ясно видел, что акварели арандца не идут ни в какое сравнение с плаке. Он посоветовал Альберту отложить попытки писать акварелью до того, как приедет

Бэттерби и познакомит его с основами акварельной техники. Но Альберт никак не хотел ждать. Он наносил краски все на новые и новые листы. Исчерпав весь запас бумаги, он принялся за оборотную сторону листов.

Около года колдовал Альберт над своими акварелями. Но вот в мае 1935 года Хермансбург посетил мистер Ф. Уоллент, представитель правления лютеранских миссий. Интерес Уоллента к его работам настолько растрогал Альберта, что он подарил ему одну из своих акварелей, точнее — две, так как они были написаны на обеих сторонах листа. Одна акварель была, вероятно, ранней и очень слабой по цвету, но пейзаж на оборотной стороне отличался уже четким рисунком и свидетельствовал о развитом чувстве перспективы. На переднем плане был изображен кенгуру в прыжке, плавные линии очень верно передавали стремительность его бега. Уоллент сохранил эту акварель и передал ее сыну, Освальду, у которого она сейчас и находится. В 1949 году, когда талант Альберта был уже широко признан, ему показали эти работы, и он признал их. «Моя первая картина», — написал он на одной стороне; на другой сделал надпись: «Бегущий кенгуру», поставил дату и подпись.

Семья Альберта продолжала расти. Теперь у него было уже шестеро детей, которых нужно было прокормить, обуть и одеть: Енох, Оскар, Мейзи и Хецель — все школьного возраста; далее шли Эвальд, родившийся в 1930 году, и Марта — в 1932-м; самая младшая, Вайолет, появилась на свет в 1935 году, но прожила только пять месяцев. Заботы о заработке ради детей ни на минуту не оставляли его. Большинство аборигенов вполне довольствовалось тем, что давала миссия, да теми несколькими фунтами, которые они получали за работы по хозяйству или за ремесленные поделки. Но у Альберта общение с белыми пробудило честолюбивые устремления. Он мечтал писать картины и зарабатывать большие деньги, как белые художники. Мульговые сувениры приносили не так уж много денег, и, чтобы хоть как-то увеличить свои доходы, ему приходилось работать то звонарем в церкви, то батраком на близлежащих скотоводческих станциях. Однако жил он только мыслями о возвращении Бэттерби.

Во второй раз Бэттерби приехал в Хермансбург зимой 1936 года и вскоре вместе с Альбертом и двумя другими спутниками отправился на верблюдах в Долину пальм. Этот своеобразный оазис пальм, сохранившихся от древнего геологического периода, раскинулся в русле давным-давно высохшей реки в одном из каньонов гор Кричауфф. Таких видов пальм нет больше нигде в мире. Ярко контрастируя с их сочной зеленью, ввысь вздымаются

скалы красного песчаника, которым время и погода придали самые причудливые формы. Долина пальм предоставляла художнику богатейший материал для творчества, но для Альберта она значила больше, чем просто натура, здесь было место священных ритуалов племени аранда.

Бэттерби и Альберт разбили в Долине свой лагерь и принялись трудиться, один — как художник, другой — как ученик. Поначалу Бэттерби засадил Альберта работать цветными карандашами на картоне, чтобы тот научился пользоваться цветом. Но Альберту не терпелось писать акварелью, и Бэттерби уступил. С полмесяца он помогал Альберту, показывал, как смешивать краски, как наносить цвет, как пользоваться кистями. За очень короткое время Альберт добился таких успехов, которые удивили учителя. Он мог с поразительной точностью воспроизвести все, что было перед его взором, но ему еще не хватало знаний элементарных азов композиции.

Полтора месяца Альберт и Бэттерби путешествовали по горам, где Альберт знал каждую тропку. Когда пастор Альбрехт увидел одну из работ, сделанных Альбертом во время поездки, он понял, в чем будущее аборигена. С этой минуты он считал своим долгом помогать Альберту развивать его недюжинный природный талант.

II

В марте 1937 года в Нуриутпа, Южная Австралия, состоялась синодальная конференция лютеранской церкви. Отправляясь на нее, пастор Альбрехт захватил с собой десяток акварелей Альберта, которые и показал на выставке кустарных изделий аборигенов Хермансбургской миссии. Акварели были оценены по пять-десять шиллингов. Однако, несмотря на проявленный к ним значительный интерес, продано было всего лишь четыре, и, чтобы не расстраивать Альберта, две работы пастор купил сам.

Вернувшись в миссию, Альбрехт заметил, что Альберт сгорает от нетерпения узнать, как были приняты его работы. Продажа шести из них очень приободрила его, и он занялся акварелями с еще большим усердием. В очередной наезд в миссию Рекс Бэттерби сразу же отметил, что теперь работы арандца — нечто большее, чем многообещающие ученические наброски. Он отобрал три лучшие и показал их в Аделаиде на выставке своих собственных картин.

Выставка акварелей принесла Альберту восемь фунтов, хотя работы предназначались только для обозрения. Критики, обычно осторожные в оценках работ начинающих художников, на этот раз не скупились на похвалы произведениям полудикого арандца, подписавшего свои работы именем Альберт.

Льюис Маккэббин, директор Национальной художественной галереи Южной Австралии, писал: «Диву даешься, как этот абориген за столь короткий срок усвоил европейскую концепцию искусства. Его акварель «Гора у Хермансбурга» поразительна по реализму, свету, рисунку и фактуре. Его умение пользоваться тоном и цветом поистине феноменально».

Живейший интерес к работам Альберта выказал и один из наиболее известных австралийских художников — Ганс Хейзен. Рекс Бэттерби, обрадованный приемом, который был оказан акварелям его ученика, уверял, что ни один белый за столь короткий срок не добился бы таких успехов в мастерстве, как Альберт, и обещал устроить большую выставку работ аборигена в Мельбурне. Поначалу Бэттерби предполагал, что на выставке будет присутствовать сам автор. Позднее, однако, он изменил свое мнение насчет целесообразности поездки Альберта в Мельбурн. Он боялся, что на Альберта, который никогда не был дальше Алис-Спрингса и Уднадатты, и на его художественное видение, сложившееся в его родном краю, не тронутом цивилизацией белых, столица штатов может оказать весьма пагубное влияние.

Эти опасения Бэттерби разделял и художник из штата Виктория Уильям Роуэлл. После посещения Центральной Австралии он писал: «Некоторое время я провел с выдающимся аборигеном, Альбертом из Хермансбурга. Его работы старательно выписаны, глубоки по мысли и свидетельствуют об удивительной способности автора схватывать окружающий мир. У него изумительно развито чувство формы и цвета, которое, если не будет нарушено, может привести к поразительным достижениям. Будет очень и очень жаль, если Альберту позволят посещать большие города. Нужно сделать все возможное, чтобы этого не произошло». Роуэлл как в воду глядел, когда предсказал: «Белые могут и выиграть от того, что дикий абориген приобщится к цивилизованному искусству, но самого-то художника будут судить, исходя из наших критериев и сложившихся взглядов, а это может поставить его в невыгодное положение».

Работы Альберта в те годы были известны лишь немногим любителям, заинтересовавшимся его искусством. Правда, уже тогда предпринимались попытки познакомить с его творчеством и более широкую публику.

Одной из таких попыток была выставка кустарных изделий туземцев, на которой экспонировались и акварели Альберта. Она состоялась в Мельбурне в августе 1938 года. Выставка привлекла такое количество посетителей, что в ряде случаев для поддержания порядка пришлось прибегать к помощи полиции. Один из полисменов оказался в числе счастливчиков, которым удалось приобрести работы, подписанные Альбертом. Купленная работа обошлась ему всего в двадцать пять шиллингов.

Прием, оказанный акварелям, еще больше вдохновил Альберта и укрепил в намерении стать профессиональным художником, а ведь прошло всего каких-нибудь два года с тех пор, как он получил первые уроки в акварельной живописи. Его сокровенной мечтой стало зарабатывать деньги своей кистью. К этому времени у него прибавился еще один ребенок — Кит, и с его появлением на свет (13 июня 1938 года) в крошечной лачуге вынуждены были ютиться девять человек — Альберт, Рубина и семеро отпрысков. Главе семьи пришлось задуматься о строительстве нового дома. Когда Альберт поделился с пастором Альбрехтом своим планом построить каменный дом, тот поддержал его, но предупредил, что дом будет стоить дорого, и посоветовал подождать, пока не начнут продаваться его работы.

В ожидании выставки, которую обещал устроить Бэттерби в Мельбурне, Альберт не находил себе места. Лишь визит в Хермансбург жены губернатора штата Виктории леди Хантингфилд на Какое-то время умерил его нетерпение. Приехав

в миссию, жена губернатора была весьма удивлена, обнаружив, что из трехсот аборигенов очень многие занимаются разными ремеслами. Она видела женщин, выделывавших коврики из шкурок кенгуру, которые дубили для них мужчины; любовалась скотоводами — великолепными наездниками; наблюдала за работой плотников и шорников. Но больше всего ее заинтересовали акварели Альберта. Леди Хантингфилд познакомилась с художником и долго беседовала с ним. В ее лице Альберт обрел влиятельную поклонницу своего таланта.

Три месяца спустя, 5 декабря 1938 года, в Мельбурне в Галерее изящных искусств леди Хантингфилд открыла первую персональную выставку Альберта. В своей речи она поделилась впечатлениями о поездке в Хермансбург и рассказала о природной одаренности аборигенов, в чем она имела возможность лично убедиться. Она признала, что особенно ее поразили художественные наклонности туземных детей: они овладевали письмом и рисованием намного быстрее своих белых сверстников.

«Мы должны наконец понять, — сказала она, — что люди, способные так откликнуться на заботу и обучение, достойны признания».

Работы на мельбурнской выставке впервые были подписаны «Альберт Наматжира». Альберт написал их во время четырехсотмильного путешествия в глубь края, который, по словам Рекса Бэттерби, проделавшего этот путь вместе со своим учеником, мог бы восхитить любого художника. Акварели сразу же понравились публике. Не успела леди Хантингфилд произнести заключительные слова, как на акварелях стали появляться таблички с подписью «продано»; за три дня все выставленные работы — сорок одна акварель — были раскуплены. Такого успеха безвестного дотоле художника не знала столичная галерея.

«Эйдж» писала, что выставка Альберта Наматжиры не имела себе подобных: «Вряд ли целесообразно рассматривать представленные работы, исходя из сложившихся критериев оценки, и тем не менее достоинства акварелей художника-туземца вызывают уважение. Он бесспорно внимательный и вдумчивый наблюдатель; там, где мы, казалось бы, могли ожидать примитивного плоскостного решения, бросалось в глаза чувство пространственной глубины и цвета».

Р.-Х. Кролл во вступительной статье к каталогу выставки писал, что способность к живописи у австралийских аборигенов в крови, в течение тысячелетий расписывали они стейк пещер, служившие им убежищем, и скалы, украшали оружие и тотемные

символы. Украшать рисунком дротики, вумеры, щиты, бумеранги и прочие самые заурядные предметы и раскрашивать их желтой и красной охрой, белой глиной и углем вошло у аборигенов в обычай. Даже женские сумки и те, как правило, бывают вытканы затейливыми узорами; что же касается таких священных ритуальных инструментов, как чуринги, то они поражают сложностью и художественной неповторимостью рисунка. Подобно соплеменникам, Альберт Наматжира — художник от природы. На своем пути к «цивилизованному» искусству у него не было другого учителя, кроме острого художественного чутья.

«Я убежден, — писал Кролл, — работы, представленные на первой выставке Альберта Наматжиры, — это его собственные, сделанные без чьей-либо помощи, и полностью разделяю мнение одного из критиков, что наиболее сильной стороной акварелей художника-аборигена является безошибочный вкус в выборе сюжета. Очень верно также подмечены и переданы яркий солнечный свет, которым залиты бесплодные просторы Центральной Австралии, и поразительная многокрасочность цветовых оттенков гор Макдоннелл».

Однако не все критики были единодушны в своей оценке живописи Альберта Наматжиры. Нашлись такие, кто прямо заявил, что вся ценность ее ограничивается любопытством, которое она вызывает. К их числу принадлежал Херольд Герберт, который писал: «Хотя Альберт Наматжира и является первым аборигеном, выставившим работы, выполненные в подлинно реалистической манере, нет надобности в фанфарах и литаврах. Я не считаю его произведения выдающимся явлением искусства».

Непомерное восхваление, с одной стороны, и пренебрежительные отзывы, с другой, сопутствовавшие этой первой персональной выставке и полной распродаже картин художника, станут характерными для всех его последующих выставок.

Наконец-то картины начали приносить Альберту деньги.

«Это хорошо, — говорил он. — Теперь я напишу больше картин, заработаю больше денег. Куплю всем красивые вещи. Построю себе хороший дом».

Вскоре после выставки Альберт забирает семью и отправляется бродить по родным местам.

Второго ноября 1939 года в Аделаиде Чарлз Дьюгид открыл вторую персональную выставку Альберта. В Галерее Королевского общества изящных искусств собралось огромное количество посетителей. И опять, как только прозвучали заключительные слова при открытии выставки, начался ажиотаж вокруг картин. За каких-нибудь полчаса было продано двадцать из сорока одной

работы по цене от двух с половиной до семи гиней. Вокруг двух портретов аборигенов и ряда других работ разгорелся спор: на них претендовали сразу несколько покупателей. На этой выставке Национальная галерея Аделаиды стала первым австралийским музеем, который купил акварель аборигена. Выбор пал на акварель, названную «Иллюм-Баура» с изображением скалы Хааста. Она считалась лучшей на выставке: опаловые, голубые и зеленые тона, сливаясь у подножия Хааст-Блафф, создавали ту особую прозрачность, которая так характерна для горных ландшафтов Центральной Австралии.

Критики Аделаиды были более доброжелательными в оценке творчества Наматжиры, чем собратья по перу из Мельбурна. Все в один голос предсказывали ему большое будущее.

Выставка вызвала большой интерес у широкой публики, и не последнюю роль в этом сыграло происхождение Наматжиры. Целыми днями в галерее толпился народ. Огромный спрос на акварели Наматжиры привел к тому, что в Хермансбург была отправлена телеграмма с настоятельной просьбой при первой же возможности прислать на выставку новые работы.

Дебют Альберта в мире искусства прошел с невиданным успехом. Для начинающего художника две выставки в течение года в столицах двух штатов — это был рекорд! Все шло как нельзя лучше, и, казалось, ничто не грозило росту его известности. Но тут началась вторая мировая война, и культурная жизнь отошла на задний план. Однако Альберт, окрыленный успехом, продолжает писать. Война не очень затронула Хермансбург, на тысячу миль отдаленный от ближайшего большого города.

В 1940 году в связи с опасностью вражеской деятельности на территории Австралии все организации и отдельные лица, имеющие какое-либо отношение к Германии, были взяты под особый контроль. Миссия в Хермансбурге, как организация немецкого происхождения, автоматически попала под надзор. Хотя она и была вне подозрений, все же в соответствии с проводившимися мерами по обеспечению безопасности в нее прислали офицера связи. Этим офицером оказался участник первой мировой войны, давний друг миссии Рекс Бэттерби.

Приезд офицера безопасности в миссию не отразился на Альберте. Вряд ли он понимал и истинную причину, почему его бывший учитель поселился в Хермансбурге. Война была слишком далеко, и единственное, что напоминало о ней Альберту, был отъезд двух его сыновей — Еноха и Оскара — в Алис-Спрингс «потрудиться на армию вместе с белыми солдатами, за паек и пять шиллингов». Некоторое значение для художника имели

лишь наезды в Центральную Австралию австралийских и американских солдат. Многие из тех, кто приезжал в Хермансбург в связи с оборонными мероприятиями, проявляли немалый интерес к акварелям, созданным туземцем и притом не уступающим работам белых. Они раскупали их как сувениры, и вскоре Альберт был завален заказами.

Цены на его работы довольно высокие, от одной до пяти гиней, могли в любой момент снизиться, поэтому был создан попечительский совет, который должен был следить не только за стабильностью цен, но и за тем, чтобы Альберт в погоне за деньгами не снижал своего мастерства. Бэттерби стал председателем совета. Хильда Вюрст (директриса школы), пастор С.-О. Гросс (недавно назначенный помощником главы миссии) и А.-П. Лап (миссионер) — его членами.

Альберт был благодарен попечителям за руководство. По совету Бэттерби и других он ограничил себя полусотней акварелей в год. Установлена была и цена — от трех до пятнадцати гиней. Однако нехватка материала, вызванная войной, угрожала еще больше сократить продукцию Альберта. Достать хорошую бумагу для работы стало почти невозможно. Но природная сметка помогла ему выйти из трудного положения.

Вместо бумаги Альберт начал пользоваться досками размером десять на шестнадцать дюймов, которые нарезал из бобового дерева и шлифовал до идеально гладкого состояния. Новый материал, рожденный нуждой, тем не менее не был второсортной заменой. На досках написан ряд самых удачных работ Альберта. Обладателем одной такой акварели на доске является пастор Гросс. На ней изображены верховья реки Финке, пробивающейся по небольшому каньону с его отвесными скалами из красного песчаника. За группой высоких эвкалиптов на фоне неба с редкими облаками возвышаются пурпурные горы. Всего на досках было написано около пятидесяти работ, но свою Гросс считал наилучшей.

В тот период, когда Альберт писал на досках, он часто наведывался в Долину пальм; иногда его сопровождали туда трое юношей — братья Пареройльтжа. Однажды, когда они писали с натуры, на них набрела группа солдат, обследовавших местность. Один из солдат, рядовой Эндрю Шуберт, и раньше встречался с Альбертом.

«Я видел некоторые акварели Альберта, купленные моими друзьями, в том числе и пейзажи Долины пальм, — писал Шуберт, — но по-настоящему понял, какой Альберт превосходный художник, только тогда, когда сам очутился в этой Долине. Я смотрел на акварель и поражался той верности, с которой был

воспроизведен простиравшийся перед ним вид. Скалы выветренного песчаника самых различных оттенков, от сочной киновари до темной охры, отвесной стеной поднимались над старым руслом реки. Пальмы с их негустыми, мягкими ветвями отражались в кристально чистых водах озер, белый ствол одиноко стоящего призрачного эвкалипта резко выделялся среди крупных красных валунов. Я следил, как Альберт ловкими, уверенными ударами кисти наносил последние мазки. Он был рожден художником. И, как свидетельствовала акварель, художником великим».

Спрос на работы Альберта как на памятные сувениры от Центральной Австралии настолько вырос, что попечительскому совету стало все труднее и труднее придерживать работы на случай выставки. Тем не менее к апрелю 1944 года совет отложил около сорока работ, которые и были посланы на выставку в Мельбурн. Это была вторая выставка Наматжиры в столице штата Виктория. Член парламента А.-У. Коулс 17 апреля 1944 года, открывая ее, сказал, что большинство белых считает аборигенов людьми интеллектуально неразвитыми… Однако, когда они познакомятся с выставкой Наматжиры, который обучался живописи каких-нибудь два месяца, им придется изменить свое мнение. Коулс выразил надежду, что после войны аборигены удостоятся лучшей участи: их перестанут третировать, как выходцев из прошлого, и признают полноценными гражданами.

Вторая мельбурнская выставка, как и все предыдущие, имела огромный успех.

Все тридцать восемь работ были проданы, причем стоимость акварелей варьировалась от десяти до тридцати пяти гиней, что намного превышало цены первой выставки от — одной до пяти гиней.

Чарлз Дьюгид из Аделаиды, коллекция которого к тому времени уже насчитывала семь работ Наматжиры, приобрел еще одну, причем такую, которая, по мнению Бэттерби, вполне могла бы украсить любую выставку акварелей.

В числе посетителей выставки был американский посланник в Австралии Нелсон Т. Джонсон, который проявлял большой интерес к вопросу общественного положения австралийских туземцев. Джонсон купил одну из акварелей. Выставка произвела на него настолько сильное впечатление, что он решил съездить в Хермансбург и посмотреть, как живет художник-абориген.

«Картины Наматжиры надо судить только по их достоинствам, забыв о том, что представляет собой автор, — писал критик газеты «Эйдж». — Но требовать этого — требовать слишком многого. Как бы то ни было, но некоторые подходят к

этой выставке пусть в самой незначительной степени, но все же с антропологической меркой и настраиваются быть снисходительными к художественным несовершенствам. Однако в данном случае в этом нет никакой надобности. В своем творчестве Альберт Наматжира твердо стоит на своих собственных ногах».

Наматжира становится своего рода национальной фигурой. Крупнейшие газеты Австралии посвящают ему подробные статьи с фотографиями и репродукциями. Откликнулся и армейский журнал «Солт». В статье, озаглавленной «Абориген пишет свой край. Три персональные выставки — и Наматжира добился славы» журнал писал: «Мельбурнская выставка Альберта Наматжиры, одаренного коренного жителя Центральной Австралии, нанесла еще один удар по самодовольному заблуждению, что аборигенам нечего преподать белым австралийцам. Его работы заставляют нас задуматься, что с ростом всеобщего интереса к туземным культурам в других частях света австралийский «черный» имеет особое и заслуженное право на внимание. Наматжира — этот чистокровный, почти нетронутый цивилизацией абориген, по сей день живущий вместе со своим племенем, — явление выдающееся, исключительное. Работы художника — убедительный ответ тем, кто смотрит на его народ как на бесталанных дикарей. В них нашла яркое выражение глубокая и преданная любовь аборигенов к своей родной земле».

С резкими нападками на художника-аборигена выступил директор Мельбурнской национальной галереи Дэрил Линдсей. Он обвинял его в копировании живописных канонов Запада и сокрушался, что Альберт, вместо того чтобы развивать свое национальное самобытное искусство, становится эпигоном искусства европейского. В акварелях Наматжиры, по мнению Линдсея, не было ничего достойного похвалы, за исключением разве что технического мастерства да топографической точности пейзажей; под влиянием европейского изобразительного искусства, казалось критику, абориген утратил самое важное в своем даровании.

Критика Линдсея вынудила Бэттерби выступить в защиту Альберта. «Художник-абориген, — негодовал Бэттерби, — имеет свои собственные достоинства как художник. И если белым художникам позволительно испытывать влияние любой художественной школы, то почему, — спрашивал Бэттерби, — это непозволительно для черного? Когда австралийские художники начали писать во французской манере, никто не поносил их за это. Поэтому ученейшему критику стоило бы лучше рассматривать Наматжиру как мастера-акварелиста, а не как

аборигена».

А между тем сам Альберт Наматжира и не подозревал о спорах, бушевавших в среде мельбурнских знатоков живописи вокруг его произведений. В это время он со своей семьей — Рубиной, пятью сыновьями и тремя дочерьми — был далеко от Хермансбурга и занимался своими акварелями. Вдали от жарких дискуссий он и не ведал, что стал первым аборигеном, удостоенным упоминания в справочнике «Кто есть кто в Австралии» (1944). В этом же году член Королевского антропологического института Южной Австралии Ч.-П. Маунтфорд выпустил книгу «Искусство Альберта Наматжиры». Она была опубликована в Мельбурне «Клубом хлеба и сыра» и включала несколько цветных репродукций работ Альберта.

В заключительной главе, описывая свое расставание с художником в Долине пальм, где Маунтфорд собирал сказания племени аранда, автор вспоминает: «Что ожидает Альберта впереди? Эта мысль очень занимала меня в тот момент и продолжает волновать по сей день. Неужели слава, эта коварная ветреница, вознесет его, а потом низвергнет? А может быть, ему удастся избежать ее искушений и остаться среди своих соплеменников счастливым и не испорченным удачей, являя живое воплощение природной художественной одаренности своей расы?»

III

В 1945 году состоялась первая выставка работ Наматжиры в Сиднее. Ее открыл профессор антропологии Сиднейского университета А.-П. Элкин. Спрос на картины был намного выше, чем на предыдущих выставках. Буквально не прошло и нескольких минут после ее открытия, как коллекция в сорок четыре акварели оказалась полностью распроданной. Выставка принесла автору около тысячи фунтов. Три работы были куплены для Данидинского общества изящных искусств в Новой Зеландии, двенадцать — для английских и несколько — для американских галерей.

Сиднейским критикам, которые видели в Альберте Наматжире только лишь способного ремесленника, но весьма и весьма посредственного художника, не удалось охладить восторгов широкой публики, ломившейся на выставку его картин. Нашлось несколько доброжелательных журналистов, которые вступились за художника.

«Санди Сан и Гардиан» писала: «Мистеру Альберту Наматжире пришлось столкнуться со злобными выпадами критики лишь потому, что он абориген. Но вся эта чушь, потоком обрушившаяся на арандского художника, не должна расстраивать его. Публика, которая ценит настоящее художественное видение и хорошую технику исполнения, достаточно ясно выразила свое отношение к работам Альберта, раскупив их. Причина его успеха в том, что написанные мистером Наматжирой пейзажи Центральной Австралии правдивы: горы и равнины изображены такими, какими видит их и абориген и белый. Сегодняшних критиков приводит в ярость эта верная натуре манера исполнения. В заключение можно сказать лишь одно: абориген из племени аранда — это поистине великолепный художник».

Выставка в Сиднее подлила масла в огонь, страсти разгорелись вновь. С ответом критикам, которые открыто порицали Наматжиру за разрыв с примитивным искусством своих предков, по радио выступил профессор Элкин. Он рассказал о происхождении и значении искусства аборигенов и отметил, что некоторые критики путают искусство арандцев с рисунками на коре. Профессор Элкин разъяснил, что арандцы никогда не занимались живописью на коре; они украшали священные предметы, и самыми характерными для них рисунками были концентрические круги, параллельные линии и традиционные узоры. Но все это ни в коей мере нельзя рассматривать как живопись. Настоящее искусство племен Центральной Австралии

— настенные пещерные росписи со сценами охоты на эму, кенгуру и иногда изображения священных символов. Профессор Элкин ядовито спрашивал критиков Наматжиры, уж не хотят ли они, чтобы он, как предки, продолжал рисовать кружочки. Как видно, некоторым критикам, далее издевался он, хотелось бы от чистокровного аборигена не реалистических картин гор и долин, а воплощения какой-то концепции великих легенд далекой эпохи, когда, по представлениям туземцев, создавался мир. Критикам, очевидно, больше по душе художник вагнеровского стиля, который писал бы могучих мифических героев, одним махом преодолевающих пространства и бумерангами раскалывающих горы и прокладывающих русла рекам.

Помимо споров вокруг картин вновь был поднят вопрос, почему ни на одной из выставок не было самого Наматжиры. Члены совета оправдывались, что, по их мнению, городская толчея, уличное движение, суета, любопытная, глазеющая публика на выставке — все это могло бы переволновать не очень общительного кочевника, который все свои сорок два года провел в диком краю предков. Даже в миссии, где он знал всех наперечет, он редко, лишь в связи с продажей картин и по финансовым делам, общался с кем-нибудь. Альберт довольно сносно говорил по-английски, но, несмотря на это, всегда старался держаться в стороне от белых.

Сам Альберт ни разу не изъявил желания побывать на какой-либо из своих выставок. Вероятно, его вполне устраивало, что все дела за него ведут члены совета. Он имел чековую книжку и мог по собственному усмотрению распоряжаться заработанными деньгами. Большая часть их уходила на продукты для его семьи и многочисленных сородичей, с которыми он, по законам племени, обязан был делиться всем, что имел. Да и вообще Альберт был щедр по натуре.

Став самостоятельным человеком, Альберт наконец-то получил возможность построить дом, «как у белых», о котором он так долго мечтал. Туземная хижина из травы и жердей стала тесной для его большой семьи и очень плохо защищала от пыли, зноя и непогоды.

Дом был выстроен в нескольких милях от Хермансбурга и состоял из двух комнат. При строительстве коттеджа Альберт еще раз проявил себя мастером на все руки. Он сам нарезал песчаник, сам клал, штукатурил и белил стены, сам ставил деревянные стропила и крыл крышу оцинкованным железом. Для того чтобы пробурить скважину, поставить ветряк и провести в дом воду, был приглашен мастер из белых. Со строительством дома Альберт сделал первый шаг к образу жизни белых. Став хозяином,

кочевник полупустыни по собственной инициативе разбил цветник и огород, а это было весьма знаменательным достижением для человека, предки которого тысячелетиями придерживались сложившегося образа жизни и никогда не возделывали землю.

Даже во время строительства дома Альберт не бросал живописи. В дальние поездки он по-прежнему брал Оскара и Еноха, которые постепенно овладевали живописным мастерством. Часто к ним присоединялись три брата Парероультжа. Работы юных арандцев говорили о незаурядном даровании их авторов и привлекли к себе большое внимание. Этим шестерым арандцам было суждено создать свою, туземную школу в искусстве.

В начале 1946 года состоялась еще одна выставка, на этот раз снова в Аделаиде. Она была устроена в Галерее Королевского общества изящных искусств Южной Австралии. Ее открыл А.-Р. Даунер, позднее ставший министром по делам эмиграции. Ажиотаж был таким же, как и раньше: не прошло и получаса, как из сорока одной работы остались непроданными пять. Цены на этот раз поднялись до сорока гиней. Среди покупателей оказался и сам губернатор штата Южная Австралия. Один одержимый проехал шестьсот миль из штата Виктория, чтобы приобрести хоть какую-нибудь акварель Наматжиры. Четыре работы были увезены в Брисбейн, одна — в Гонолулу и одна — в Перт, для Национальной художественной галереи Западной Австралии. Одна сиднейская фирма, купив акварель, подарила ее британскому министру авиации лорду Уинстеру.

На многих картинах, экспонировавшихся на выставке, были изображены стройные эвкалипты Центральной Австралии, которые очень любил писать Наматжира. В связи с этим увлечением Альберта некоторые критики распространяли слухи, что у Альберта просто-напросто не выходят другие деревья. Однако по меньшей мере две акварели опровергали наветы недоброжелателей. На одной, по мнению многих — наилучшей, были изображены гора Сондер и два мрачных пробковых дуба. На другой — группа травяных деревьев, их темные, стройные стволы, прикрытые, наподобие юбки, зеленой, густой листвой, чем-то напоминали туземных танцоров.

У Альберта, как у большинства людей, с ростом богатства появилась тяга к вещам, которые раньше были ему не по карману. Он давным-давно мечтал о грузовике, на котором можно было бы с комфортом ездить по живописным местам и писать там свои акварели. В сорок четыре года, при весе более ста десяти килограммов, путешествия на верблюде становились для него все более и более трудными. О грузовике он впервые заговаривал с

пастором Гроссом еще в 1944 году, но тогда шла война, и купить грузовик было невозможно. В 1946 году война уже кончилась и грузовики, не нужные больше армии, распродавались в Алис-Спрингсе. По просьбе Альберта пастор Гросс купил для него грузовик «шевроле». Альберт и трое его сыновей обучились водить машину, и вскоре вся семья с многочисленными родственниками, запасшись провизией, отправилась в первое автомобильное путешествие.

В 1946 году слава Альберта настолько возросла, что департамент внутренних дел решил обратиться в национальное киноуправление с просьбой снять цветной полнометражный документальный фильм о нем. Продюсером фильма был Ч.-П. Маунтфорд. Он хорошо знал аборигенов и отснял немало пленки об их жизни. Помощником у него был Ли Робинсон, оператором — Аксель Пойнан. Съемочная группа исколесила тысячи миль, где на верблюдах, где на машине, а где и пешком.

Съемки фильма «Наматжира — художник» начались с воспроизведения веками не менявшегося уклада жизни племени аранда, его культурных традиций и празднеств. Были воссозданы первые шаги Альберта в живописи, когда он и его учитель Рекс Бэттерби путешествовали на верблюдах в диких, величественных горах Центральной Австралии. Альберт сам играл во всех этих сценах и быстро схватывал, что от него требовал руководитель съемок. Перед объективом кинокамеры был нисколько не робеющий, исполненный спокойного достоинства художник.

В целом 1946 год был удачным для Альберта. В августе герцог Глостерский, тогдашний генерал-губернатор Австралии, с супругой посетили славящееся своей красотой ущелье Стэндли, расположенное в горах Макдоннелл, в восьмидесяти милях к юго-западу от Алис-Спрингса, и имели возможность понаблюдать за работой Альберта.

Поездка в горы носила неофициальный характер, но на деле оказалась еще более неофициальной, чем предполагалось. Когда вся группа достигла ущелья, герцогиня и пастор Гросс оказались несколько впереди. Герцогиня первой увидела Альберта, занятого своей картиной. Группа беспорядочно растянулась, и чиновник, который должен был представлять всех герцогской чете, плелся где-то в хвосте. Решив не дожидаться, пока соберутся для официального представления, герцогиня направилась прямо к Альберту и познакомилась с ним сама, а когда подошел супруг, представила и его. Присутствие его королевского высочества не смутило Альберта: во время разговора с ним он спокойно сидел и продолжал уверенной кистью наносить краску на бумагу.

Пастор Гросс впоследствии рассказывал: «Я оказался в

затруднительном положении, поскольку представление Альберта герцогине не входило в мои обязанности. Ее королевское высочество, как бы чувствуя мою неловкость, извинилась передо мной и сама прошла вперед пожать руку Альберту. Этот полный непосредственной любезности жест разрядил атмосферу, и все проведенное высочайшей четой время в ущелье Стэндли прошло, включая пикник, в самой непринужденной обстановке».

Встреча сиятельной четы со знаменитым аборигеном в этом диком, величественном краю взволновала всех, кто оказался ее свидетелем, хотя сам Альберт, как и обычно, был не очень общителен.

«Все было хорошо» — только это и сказал он, делясь своими впечатлениями о встрече.

Трудно сказать, сознавал ли Альберт полностью значение этой встречи. Вероятно, все его представления сводились к тому, что генерал-губернатор живет в каком-то большом доме в городе, который называют Канберра, и что там создаются законы белых. С одним из этих законов Альберту вскоре пришлось познакомиться.

Газетные статьи о художнике-аборигене, который получает от одной только выставки целую тысячу фунтов, привлекли к нему внимание налогового управления. В Хермансбург прибыли налоговые инспекторы, которые, не считаясь с конкретными обстоятельствами, подсчитали доходы художника за ряд лет и обложили его подоходным налогом. Смысл этого налога был ему совершенно непонятен. Попечительский совет попытался объяснить Альберту, в чем дело, но безуспешно. Ведь и сами члены совета считали, что Альберт не подлежит обложению, поскольку аборигены, за редким исключением, не являются полноправными гражданами, и поэтому на них не распространяются законы, применяемые к белым австралийцам. От имени Альберта они заявили протест налоговому управлению.

В марте 1947 года Альберт стал жаловаться на постоянные боли в груди. Его положили в больницу Алис-Спрингса на обследование. Врачи признали грудную жабу. Две недели пробыл Альберт в больнице. Выписывая его после лечения, врач настоятельно советовал Альберту во что бы то ни стало сбросить в весе. Альберт, как человек состоятельный, мог позволить себе питаться так, как питаются белые, но такое питание было непривычным для организма аборигена, который в борьбе за существование привык довольствоваться скудной пищей, а поскольку он стал к тому же меньше двигаться, это не могло не сказаться на здоровье.

Состояние Альберта встревожило его друзей и родственников в Хермансбурге. Чтобы как-то помочь, они советовали ему пожить

вдали от дома, на лоне природы, питаясь только дарами земли, как сотни лет делали его предки. Не раздумывая долго, Альберт забирает жену и отправляется в далекое пешее путешествие. Бродя по родному краю, он охотится на кенгуру, ест их мясо, поджаренное на углях. Особое удовольствие доставляли ему личинки и медовые муравьи, которые съедались сырыми. Рубина была мастерицей находить ему эти лакомства. В Хермансбург Альберт возвратился похудевшим, но здоровье его улучшилось.

«Наша простая еда сделала меня здоровым, — говорил он. — Жена ест всю пищу белых и все равно тощая. Ей она не вредит».

Возвращение в миссию означало возвращение к проблеме подоходного налога. Налоговое управление отклонило протест попечительского совета и потребовало уплаты Альбертом налога со всего заработка. При определении суммы, подлежащей обложению, не учитывались огромные траты Альберта на себя, на многочисленных родственников. Альберт был в полной растерянности, но избежать уплаты не удалось, и он подписал чек на свой банковский счет.

Об этой явной несправедливости — причем даже не самого налога, а того, как он был исчислен и взыскан, — сообщили в федеральный парламент. Длительные и порой жаркие споры вскрыли ряд юридических несообразностей, которые затрагивали права аборигенов. Однако утверждение, что Альберт оказался несчастной жертвой обстоятельств и потому не должен привлекаться к уплате налога, парламент отклонил и принял решение поддержать существующий закон и прекратить дебаты.

Необычность предмета дискуссии вызвала широкие отклики в прессе. Не успели затихнуть эти споры, как бесхитростный абориген, живший в мире, далеком от раздоров и газетной полемики, вновь оказался в центре внимания прессы. На этот раз причиной было письмо следующего содержания: «Ее королевское высочество принцесса Елизавета обратилась к своей фрейлине с просьбой выразить благодарность членам племени аранда Альберту Наматжире, Эдвину и Отто Парероультжа за три акварели, столь любезно присланные в дар принцессе. Ее королевское высочество премного восхищена этими работами и любезно соизволила принять их, рассматривая дар как выражение добрых чувств по случаю двадцать первой годовщины ее рождения. Фрейлине поручается передать самую искреннюю благодарность ее королевского высочества за то исключительное внимание, которое проявили арандские художники, прислав свои произведения».

Альберт был очень доволен, когда узнал, что его работы и работы его товарищей по искусству приняты принцессой и будут

повешены в Букингемском дворце рядом с произведениями всемирно известных мастеров. Особенно радовало его признание работ других арандских художников.

В Алис-Спрингсе Альберт был известен давно, но картин его там почти не видели. Шесть выставок в трех столицах штатов и ни одной — у себя дома! Настал черед Алис-Спрингса. Выставка состоялась в Грифитс-хаусе. И опять все работы были раскуплены. Цена колебалась от восемнадцати до сорока пяти гиней. В этом же году, но чуточку позднее, состоялась вторая выставка — в Брисбейне. Семнадцать из тридцати работ сразу же были куплены на вернисаже. Критики Брисбейна отмечали поразительную популярность работ Наматжиры. А когда Брисбейнская галерея купила один из его пейзажей, то уже нельзя было объяснить популярность его работ только любопытством широкой публики. Вряд ли галерея поступилась бы своими требованиями к эстетической ценности приобретаемой работы. Эта покупка означала признание Альберта и ставила его в ряд с известными художниками, чьи картины висели на ее стенах.

IV

В 1948 году Альберт впервые стал жертвой грязного надувательства. Один делец из Алис-Спрингса послал художнику партию листов бумаги и потребовал уплатить за нее сорок два фунта. Получив посылку, Альберт обнаружил, что это не та специальная бумага, которой он пользовался в своей работе, а более худшего качества, и рассказал о случившемся пастору Гроссу. Тот посмотрел бумагу и посоветовал денег не платить.

Миссионеры Хермансбурга давно уже догадывались о подозрительных тайных махинациях с работами все увеличивающейся группы художников-аборигенов. Туристы, приезжавшие в миссию, намекали, что какой-то человек в Алис-Спрингсе сбывает работы аборигенов по непомерно высокой цене. В свою очередь и попечительский совет, созданный, чтобы блюсти интересы художников-арандцев, отмечал, что некоторые художники слишком много времени проводят в Алис-Спрингсе и стали реже приносить свои работы в совет. Когда Альберта спросили, причастен ли он к подобным делам, он попытался уклониться от ответа, но в конце концов признался, что и он продавал свои работы одному человеку из Алис-Спрингса, который обещал по дешевке снабжать художников бумагой. Но бумагу им подсунули плохого сорта, хотя цена, которую с них затребовали, была высокой.

Спустя несколько недель после того, как пастор Гросс посоветовал отказаться от уплаты, Альберт получил письмо, в котором вновь требовалось выплатить все те же сорок два фунта. В конце концов ничего не оставалось, как выписать чек. Прошло совсем немного времени, и пастор Гросс получил служебное уведомление от окружного чиновника департамента по делам туземцев. В нем сообщалось, что, по мнению юрисконсульта в Дарвине, Наматжира не может быть принужден к выплате денег за материалы низкого качества.

За дело взялся сам пастор Гросс. Было решено, что чек Альберта должен быть возвращен. Но шли недели, а чек все не возвращался. Тогда совет решает отослать бумагу в Аделаиду — фирме, которая снабжала Альберта принадлежностями для живописи. Оказалось, что эта же фирма поставила и низкосортную бумагу.

Во время отпуска в Аделаиде пастор Гросс наведался в эту фирму и переговорил со служащей, которая оформляла заказ на бумагу. Она хорошо запомнила этот заказ, потому что он показался ей слишком уж большим для дешевой рисовальной

бумаги, которую обычно покупали в таком количестве только школы. Пастор объяснил, почему он вернул бумагу, и ему посоветовали обратиться к комиссару по торговле.

В конце концов спекулянт, пытавшийся надуть Альберта, вернул деньги. Художник был рад получить свой чек обратно, но эта жульническая проделка возмутила его до глубины души. Он очень редко писал письма, однако на этот раз не удержался и отправил негодующее письмо директору отдела департамента по делам туземцев в Алис-Спрингсе, наивно требуя, чтобы человек, доставивший ему столько неприятностей, был изгнан из Центральной Австралии «в край, откуда он приехал, поскольку он дурной человек и мы не хотим, чтоб он оставался здесь».

Увы, человек, о котором шла речь, продолжал жить в Алис-Спрингсе, и, хотя Альберт навсегда порвал с этим дельцом всякие отношения, молодые художники, как и раньше, прибегали к его услугам. По-прежнему в Хермансбург поступали сведения о том, что молодежь кому-то по дешевке сбывает свои картины. В конце концов удалось узнать, что продавать пейзажи, оставляя их иногда без подписи, уговаривал молодых художников-арандцев один человек, который жил в палатке в самом городе.

На беду, приблизительно в то же время в Алис-Спрингсе вспыхнула эпидемия кори, и художникам, которые оказались в городе, запретили покидать его пределы. Вынужденные сидеть без денег, они легко становились жертвами беззастенчивого надувательства.

Однажды к дельцу, который перепродавал картины арандских художников, зашел некий человек — якобы для того, чтобы купить некоторые из них. Под тем предлогом, что сам он ничего не смыслит, покупатель упросил спекулянта позволить ему захватить с собой ряд акварелей и познакомиться с ними поближе. Полученные картины он показал членам попечительского совета в Хермансбурге и назвал назначенную дельцом цену за каждую. Один из художников-аборигенов, приглашенный посмотреть картины, признал среди них свою. Картина продавалась за шесть гиней. Художник признался, что перекупщик из Алис-Спрингса заплатил ему всего полторы гинеи. В том, что они продавали по дешевке свои акварели, признались и другие художники. Члены совета всячески старались вразумить их, втолковать им, что человек, с которым связались они, бесчестен, но поняли ли они по-настоящему, что он без зазрения совести обирал их, сказать трудно. Освальд Уоллент возмущался: «Человек, выдающий себя за друга арандских художников, ни в коей мере не является посредником миссии, а его попытки склонить их продавать ему свои картины — это не что иное, как

подрыв благородных усилий миссии, направленных на улучшение жизни племени».

Несмотря на все старания членов совета оградить аборигенов от эксплуатации, самозваные «посредники» продолжали обирать доверчивых художников, которых больше всего прельщала немедленная оплата наличными. Альберт навсегда порвал связи с дельцом из Алис-Спрингса, но, вероятно, и он какое-то время был жертвой этой «бесчековой» эксплуатации.

Альберт готовился к девятой выставке своих работ. Она открылась в Мельбурне в ноябре 1948 года. На этот раз картины были выставлены в галерее Атенеума. Сорок шесть работ ценой от восемнадцати до пятидесяти пяти гиней принесли художнику полторы тысячи фунтов. Критики, ранее упорно твердившие, что Альберт среди аборигенов явление исключительное, теперь вынуждены были отказаться от своего мнения. Три старших сына — Енох, Оскар и Эвальд, — как и отец, стали видными акварелистами, а два младших — Кит и Морис — проявляли большие способности к рисованию. Кроме них незаурядный талант к живописи обнаружили трое братьев Парероультжа, а Эдвин и Отто даже удостоились персональных выставок в таких городах, как Мельбурн, Сидней и Перт. Более того, Мельбурнская и Сиднейская галереи приобрели по одной работе Эдвина, не оказав такой чести ни одной акварели Наматжиры. Рекс Бэттерби, говоря о братьях Парероультжа, сравнивал стиль Эдвина со стилем Гогена, а манеру Отто с манерой Ван-Гога, хотя ни один из них в глаза не видел работ этих европейских мастеров. Своеобразием художественной манеры выделялся и Эвальд Наматжира. Пользуясь цветогаммой, характерной для таких традиционных для аборигенов материалов, как блестящая охра, глина и уголь, он добился поразительных эффектов в цвете. Несмотря на молодость автора и на его недостаточную школьную подготовку — из-за слабого здоровья он почти не посещал в детстве школу, — к семнадцати годам он достиг в своих работах исключительной зрелости. Дальнейшему развитию таланта Эвальда серьезно помешал несчастный случай. В июле 1949 года во время поездки с отцом он как-то решил поохотиться. Когда он преследовал кенгуру, его ружье выстрелило, пуля вошла в правый глаз и застряла в голове. Альберт привез сына в больницу при миссии, а отсюда самолетом воздушной медицинской службы его доставили в Алис-Спрингс. Эвальд поправился быстро, но потерял зрение на один глаз; кроме того, пулю извлечь так и не удалось.

Альберт, Рубина и братья часто навещали его в больнице. Они приезжали на стареньком грузовике, на дверце которого красовалась надпись: «Художник Альберт Наматжира», и во главе

с Альбертом чинно шествовали в палату, неся скромные подарки.

К 1949 году Альберт стал настолько состоятельным человеком, что начал задумываться о вложении своих денег. Ему очень хотелось приобрести в аренду участок пастбищной земли неподалеку от Хермансбурга и основать там небольшую скотоводческую станцию. Это желание было еще одним свидетельством его тяготения к образу жизни белых. Своими намерениями Альберт поделился с пастором Альбрехтом. Он хотел, чтобы это было постоянным помещением капитала, которое обеспечило бы доход и его сыновьям. Для Рубины и себя он хотел лишь построить на станции домик и заняться всецело живописью, перепоручив все дела молодому поколению. Пастор Альбрехт одобрил его идею и посоветовал обязательно проверить, есть ли на участке вода.

Директор отдела департамента по делам туземцев в Алис-Спрингсе У. Маккой тоже одобрил инициативу Альберта. Ведь предоставление туземцу лицензии на аренду пастбища соответствовало, по его мнению, политике поощрения аборигенов к принятию на себя определенных прав и обязанностей. Тогда Альберт обратился в департамент по делам туземцев и земель за лицензией, являвшейся первым шагом к заключению арендного договора, который хотя и возобновлялся бы каждый год, но фактически сделал бы Альберта владельцем земли.

Все, казалось, устраивалось как нельзя лучше. Однако пока Альберт договаривался о закупке скота, пришло уведомление, что поиски надежного источника воды на участке не увенчались успехом и посему просьба в лицензии отклоняется. Это сообщение очень огорчило Альберта, но он еще не терял надежды и решил отправиться в Дарвин и там лично изложить представителям власти свое дело.

В июле 1950 года Альберт и ныне покойный Билл Харни отправились на автобусе за тысячу миль — в Дарвин. Это было самое длинное путешествие, которое когда-либо доселе предпринимал Альберт из своего родного края, и самое первое посещение настоящего города. Любопытные, бесцеремонные взгляды попутчиков смущали Альберта, но он не показывал вида. Самообладание не покинуло его и во время остановки в отеле «Дейли Уотерс», когда хозяин попросил Альберта расписаться в книге для приезжающих и какой-то зевака, полагавший, что все аборигены общаются с помощью дымовых сигналов или сигнальных палочек, воскликнул: «Боже милостивый, да он и писать умеет!»

Альберт пропустил это замечание. Билл Харни рассказывал потом, что поведение Альберта во время путешествия делало

честь миссионерам Хермансбурга. Чувство собственного достоинства ни на миг не покинуло его.

Приехав в Дарвин, Альберт прямо направился в департамент по делам туземцев и земель, чтобы испросить себе лицензию. И хотя решение не могло быть принято немедленно, администратор Северной Территории А.-Р. Драйвер заверил Альберта, что он рассмотрит его дело с полнейшим вниманием.

Будучи в Дарвине, Альберт решил написать какой-нибудь вид с натуры. Все, что окружало его, разительно отличалось от пейзажей Центральной Австралии. Особенно его поразил океан, который он видел впервые в жизни. Предстояло своего рода испытание его мастерства. Он попробовал на вкус воду, которая плескалась у его ног, и был крайне удивлен, обнаружив, что она соленая. «Пить не годится, — сказал он, — зато подойдет для картины».

Можно только догадываться о том, что думал Альберт, глядя на безбрежную воду, воду, которой так не хватало в его родном краю, воду, которую он видел в первый раз в таком изобилии. Начав писать, он сразу же обнаружил, что очень трудно передать простирающуюся перед ним водную гладь, в какой-то степени однообразную по цвету, особенно в сравнении с великолепными горными пейзажами, к которым он привык с детства. Недовольный своей попыткой, он тут же уничтожил акварель. Следующая акварель ему понравилась, и он написал еще три. Две из них купил журнал «Острелиан уиминс уикли», одну — житель Дарвина, а четвертую он привез с собой в Алис-Спрингс.

Жители Дарвина очень радушно встретили Альберта. В отношении к нему не было и тени расовой предубежденности; наоборот, с ним обращались, как с самой настоящей знаменитостью. Альберт был первым чистокровным аборигеном, которому удалось отобедать в первоклассной гостинице для избранных «Отель Дарвин», и многие именитые граждане стремились познакомиться с ним. Альберт удостоился приглашения осмотреть австралийский военный корабль, который стоял в порту, причем сам капитан показывал ему свое судно. Все, что увидел Альберт, не укладывалось ни в какие его представления — ни реальные, ни воображаемые. Особенно поразило его машинное отделение корабля.

Захватывающе интересным и дорого обходившимся занятием было для Альберта посещение магазинов, ломившихся от разнообразных и неведомых ему товаров. Альберт с щедростью накупил подарков для всех домочадцев, не считаясь с ценой, в результате чего оказался без денег на обратную дорогу в Алис-Спрингс. Писатель Дуглас Локвуд, познакомившийся с Альбертом

еще в Хермансбурге, узнав о денежных затруднениях Альберта, выручил его. По возвращении в Хермансбург Альберт первым же делом выслал чек Локвуду, вернув ему долг.

А шумиха меж тем вокруг творчества Наматжиры не затихала. В июне 1950 года два популярных австралийских журнала — «Пикс» и «Пипл» — поместили на своих страницах статьи, авторы которых обвинили свою страну в пренебрежительном отношении к аборигенам. Статья в «Пипл» была самой обстоятельной из статей, посвященных художнику-аборигену. В ней подробно рассказывалось о жизни Наматжиры, начиная с его работы в Хермансбургской миссии и кончая выпавшим на его долю феноменальным успехом. Журнал поведал о попытках эксплуатации его таланта и вновь напомнил о неприятном факте — обложении налогом аборигена, лишенного элементарных прав гражданина Австралии.

Эти и подобные им выступления прессы начали будоражить общественную совесть. В статье, опубликованной накануне второй сиднейской выставки Наматжиры, Колин Симпсон писал: «Альберт Наматжира — это своего рода веха на пути осознания нами факта одаренности австралийских аборигенов. Австралия была страной Наматжиры до того, как стала моей, и тем не менее я — полноправный гражданин, а он до сих пор — нет. Однако я считаю огромной честью для себя открыть выставку работ Альберта Наматжиры».

Надо ли говорить, что и эта вторая сиднейская выставка имела полный успех? Более пятисот человек присутствовало на открытии. Директор галереи ничего не мог поделать с толпой, бросившейся приобретать картины художника. В течение считанных минут было продано тридцать пять акварелей из сорока одной на общую сумму в полторы тысячи гиней. Цена колебалась от двадцати до шестидесяти пяти гиней за работу.

Отклики критики были в основном доброжелательными, но все еще проскальзывали снисходительные нотки. В одном из критических отзывов писалось, что Наматжира — всего лишь модное увлечение, и только время покажет, имеют ли его акварели художественную ценность.

Хлопоты в Дарвине, к немалому огорчению Альберта, не увенчались успехом, и в лицензии ему было отказано. К этому времени он уже продал дом, который с таким старанием строил, купил армейский сборный домик и поставил рядом с главными постройками миссии. Жизнь в прежнем доме ему омрачали грустные воспоминания об умерших дочерях Хетцель и Марте. Первая умерла в Хермансбурге в мае 1949 года, вторая — в январе 1950 года в Хааст-Блафф. После их смерти и Альберт и

Рубина не находили себе места и стали реже бывать в миссии, подолгу пропадая в облюбованных Альбертом для живописи местах. Дальние разъезды навели Альберта на мысль приобрести фургон — передвижной дом на колесах. Этот дом-автоприцеп он решил купить на деньги от последней выставки. Оба они, и Альберт и Рубина, были уже не молоды — художнику стукнуло сорок восемь, и ночи под открытым небом в пустыне плохо сказывались на их здоровье. Фургон должен был защитить их и картины от холодов и непогоды во время долгих отлучек из миссии.

Пастор Альбрехт начал договариваться о фургоне где-то в сентябре, и уже через несколько недель дом на колесах был доставлен в Хермансбург. Увидев его, Альберт пришел в восторг и, не долго думая, прицепил его к своему грузовику, погрузил припасы и вместе с Рубиной отправился в очередное «творческое путешествие».

Альберт вернулся в Хермансбург только на свадьбу своего бывшего учителя Рекса Бэттерби и Бернис Лун. Они обвенчались в старой церквушке миссии в присутствии аборигенов, включая и арандских художников. Среди свадебных подарков, выставленных в доме главы миссии, были работы Альберта и его сыновей, а также изделия из кожи — дары умельцев-аборигенов.

Вскоре после женитьбы своего наставника Альберт сообщил миссионерам о своем намерении построить новый дом, на этот раз в самом Алис-Спрингсе. Он уже договорился о покупке участка земли. Рекс Бэттерби был теперь его посредником, и Альберт считал, что он должен быть поближе к нему. Помимо того, как он говорил, «неплохо будет пожить в таком же доме, как у Бэттерби».

Миссионеры пытались объяснить Альберту, что ему могут не дать разрешения на постройку дома в городе, поскольку аборигенам запрещено оставаться в пределах городской черты после наступления темноты, и советовали поточнее выяснить все обстоятельства, прежде чем приниматься за осуществление своего намерения. Но Альберт пренебрег их советом и заключил договор с местным подрядчиком на строительство дома в западной части города.

В марте 1951 года пресса сообщила об этой сделке. Намерение Альберта построить дом в Алис-Спрингсе поставило в тупик власти Северной Территории: впервые за всю историю абориген вознамерился поселиться в городе. Некоторые белые сразу же заявили протест, доказывая, что стоит Альберту обосноваться в городе, как туда же устремятся все его многочисленные родственники, и его соседям не будет житья.

Адвокат Альберта мистер П.-Дж. Райс выступил против подобных домыслов. Если у Альберта будет дом в городе, заявил Райс, его оставят в покое многочисленные друзья и родственники, которые объедают его; достаточно сказать, что он тратит сейчас около восьмидесяти фунтов в неделю по меньшей мере на пятьдесят сородичей, с которыми, «по племенному закону, должен делиться всем, что имеет».

Пока администратор Северной Территории рассматривал сложившуюся ситуацию, Альберт совещался с архитектором относительно строительства своего дома.

Намерение Альберта добиться права поселиться в Алис-Спрингсе было поддержано прессой страны. Письма, в которых читатели открыто выражали ему свое сочувствие, текли потоком. Характерным было письмо, напечатанное в брисбейнском «Курир Мейл», озаглавленное «Будем справедливыми к Альберту». «Нам предстоит еще многое сделать, прежде чем мы сможем с чистой совестью сказать: «Мы вполне справедливы к аборигенам», — писал автор письма. — Единственно, чего просит чистокровный абориген художник Альберт Наматжира, — это дать ему возможность поселиться среди белых в небольшом австралийском городке. Этот австралийский туземец (в большей степени австралиец, чем потомки переселенцев с Британских островов) имеет куда больше прав жить среди белых, чем многие из нас, бесплодные, не сделавшие ничего ни для культуры, ни для искусства. Наматжира заслуживает большего, чем он скромно просит. Так пусть же ему не будет отказано в этой просьбе!»

Двадцатого апреля было объявлено решение администратора Северной Территории с отказом Альберту в строительном участке в городе. Это решение вызвало взрыв негодования среди австралийцев. Участок, предложенный взамен, — на территории, отведенной для аборигенов неподалеку от города, — Альбертом был отвергнут.

А пока разбиралась просьба Альберта, он жил в жалкой лачуге из мешковины и старого железа у Моррис Соук, маленького источника в нескольких милях от Алис-Спрингса. Отказ властей до глубины души обидел Альберта. Мрачный и подавленный, бродил он по лагерю, почти ни с кем не разговаривая. Прожив еще несколько недель у Моррис Соук, он вернулся в Хермансбург.

В мае в доме Рекса Бэттерби была устроена выставка, на которую попало и несколько работ Альберта. Но он не проявил к ней никакого интереса.

Однако эта выставка имела особое значение: на ней было представлено около тринадцати художников-аборигенов: четверо

Наматжиры (Альберт, Енох, Оскар и Эвальд), три брата Парероультжа (Эдвин, Отто, Рубен), Вальтер Эбатаринджа, Инок и Герберт Рабераба, Адольф и Герхард Инкамала и Рихард Мокетаринджа. Кроме того, на выставке были показаны работы шести белых художников: Сидни Ноулана, Джона Элдершоу, Дэвида М. Читлборо, Леса Тэрнбула, Джона А. Гарднера и самого Рекса Бэттерби.

Несмотря на отдаленность Алис-Спрингса от крупных городов и малочисленность его населения, более пятисот человек собралось на выставку, открытие которой было поручено Дж. Нелсону, члену палаты представителей. Отсутствие у Альберта интереса к выставке было понятным. Он начал все больше и больше осознавать, что только из-за того, что он абориген, ему недоступны элементарные права и привилегии белых, хотя успех его работ и принес ему богатство. Бесправное положение, в котором находился он, и странные законы цивилизации, которых он не мог понять, — все это угнетало его, сбивало с толку и делало глубоко несчастным.

Обращение с Наматжирой как с человеком бесправным вызывало все большее недовольство среди широкой общественности. Особенно возмущали всех отказ в лицензии и запрет строительства дома в Алис-Спрингсе.

Вот уже в течение ряда лет имя Наматжиры не сходило со страниц газет, но в основном копья ломались вокруг проблемы положения Альберта и его оценки как художника, личная, частная жизнь арандца освещалась мало. Последнее и навело пастора Альбрехта на мысль написать о нем небольшую книжку. Он назвал ее «Альберт Наматжира, туземный художник». В самом начале ее автор пишет: «За несколько лет накопилась целая литература о Альберте Наматжире, газеты говорят о нем как о художнике, превозносят его, как какую-нибудь кинознаменитость. Я же попытаюсь не повторять того, что было написано другими, и постараюсь показать среду, в которой он живет, и его самого, каким мы его знаем в миссии».

Помимо описания детства Альберта, его работы в миссии и становления как художника пастор Альбрехт в своей книге затронул вопрос о деньгах, о том, что рост богатства породил у Альберта бессознательную расточительность, которая постоянно вызывала у миссионеров серьезное беспокойство. Несмотря на большие доходы, Альберт часто сидел без денег, подолгу ожидая, когда очередная выставка пополнит его банковский счет. Альберт не бросал денег на ветер — он не пил, не играл в азартные игры, но деньги быстро расходились, и причиной тому были многочисленные родственники, не знавшие удержу в своих

требованиях.

«В пределах нашей миссии Альберт, как владелец капитала, — продолжал пастор Альбрехт, — стал серьезной проблемой. Не раз уже случалось, что он собирал человек по пятнадцать и брал с собой в город. Там, пользуясь его щедростью, они забывали о всех делах и обязанностях, которые лежали на них в их повседневной жизни. Будучи в городе, они завязывают связи со всякими дурными людьми, которые оказывают на них самое пагубное влияние».

Чтобы как-то помешать Альберту сорить деньгами, миссионеры прибегали к самым разным средствам, но он продолжал пользоваться чековой книжкой, не обращая никакого внимания на состояние банковского счета. Тогда совет, заботясь о его интересах, предложил, чтобы чеки Альберта подписывал также кто-нибудь из членов этого совета. Поначалу Альберт согласился, и недельные и месячные суммы стали выплачиваться ему в заранее установленных размерах, но затем это ограничение стало раздражать его, и он потребовал его отменить.

Суммируя все трудности, пастор писал: «Лишь одно поколение отделяет Альберта от жизни в диких зарослях, где его предки, истые кочевники, скитались, не имея никакого имущества. Они понятия не имели, что такое владеть чем-нибудь. Альберту нравится тратить деньги, он любит быстро зарабатывать и быстро расходовать. Его отец и предки не владели ничем, рассуждает он, почему же ему должно доставлять удовольствие накопление собственности?»

В заключение пастор Альбрехт писал: «Альберт Наматжира добился признания как большой художник и вписал свое имя в ряд имен выдающихся людей нашего времени в основном благодаря своему таланту и одержимости. Альберт первым из аборигенов показал, какие удивительные скрытые способности таятся в его народе. Богатство открыло ему доступ ко многим вещам, иметь которые не по карману даже многим белым. Но в глубине души он по-прежнему остается непоседливым кочевником. Самое большое удовлетворение доставляют ему путешествия, когда он находится в пути, даже если ему приходится трястись в грузовике, сидя на борту. Однако происхождение проклятием висит над ним, и никакие заслуги, никакие достижения не могут снять его. Он не нашел себе места в нашем обществе. Он чувствует себя чужаком. Заглядывая в будущее, мы не можем скрыть серьезнейшие опасения: он очень малого добьется, этот скиталец, заблудший между двух миров, если, ослепленный блеском славы и богатства, утратит себя».

Книжечка пастора Альбрехта разошлась очень широко.

Большинство читателей выражало согласие с пастором, но был высказан и ряд критических замечаний, притом людьми, от которых этого меньше всего ожидали. Одним из тех, кто не разделял опасений пастора в отношении будущего Наматжиры, был Рекс Бэттерби. «Я не думаю, — говорил он, — что есть какая-либо опасность для Наматжиры потеряться между цивилизацией предков и белых. Он абориген до мозга костей, хотя, конечно, абориген выдающийся».

Это был первый случай, когда разногласия двух старых друзей Альберта стали достоянием прессы, хотя и не первый случай их расхождений. Вот уже несколько месяцев пастора Альбрехта тревожили высказывания, что дела Альберта ведутся неудовлетворительно. К тому же поползли слухи, что миссия «наживается на нем». Дело же обстояло так: до 1943 года миссия за продажу работ не взимала никаких комиссионных. Позднее размер комиссионных был установлен в пять процентов, а затем в десять процентов. Эти деньги предназначались на покрытие расходов по устройству выставок, перевозке, на покупку багета и так далее и были более чем умеренными.

Так как слухи набрасывали тень на миссию, было решено порвать деловые связи с Альбертом. Пастор Альбрехт пригласил в Хермансбург Рекса Бэттерби и чиновника департамента по делам туземцев и заявил им, что в связи с порочащими миссию инсинуациями члены попечительского совета решили сложить с себя все полномочия. Это давало возможность любому, кто того пожелал бы, взять на себя ведение дел Альберта. В конце концов был образован Арандский художественный совет, и председателем его стал Рекс Бэттерби. Разногласия между друзьями Альберта росли и в течение какого-то времени широко обсуждались на все лады на страницах газет.

V

Больше года имя Альберта не упоминалось в прессе, не было выставок, не было споров, не было дискуссий, которые бушевали бы над его незадачливой головой. Первой на страницы газет попала Рубина — пространное интервью о ней опубликовала аделаидская «Мейл». Репортер этой газеты Л.-Л. Уайтлок, описав свою встречу с Рубиной, «супругой одного из самых колоритных и известных художников Австралии», особо подчеркнул, что у миссис Наматжиры нет настоящего дома и все семейство ютится в жалкой лачуге.

О жутких условиях, в которых жил Альберт и его семья, писали и другие. Доктор Дэрси Моррис из Сиднея, приехав в Алис-Спрингс в гости к Дж. Тиерни, местному католическому священнику, попросил последнего познакомить его с Альбертом. Семья Альберта жила недалеко от города в упоминавшейся уже лачуге из жердей, мешков и ржавых листов железа.

Тиерни так описывал их посещение Альберта: «Когда мы приблизились к примитивному жилищу, доктор Моррис с удивлением заметил: «Уж не здесь ли живет Альберт?» Но именно здесь он и жил. «Альберт, ты здесь?» — окликнул я. Заслышав меня, появился сам Альберт. В потрепанной армейской панаме с обвисшими полями, одетый в залатанную одежду, он нес жестяной котелок чая. Мы провели в разговорах добрых полчаса. Альберт охотно и любезно отвечал на все вопросы, которые задавал ему доктор Моррис. На обратном пути доктор заметил: «Вот великолепное подтверждение старой истины — гениями рождаются, а не делаются».

Сам Тиерни довольно хорошо знал Альберта: «Я часто встречался с Альбертом, когда он приезжал навестить своих друзей. Наделенный природным чувством собственного достоинства, спокойный и уравновешенный, он великолепно держался и производил на всех самое хорошее впечатление. У него был звучный, приятный голос. Не отличаясь многословием, он выражал свои мысли ясно и просто. С неизменным удовольствием отвечал он на любые расспросы о своем искусстве и рассказывал о своем народе. То, что я имел счастье познакомиться с Альбертом Наматжирой и близко узнать его, навсегда останется для меня самым дорогим воспоминанием об Алис-Спрингсе».

Столь же благоприятное впечатление производил Альберт почти на всех, кто встречался с ним. Американец Винсент А. Харди, называвший прославленного аборигена «несчастное

дитя судьбы», рассказывал, что во время посещения Альберта его ошеломили две вещи: ужасающие условия, в которых он жил, и то, что он стал жертвой темных махинаций с его произведениями, которыми спекулировали на черном рынке.

В начале 1952 года стало доподлинно известно, что в Алис-Спрингсе какие-то дельцы по очень высоким ценам сбывают туристам работы аборигенов, при этом тщательно скрывают их авторство. Арандский художественный совет и департамент по делам туземцев были глубоко обеспокоены этим. Особую тревогу вызывало то, что многие из работ были поддельными. Некоторым акварелям, подписанным именем Альберта, явно не хватало тех достоинств, которые отличали работы художника и принесли ему известность. Акварели эти были намного хуже, хотя искусно копировали стиль и манеру Альберта. Все попытки Рекса Бэттерби и Гордона Симпсона, члена Арандского художественного совета и посредника, найти поставщиков поддельных работ оказались безуспешными. Сам Альберт выказывал мало интереса ко всему этому делу. Он еще никак не мог отделаться от чувства горькой обиды, которое он испытал, получив отказ в постройке дома в городе. Альберт стал еще более замкнутым, избегал встреч с членами совета и знакомыми. Значительную часть времени проводил «дома» со своими родственниками в нескольких милях от Алис-Спрингса. Но, судя по всему, Альберт не бросал своих акварелей, так как на очередной выставке в Сиднее он блеснул серией великолепных пейзажей.

Эта выставка в апреле 1952 года не являлась персональной выставкой Наматжиры. На ней было представлено семь арандских художников, и за их произведениями охотились ничуть не меньше, чем за работами Наматжиры. В течение получаса любители раскупили тридцать работ из пятидесяти семи. К концу дня осталось только четыре акварели. Цены на отдельные картины достигли семидесяти пяти гиней. А.-К. Марсден, директор галереи, где была устроена выставка, говорил: «Мы могли бы продать в три раза больше, чем было выставлено. Публике нравится искусство аборигенов. Кто только не покупает их работы! Здесь и иностранные консулы, и экипажи заокеанских воздушных линий, и местные коллекционеры».

Особое внимание зрителей и покупателей привлекли работы Кордулы Эбатаринджи, первой арандской женщины, ставшей художницей. Учителем живописи у нее был собственный супруг Вальтер Эбатаринджа, но ее стиль значительно отличался от стиля мужа. И все же, невзирая ни на что — на успех выставки, на четырнадцатилетний успех выставок Наматжиры, — нашлись

критики, которые не захотели признать, что аборигены умеют писать так же, как их белые собратья по искусству. Тон их критических замечаний, по свидетельству Айлы Брукс, выступившей на страницах «Сидни Сэрвей», варьировался от высокомерно-покровительственного до откровенно недоброжелательного, но спрос на картины аборигенов говорил сам за себя. «Мы надеемся, — писала она, — что этот успех по душе художникам из Центральной Австралии. Но здесь он бесспорно раздражает некоторых критиков».

Это замечание Айлы Брукс, видимо, было направлено против Сиднейской национальной галереи, которая упорно воздерживалась от приобретения каких-либо работ Наматжиры, хотя три национальные галереи других столиц штатов давно уже сделали это.

Полгода спустя после сиднейской выставки супруги Бэттерби устроили выставку акварелей Наматжиры у себя дома. Общая стоимость картин, купленных жителями Алис-Спрингса, составила восемьсот фунтов; на двести фунтов приобрели его работ приезжие из других штатов. Одна из акварелей была продана за сто гиней. Самой замечательной работой и самой большой из когда-либо созданных Альбертом (34×18 дюймов) была акварель с изображением горы Хермансбург с прилепившейся внизу миссией. Эту акварель Альберт написал, когда приезжал туда по просьбе главы миссии, чтобы решить, как быть с фургоном, брошенным художником без присмотра в туземной резервации Хааст-Блафф. После разрыва с миссией он редко появлялся в ней.

Работы, представленные на этой выставке, Бэттерби считал лучшими из всего, что было создано Альбертом. Исключительное качество и высокие цены выставленных работ сами по себе должны были бы предостеречь людей от покупки плохих подделок на черном рынке. Но рынок продолжал процветать. Будучи в Аделаиде на следующей, ноябрьской выставке, Рекс Бэттерби сделал заявление репортерам, что обнаружен ряд картин с поддельными подписями Наматжиры и других арандских художников. «Я уверен, — сказал он, — что кто-то подделывает подписи. Ряд фальшивок обнаружен в Мельбурне и Аделаиде. Еще два года назад аделаидская полиция занималась этим делом. Был допрошен один человек, но никого не арестовали. Я кое-кого подозреваю, но вывести мошенников на чистую воду пока очень и очень трудно».

Бэттерби добавил, что он видел ряд акварелей, приписываемых Наматжире, хотя подпись под ними явно не его. «Всякий, кто покупает работы арандских художников последних

двух-трех лет, не имеющие на обороте штампов Арандского художественного совета и департамента по делам туземцев, рискует приобрести подделку. Такова уж участь всех больших мастеров искусства, что разные проходимцы пытаются нажиться на их имени».

Очередная выставка Наматжиры и двух братьев Пареройльтжа состоялась в Галерее Королевского южноавстралийского общества изящных искусств. Работы Наматжиры распродавались по цене от сорока пяти до семидесяти пяти гиней, Эдвина и Отто — от семи до двадцати гиней.

Успех выставки не поднял духа Альберта, никак не подействовало на него и разоблачение Рексом Бэттерби поддельных работ. Единственное, что интересовало его, так это планы путешествия в Западную Австралию. Лишь с немногими поделился он своим намерением, большинство узнало о нем только из статьи Эрика Чарлза в «Уэст Острелиан», который сообщил, что в начале следующего, 1953 года Альберт намерен посетить Перт. Эрик Чарлз писал: «Решение Наматжиры созрело в результате долгой внутренней борьбы, которая достигла критической точки после отказа властей в его просьбе построить дом и студию в Алис-Спрингсе. Альберт заявил мне: «Надоело, когда мне не позволяют поступать так, как я хочу, и ездить туда, куда хочется. Я зарабатываю деньги, как белый, и плачу налоги. Так почему я не могу тратить их так же, как они?» Когда он рассказывал о своей тяжбе с чиновниками, его темное, круглое лицо не выражало того, что творилось на душе. Но за этой непроницаемой маской скрывалась глубокая обида. Как чистокровный абориген, Альберт юридически находится под опекой и не может покидать пределы Северной Территории, поэтому на поездку в Перт ему придется еще получить разрешение у департамента по делам туземцев».

Это сообщение вызвало новые споры. По каким-то непонятным причинам власти запретили ему эту поездку. Никаких официальных разъяснений на этот счет дано не было. Кончилось все тем, что он так никуда и не поехал. Лишь только через год с лишним Альберту удалось выехать за пределы Северной Территории.

Отказ в разрешении посетить Западную Австралию нанес Альберту еще одну травму в добавление к его и без того немалым горестям. На какое-то время он покидает Алис-Спрингс. В его отсутствие вновь разражается скандал с подделками. Попытки полиции найти неопровержимые свидетельства подделок подписей Альберта не дали никаких результатов, и Арандский художественный совет берет поиски на себя. Когда Альберт

вернулся из своей поездки, его попросили посмотреть одну работу, подписанную его именем. Посмотрев работу, Альберт убедился, что ни акварель, ни подпись под ней не его.

Газеты по всей Австралии и в некоторых странах за океаном ухватились за сенсационное сообщение. За минувший год множество подделок под Наматжиру куплено на Юге, сообщала одна газета. В другой писалось, что ряд поддельных работ под Наматжиру обнаружен в Южной Австралии и что полиции известен один человек, продавший работы под Наматжиру и других арандских художников за тридцать гиней. Этот человек, как полагают, давно уже промышлял фальшивками под художников-аборигенов.

Газетная шумиха вызвала смятение среди владельцев акварелей Наматжиры, многие начали сомневаться в их подлинности. Торговцы произведениями искусства удвоили свою бдительность и стали покупать теперь только работы с официальным штампом. Встал вопрос: а как быть с работами арандских художников, написанными до 1951 года, ни одна из которых не имела печати?

В связи с «делом о подделках» один иностранный дипломат, усомнившийся в подлинности двух выбранных им для покупки работ, вынужден был, прежде чем принять окончательное решение, отправиться с этими акварелями в Алис-Спрингс. Аделаидская «Ньюз» писала об этом: «Художник-австралиец и руководитель Арандского художественного совета, только взглянув на работы, сразу же заявили: «И та и другая — подделки. Это не Альберт Наматжира. А одна даже не подделка, а копия с подделки».

В другом сообщении цитировались слова Бэттерби, который сказал, что хотя Альберт Наматжира умеет писать, но он не подписывает своих работ столь каллиграфично да к тому же еще одной фамилией «Наматжира».

«Остролейзен пост» разразилась двухполосной статьей Алана Уочопа под названием «Приглядитесь к вашему Наматжире — может быть, это не он»: «Полиция и частные лица усердно пытаются уличить автора подделок. Но задача эта не из легких: фальсификатор, сославшись на закон об опеке, может спокойно увильнуть от ответственности, для этого ему только стоит задать самый простой вопрос: а был ли подписавшим картины сам художник или его посредник (уполномоченный подписывать) или же, что более важно в этом деле, имел ли сам художник право ставить свою подпись? Этот последний аргумент сразу же заставлял задуматься об общественном положении Альберта Наматжиры. Большинство белых австралийцев считало, что

черные австралийцы не имеют права на статут гражданина. По Ордонансу Северной Территории об аборигенах, цветные коренные жители Австралии не имели права голоса, права на социальное обслуживание; им было запрещено жить в черте городов, будь то Дарвин или Алис-Спрингс, а также запрещалось употребление алкогольных напитков. Тем не менее их обязывали выполнять все другие законы государства, в частности — платить подоходный налог. Шумиха, поднятая газетами вокруг подделок под Наматжиру, остро поставила вопрос о статуте аборигена-художника, который благодаря своему таланту добился успеха и славы. Альберт не проявлял никакого интереса к истории с подделками его картин. Когда его попросили подписать, что ни картина, которую он освидетельствовал, ни подпись под ней не принадлежат ему, он заявил: «Зачем поднимать шум из-за пустяков, я напишу еще больше картин, а подделки меня не волнуют».

Газеты, раздувая каждый новый случай обнаружения подделки, подогревали интерес к фальшивкам под Наматжиру. Но тут наступила неожиданная и драматическая развязка всей этой истории. Из Алис-Спрингса пришло сообщение о том, что в руках полиции оказались картины с подписью Наматжиры. Их нашли среди личного имущества, оставшегося после смерти некоего пожилого обитателя города. Арест всего имущества полицией после смерти владельца впредь до предъявления прав на наследство со стороны родственников — явление обычное. Тем не менее членов Арандского художественного совета попросили освидетельствовать эти работы. На картинах не имелось официального штампа, а имя Наматжиры было подписано внизу каждой из них по диагонали.

Альберт сам посмотрел все пять работ и заявил, что он никогда не подписывал картин по диагонали; что же касается самих работ, то он их видит впервые. Гордон Симпсон как член Арандского художественного совета осмотрел работы, находившиеся в полицейском участке, и официально подтвердил, что диагональная подпись в правом нижнем углу совершенно не соответствует практике Альберта подписывать свое имя. «Через меня, как через посредника, — сказал он, — прошло много его картин, но я никогда не видел подлинных работ Наматжиры, подписанных по диагонали. Работы, которые я осмотрел в полицейском участке, умело копируют его манеру и только эксперту под силу определить, что это — фальшивки».

Все это, казалось бы, давало основания думать, что полиция предпримет теперь какие-то дальнейшие шаги, и каково же было разочарование общественности, когда таких шагов не

последовало. В конце концов представитель Арандского художественного совета напомнил, что полиции стоило бы возобновить следствие по делу о поддельных пейзажах Наматжиры, проданных в южных штатах в течение 1953 года.

В аделаидской газете «Ньюз» от 14 января 1954 года появилось следующее сообщение: «За прошлый год полиция занималась тремя подделками, проданными в Южной Австралии за сорок и пятьдесят гиней. После этого полиция Северной Территории, Южной Австралии и Виктории, вероятно, умыла руки. Совет полагает, что мошенник, подделывающий картины, все еще на свободе и продолжает прибыльную торговлю фальшивками. Это служит предостережением для всех не покупать каких-либо работ, не имеющих штампа совета и департамента по делам туземцев, а также подписей официальных лиц».

Статья в «Ньюз» была последним публичным упоминанием о махинациях с подделками под Наматжиру. О том, насколько события этих месяцев подействовали на Альберта, по нему определить было невозможно. От природы сдержанный, он принимал — во всяком случае, внешне — свалившиеся на него неприятности и крушение заветных планов с таким же хладнокровием, как славу и признание; даже сообщение о награждении его по случаю коронации королевы медалью не вызвало у него сколько-нибудь заметного восторга. О награде он узнал, будучи в резервации Хааст-Блафф, где вместе с сыновьями писал акварели. Там его посетил сиднейский писатель Фрэнк Клюн, у которого с собой был приемник. Слушая передачу в канун коронации, Альберт и услышал, что его и нескольких других выдающихся австралийцев королева награждает медалью в ознаменование ее коронации. Он никак не отреагировал на эту новость: его гораздо больше занимали замыслы пейзажей для Клюна. Покидая семью художников, Клюн увез в Сидней четыре акварели одного и того же пейзажа. Они были написаны Альбертом и его тремя сыновьями — Енохом, Оскаром и Эвальдом, причем каждая была выполнена в своеобразной, присущей автору манере.

Во время пребывания в Хааст-Блафф Альберт обнаружил месторождение меди, которое оказалось неподалеку, на территории туземной резервации Арейонга. Альберт подал заявку на участок и попросил опробовать руду. И снова крушение надежд: горная порода была твердой и содержала всего двадцать семь процентов металла — процент недостаточный для промышленной разработки. Неудачи Альберта во всех его деловых начинаниях, за исключением живописи, разительно

изменили его, и это особенно беспокоило друзей художника в Хермансбурге, куда он изредка наведывался. Он признавался, что его бесплодные усилия выбиться в люди сделали его глубоко несчастным. Он жаловался миссионерам, что, с тех пор как оставил Хермансбург, чтобы быть поближе к своему посреднику в Алис-Спрингсе, его долги постоянно растут и причиной тому — родственники, которые потянулись за ним и обосновались поблизости. А было их человек пятьдесят, притом так уж повелось: стоило ему не купить всего, что от него требовали, как они сами отправлялись в город и накупали товаров, записывая траты на его счет. Много денег уходило и на частый ремонт грузовика, на котором ездили все, кому не лень.

Полностью поглощенный личными заботами, Альберт не проявил особого интереса к приглашению его в Канберру, где его должны были представить королеве. Ее визита ожидала вся Австралия.

VI

Пока Австралия с нетерпением ожидала визита королевы, Альберт готовился к своему визиту в Канберру и поездке по таким большим городам, как Сидней, Мельбурн и Аделаида, которые он давно хотел повидать. Ему сообщили, что официальные власти Северной Территории уже обо всем позаботились, что заказаны костюмы и другие вещи, которые он выберет, когда прибудет в Дарвин. Но Альберту хотелось быть элегантным уже по пути на север, и поэтому еще до того, как покинуть Алис-Спрингс, он купил себе новую одежду.

Утром 3 февраля, в день отъезда, он навестил своих друзей супругов Танкс, владельцев магазина, в котором он был постоянным покупателем. Миссис Танкс похвалила его элегантный вид и, заметив, что у него запылились ботинки, дала ему ваксу и щетку. Альберт, не избалованный вниманием к своей внешности, был польщен и, проворно до блеска начистив ботинки, выпрямился в ожидании окончательного одобрения.

«Ну как, теперь все в порядке? — спросил он. — Тогда пойду. Самолет ждет — я полечу на нем в Дарвин». Тепло распрощавшись с супругами Танкс, он гордо вышел из магазина.

Альберту предстояло первый раз в жизни лететь на самолете, но на лице его не было и тени страха. Проводить его пришли супруги Бэттерби и Алан Уочоп. Внешне он, как всегда, был невозмутим, и волновался ли он перед предстоящей встречей с королевой, узнать было невозможно. На вопрос Уочопа, взял ли он подарок для королевы, Альберт спокойно ответил, что не для таких простых людей, как он, предлагать ей подарки.

Но у Альберта был подарок для королевы, а не признавался он в этом потому, что кое-что знал о таких вещах, как протокол. Администратор Северной Территории Ф.-Дж. Уайз рассказывал: «Альберта написать что-нибудь особенное в подарок королеве попросил с моего согласия мистер Маккэфери, исполняющий обязанности директора департамента по делам туземцев. Альберт охотно согласился, но сам бы он об этом никогда не подумал».

Во время полета в Дарвин, хотя для Альберта все это было в новинку, он держался, как бывалый пассажир. Когда он прибыл в аэропорт, его больше всего беспокоило, готовы ли белые полотняные костюмы, которые шил для него портной-китаец. Дуглас Локвуд, старый друг и почитатель Альберта, поджидал его в аэропорту, чтобы проинтервьюировать о подарке королеве и о предстоящем посещении больших городов.

На Юг из Дарвина Альберт летел на лайнере «Констелейшн»

в сопровождении Ф.-Дж. Уайза, его супруги и членов делегации от Северной Территории, которые должны были быть представлены королеве. После приземления в аэропорту его повезли в Сидней, самый большой город Австралии, насчитывающий два миллиона жителей. Путь от аэродрома до города проходил по промышленному району Мэскот, который на Альберта произвел огромное впечатление.

Проведя два часа в Сиднее, делегация отбыла в Канберру. Ни фешенебельный «Канберра-отель», ни любопытные взгляды не смутили Альберта и не лишили его любезности и врожденного самообладания. Утром 15 февраля, одетый в белый полотняный костюм, Альберт отправился в Дом правительства, где должна была состояться церемония представления королеве и герцогу Эдинбургскому. Отряды королевской полиции Папуа и Новой Гвинеи, моряков с острова Манус, трубы и медь оркестра Тихоокеанского полка придавали величественной церемонии экзотическую окраску.

«Среди многих выдающихся австралийцев высокий, статный, темнокожий художник-абориген был бесспорно самой выдающейся личностью, — писал впоследствии один из гостей. — Ее величеству Альберта представил министр Территорий Поль Хэзлак. С врожденной грацией художник поклонился королеве и коснулся ее протянутой руки своими темными длинными пальцами. Царственное достоинство королевы и природное достоинство представителя древнейшей австралийской расы — это было незабываемое зрелище. Все, кто удостоился чести быть свидетелем этой встречи, никогда не забудут той обворожительной улыбки, с которой ее величество приветствовала Альберта Наматжиру, и то искреннее расположение, с которым приветствовал его принц Филипп».

Помимо официальной церемонии Альберт был приглашен на бал, который состоялся в королевском зале Парламента. Этот бал был самым блестящим за всю историю Австралии. Вступление в общество белых было хлопотным: обилие впечатлений, многолюдье и сами церемонии подавляли художника-аборигена.

Восемнадцатого февраля Альберт как гость Фрэнка Клюна отправился в Сидней. Там он рассчитывал пожить недельку спокойно и отдохнуть от той суеты, которая царила в Канберре. Но надежды его не оправдались. Для Сиднея он был живой легендой, город знал его работы, но никогда не видел самого автора. Ему не удалось остаться незамеченным и избежать всевозможных официальных церемоний, приемов и встреч.

«Альберт Наматжира, художник из племени аранда, который является в глазах многих австралийцев воплощением достоинства

туземной расы, проходит ныне посвящение в таинства общественной жизни Сиднея, — писала газета «Сидни монинг геральд». — В среду днем он присутствовал на открытии выставки графического искусства в галерее Дэвида Джонса. Вечером того же дня — на приеме, устроенном в его честь на даче в Воклюзе супругами Клюн, а вчера в три часа пополудни он выступил на выставке современного искусства в художественной галерее Энтони Хордерна. Все это могло бы смутить человека, который почти всю свою жизнь провел в диком туземном краю, на тысячу миль раскинувшемся от Алис-Спрингса. Но мистер Наматжира с его удивительным самообладанием вчера выдержал испытание перед публикой. Он прошел через толпу в пятьсот человек к помосту, и лорд-мэр Р.-Д. Хилс открыл выставку. Затем по приглашению лорд-мэра мистер Наматжира поднялся на помост, подошел к микрофону и обратился к присутствующим: «Леди и джентльмены, до этого я никогда не был в вашем городе. Мне кажется, вот уже третий раз выставляются мои картины в этой галерее, и я очень рад поблагодарить вас за то, что вы здесь». Едва Альберт Наматжира кончил говорить, как присутствующие словно одержимые бросились раскупать его картины. Ажиотаж царил такой же, как и на всех его предыдущих выставках».

Те, кому не удалось ничего купить, кинулись к Альберту, который сидел за столом и раздавал автографы, подписывая каталоги. Образовалась свалка. «Некоторые светские дамы, — сообщалось в «Булетин», — будучи не в состоянии пробиться к Наматжире через окружавшую его толпу, пробирались на четвереньках, лишь бы протиснуть свой каталог для автографа». Это было поистине фантастическое открытие выставки, сочетавшее в себе, как писал автор статьи в «Булетин», общественный и художественный ажиотаж недавней выставки Доубелла с буйством толпы при открытии распродажи в большом магазине.

«Разумеется, во всем этом многое от погони за модой, — продолжал автор статьи, — и многие белые художники были не прочь позавидовать покровительству, столь щедро оказываемому аборигенам. Но есть в этом увлечении и нечто закономерное, вполне оправданное. И это не подлежит сомнению. Выставка является художественным и историческим событием, хотят или не хотят признать это некоторые, и поэтому возмутительным с точки зрения искусства является то, что галерея Нового Южного Уэльса не имеет у себя этих чрезвычайно интересных акварелей и не приобрела ни одной работы Наматжиры, в то время как на выставку Доубелла правление галереи израсходовало более

пятисот фунтов».

В художественной галерее Энтони Хордерна было выставлено двенадцать акварелей Наматжиры и работы девяти других арандских художников — братьев Парероультжа, Вальтера Эбатаринджи и его жены Кордулы, Рихарда Мокетаринджи, Герберта Раберабы и Еноха Наматжиры. Как повелось, работы Наматжиры раскупили в течение нескольких минут. Они принесли художнику шестьсот фунтов стерлингов. Сорок шесть работ других художников-аборигенов были раскуплены к концу второго дня.

После семи изнурительных дней в Сиднее Альберт с радостью и облегчением сел в поезд на Мельбурн. «Ну хоть теперь отдохну. Слишком много сутолоки в Сиднее, слишком много народу», — заявил он перед отъездом.

Поездку в Мельбурн устроил близкий друг Альберта пастор Филипп Шерер. Он хотел, чтобы Альберт познакомился с жизнью города без всяких встреч и официальных церемоний, которыми одолевали его в Сиднее. Однако, несмотря на все меры предосторожности, принятые пастором, Альберту в двух случаях не удалось избежать ажиотажа. Первое столпотворение произошло во время прогулки по улицам, когда Альберт воспользовался впервые предоставившейся ему возможностью посмотреть большие огни большого города. Полиции пришлось ограждать его от напора зевак. Второй случай произошел на выставке австралийских художников в здании ратуши, где вокруг Альберта собралась огромная толпа желающих получить у него автограф. Лишь после того, как его взяли под защиту, ему удалось продолжить осмотр выставки и как-то избавиться от глазеющей толпы.

Если не считать этих инцидентов, пребывание Альберта в Мельбурне прошло благополучно. Ему особенно понравился обед, данный ныне покойным Дж.-К. Моиром, известным австралийским коллекционером. На нем Альберт познакомился со многими видными художниками. Ему также доставила удовольствие встреча с членами совета по благосостоянию туземцев. Посетил он и живописные фруктовые сады вокруг Донкастера, в двенадцати милях от Мельбурна, катался по реке Ярра и ездил в горы Данденонг, где осмотрел известную галерею под открытым небом Уильяма Рикеттса — скульптора, посвятившего последние годы своей жизни аборигенам, отображению их быта и сказаний.

Во время посещения летней языковой школы Уиклиффа Альберт познакомился с мистером Уильфредом А. Дугласом из Калгурли (Западная Австралия), главой лингвистического

отделения Объединения австралийских миссий.

«Перед самым приездом Альберта, — рассказывал У.-А. Дуглас, — я попросил у собравшихся разрешения обратиться к нему на языке Западной пустыни. Когда меня знакомили с Альбертом, я спросил у него: «Ньюнтулу уангка нинти?» («Понимаете ли вы этот язык?»). На что он незамедлительно ответил: «Увама» («Еще бы»). Затем Альберт объяснил мне, что он женат на женщине «пустыни» и поэтому свободно говорит на ее языке. По окончании официальной части встречи мы с Альбертом занялись сравнением слов в языках аранда и питжантжара. Я называл слова на питжантжара, а он давал мне эквивалент на арандском. Ему, вероятно, очень нравилось это занятие; во всем чувствовалась его подлинная любовь к родному языку и культуре».

Где бы ни появлялся Альберт, мельбурнцы старались всячески помочь ему, сделать для него что-нибудь приятное. Был, например, такой случай: когда Альберт со спутниками прибыл к мемориальному памятнику, там не оказалось места, где можно было бы поставить машины. Свободной была только запретная зона. Полисмен на посту, увидев в одной из машин аборигена, подошел и спросил у шофера: «Не Наматжира ли это?» Шофер утвердительно кивнул головой. «О, я большой поклонник Альберта Наматжиры, поставьте машину здесь!» — воскликнул полицейский, указывая на запретную зону.

В Мельбурне Альберт приобрел много новых друзей и завоевал сердца всех мельбурнцев, которым довелось познакомиться с ним.

Пастор Шерер вспоминал: «Альберт повсюду держал себя просто великолепно и снискал к себе огромное уважение. Многие приглашали его к себе, но из-за того, что все время Альберта было заранее расписано, приходилось отказывать. Он получил множество подарков, среди которых были палатка, большой флаг, книги, посуда, краски, одежда, фотографии и др. Я считаю, что многие новые знакомства и впечатления пойдут Альберту на пользу».

В Аделаиду Альберт прибыл поездом 4 марта. Его встретил пастор М. Лое, глава объединенной евангелической церкви Австралии, и Чарлз Дьюгид, председатель Лиги сторонников прогресса аборигенов.

В Аделаиде было только две официальные встречи: одну устраивала Лига сторонников прогресса аборигенов, другую — Королевское общество изящных искусств Южной Австралии. Королевское общество, проявив особую внимательность к Альберту, устроило «сухой» прием, поскольку художнику-

арандцу, как туземцу, запрещалось употребление алкогольных напитков.

Частные встречи включали визит Альберта к супругам Ройтер в долине Баросса. Там у Альберта произошла встреча с детьми местной школы; он отвечал на вопросы учеников, а затем, к великой радости детворы, нарисовал для них на классной доске эму и кенгуру.

По словам пастора Ройтера, Альберт выглядел после своего путешествия очень усталым. «Мне кажется, — рассказывал он, — что Альберт нашел свою первую поездку по столицам штатов интересной. Правда, у меня и у моей супруги создалось впечатление, что ему изрядно надоели толпы любопытных, неотступно следовавших за ним. Он не жаловался, но говорил, что скучает по жене и семье и мечтает о возвращении домой, в Центральную Австралию. Как-то утром, когда Альберт в молчании прогуливался по нашему большому цветнику и рассматривал цветы, я спросил его, нравятся ли ему фруктовые сады и виноградники долины Барроса. «Очень», — сказал он в ответ, но мне почему-то показалось, что думал он в этот момент о другом, о своем прекрасном крае с его величественными горными пейзажами, и мечтал возвратиться туда. Перед отъездом Альберт попросил у меня в долг двадцать фунтов. Ему хотелось самому купить подарки жене и детям.

Вскоре долг был возвращен. Время, что Альберт пробыл у нас, он вел себя как истый джентльмен: его манеры были безукоризненны».

Накануне отъезда обратно в Аделаиду Альберт изъявил желание навестить своих старых друзей супругов Хейнрих, чьим проводником он был во время памятного путешествия в Хермансбург в 1924 году — путешествия, которое миссис Хейнрих всегда называла самым необычным свадебным путешествием, когда-либо предпринимавшимся невестой.

Беседа со старыми друзьями была долгой, и Альберт откровенно поделился всеми своими неприятностями последних лет. На вопрос о том, доволен ли он своим успехом и растущими доходами, он задумался на миг и ответил: «Я был счастливее до того, как стал богатым, деньги — это еще далеко не все». И пояснил, что за деньги он не может купить то, что ему больше всего хотелось бы приобрести, — собственный дом в Алис-Спрингсе. О своей встрече с королевой он лишь заметил: «Это славная, милая квара квака (маленькая девочка)». Прощаясь со своими друзьями, он откровенно признался, что у него нет больше желания посещать столицы: они слишком шумны и многолюдны.

Одним из самых счастливых для Альберта событий в Аделаиде было посещение им Аделаидской национальной художественной галереи, директор которой Роберт Кэмпбелл показал ему акварели, купленные еще на его первой аделаидской выставке в 1939 году. Альберт сказал, что Мельбурн и Сидней пока что не имеют его работ, но, как ему кажется, Сидней вскоре купит одну, так как директор галереи просил прислать ему несколько акварелей для отбора.

Альберт возвратился в Алис-Спрингс поездом в сопровождении двух попутчиков из Хермансбургской миссии. Весь долгий тысячемильный путь он, не переставая, думал о встрече с семьей и по приезде направился прямо домой, где был с радостью встречен женой и, само собой разумеется, многочисленными родственниками, сгоравшими от нетерпения узнать, какие подарки привез им Альберт из больших городов, которых они никогда не видели.

VII

Возвратившись из путешествия, Альберт в течение ряда месяцев трудился над несколькими своими акварелями. Лучшие из них были отосланы в Мельбурн директору Национальной галереи Дэрилу Линдсею. Правление галереи намеревалось приобрести одну акварель для себя, а другую — для художественной галереи Гилонга. Рекс Бэттерби отобрал три самые лучшие работы и оценил в тридцать пять, пятьдесят и семьдесят пять гиней. Однако правление галереи отклонило акварели. Профессор-искусствовед Мельбурнского университета Дж.-Э. Берк заявил: «По-моему, они ужасны. Я полагаю, нам надо прямо заявить, что лучше мы поищем акварели раннего Наматжиры. Эти же — настоящая халтура». Председатель правления Джон Медли в свою очередь добавил: «Пожалуй, следует написать, что цена слишком высока, а сами работы Наматжиры чудовищно ухудшились».

Эти оценки вызвали гневную отповедь со стороны Рекса Бэттерби. В интервью по телефону из Алис-Спрингса он заверил, что работы, представленные на рассмотрение художественной галереи штата Виктория, являются самыми лучшими из последних произведений Наматжиры. По сообщению аделаидской газеты «Ньюз», Бэттерби сказал: «Если им угодно высказывать подобные суждения — это их дело, у нас свободная страна. Но они несут вздор. Им хотелось получить картины по дешевой цене — и мы их дали, притом дали самые лучшие и запросили действительно недорого. Альберт не пишет халтуры. Эти работы ни в чем не уступают самым совершенным. Что еще от него хотят? Альберта ничуть не волнует, купит Мельбурнская галерея его работы или нет, но мне хотелось бы, чтобы она их купила. Если галерею интересуют ранние работы Альберта Наматжиры, то члены правления имели полную возможность приобрести их на первых выставках. Теперь же некоторые из них перепродаются по цене в двести гиней».

Когда разгорелся этот спор, Альберта не было в Алис-Спрингсе. Когда, вновь объявившись в городе, Альберт узнал о перепалке, он был удивлен, почему Мельбурнской галерее не понравились его работы. «По-моему, акварели были хорошие. Да и получили они их по дешевке, как и просил меня в Мельбурне Линдсей».

К критикам Наматжиры присоединился и директор Аделаидской национальной галереи Роберт Кэмпбелл. «Бесспорно, Наматжира личность незаурядная, — заявил он, —

однако это художник не очень высокого класса. Его никак нельзя отнести к числу лучших наших акварелистов. Его невиданный успех объясняется тем, что в лице Наматжиры мы имеем чистокровного аборигена, который не только научился писать в западной манере, но и обладает таким же видением мира, как и белые. Старое искусство аборигенов исчезает вместе с их вековой культурой, и поэтому нет никакого сомнения, что живопись Наматжиры будет иметь важное историческое значение. Вполне возможно, что Австралия когда-нибудь и выдвинет по-настоящему первоклассного художника-аборигена».

Мысль Кэмпбелла о том, что Австралия со временем сможет еще выдвинуть выдающегося художника-аборигена, вызвала широкое обсуждение. Многие считали, что искусство «патриарха» арандской школы художников никогда не будет превзойдено. Поклонники Альберта утверждали, что ни один из его критиков не сумеет добиться такого успеха, как Наматжира, работы которого будут жить еще долго после того, как их труды канут в Лету.

В конце концов словесные баталии прекратились. Работы, вызвавшие столько споров, возвратились в Алис-Спрингс, и никто уже больше не вспоминал заявления профессора Берка о том, что Мельбурнская галерея собирается поискать ранние акварели Наматжиры.

Хотя многие авторитеты не очень высоко ставили Альберта как художника, Королевское общество изящных искусств Нового Южного Уэльса тем не менее сочло его достойным признания и избрало своим почетным членом.

А тем временем Альберт, не ведая об избрании, писал свои акварели в Долине пальм. Уильямс, управляющий туристским бюро штата Виктория в Новом Южном Уэльсе, был специально направлен к нему, чтобы сообщить эту приятную новость. Он нашел Альберта в одном из его излюбленных мест. Когда Уильямс сообщил Альберту о той чести, которой его удостоили, он задумался на какой-то миг, а затем с улыбкой, так редко освещавшей его лицо, сказал, что он очень рад слышать о признании его работ художниками Нового Южного Уэльса.

Будучи в Центральной Австралии, Per Кэмпбелл, художник из Нового Южного Уэльса, спросил разрешения написать портрет Альберта. Миссис Кэмпбелл, сопровождавшая мужа в его поездке, рассказывала, что ее супруг и она сама давно уже интересовались творчеством художника-аборигена, которого они знали только по газетным и журнальным статьям, но, после того как они познакомились с ним, пришлось в корне изменить былое представление о нем.

Миссис Кэмпбелл писала: «Когда Альберт позировал для портрета, я чувствовала, что мне выпало счастье проникнуть, насколько это в силах человеческих, в глубины этого поистине выдающегося характера. Держался он с большим достоинством и удивительно тонко разбирался не только в акварельной живописи, но и в людях, как белых, так и черных. Я подолгу разговаривала с ним, и он рассказывал мне о законах своего племени, о своих делах и знакомствах с белыми людьми. Однажды я спросила его, когда и как он начал рисовать. На ломаном английском он рассказал, что в юности он отличался большой выносливостью и путь до Алис-Спрингса, а это восемьдесят с лишним миль, был для него всего лишь легкой прогулкой. Дальние походы заводили его порой туда, где никогда не ступала нога других арандцев. Чтобы показать своим соплеменникам, что он видел, он, по его словам, «брал широкую кору. Веточку из огня. На коре… рисовал горы, долины, деревья и скалы. Все это… показывал своим». Когда я поинтересовалась, не сохранилось ли у него чего-нибудь из этих рисунков на коре, он объяснил, что сжигал их сразу же после того, как показывал соплеменникам. Альберт также рассказал мне, почему так много его соплеменников умеет рисовать. Он объяснил, что, поскольку у арандцев нет письменного языка, все они с малых лет приучаются рисовать то, что хотят поведать своим товарищам. В этом я убедилась и сама, познакомившись с рисунками детей аборигенов. Самые одаренные дети белых не могут тягаться в правильности рисунка с этими туземными ребятишками. В каждом рисунке чувствовалось желание рассказать о том, что их юные авторы видели вчера или надеялись увидеть завтра. Объяснение Альберта помогло мне понять причину врожденной способности у детей коренных жителей Австралии к изобразительному искусству.

Мне вспоминается забавный случай, связанный с написанием портрета Альберта. Случай этот произошел, когда мы впервые обратились к Альберту с нашей просьбой. Он охотно согласился позировать моему супругу, но затем, бросив смущенный взгляд на свою старую, изодранную рубаху, заметил: «Куда лучше будет в новой красной рубашке». Мы взяли его в город, и в местном магазине он выбрал себе три рубашки — красную, голубую и зеленую. Наступило некоторое замешательство, пока мой супруг не сообразил, что за рубашки придется расплатиться нам. Он оплатил счет. Но после этого Альберта все еще что-то удручало. Оказалось, что, пока он позирует, нужно ублаготворить его многочисленных родственников. «Им не плохо бы побольше мяса для жаркого, — сказал Альберт. — Лучше всего вырезки». В

результате нам пришлось разориться на три новые рубашки Альберту, на патроны сыновьям для охоты на кенгуру, на ящик лимонада детям, подарки для Рубины на добрых десять фунтов и купить по хорошей порции вырезки для каждого родственника. При всем том в просьбах Альберта купить ему все это не было и намека на вымогательство или алчность. Мы поняли его положение и прониклись к нему еще большей любовью. Он был сама искренность. Это не была коммерческая сделка — просто он получил натурой плату за услугу, о которой его просили.

Другой забавный случай, о котором мой муж не любит вспоминать, произошел во время одного из сеансов позирования. Я приготовила для Альберта и мужа поесть и, прежде чем накрыть на стол, отозвала супруга в сторону и попросила его есть мясо руками, как, казалось мне, едят Альберт и его соплеменники. Подав на стол, я удалилась. Спустя некоторое время я возвратилась узнать, не надо ли чего, и тут увидела: муж сидит красный как рак и ест свое мясо руками, тогда как Альберт, достав нож и вилку, орудует ими с утонченной элегантностью, изящно держа их в своих тонких, длинных пальцах.

Портрет был начат в туземном лагере под Алис-Спрингсом, мы хотели написать Альберта в естественном для него окружении. Однако рои мух, стаи собак, ватаги ребятишек, любопытствующие родственники и тучи красной пыли, поднимавшейся при малейшем движении, — все это создавало невыносимую обстановку для работы. Поэтому мы уговорили Альберта позировать в доме Пэт Девис. Там мы усадили его в столовой и, чтобы избежать натянутости в позе, повесили перед ним акварель Ганса Хейзена. Альберт стал позировать менее напряженно. Он внимательно рассматривал висящую перед ним картину и время от времени спрашивал, как достигаются те или иные цветовые эффекты. Альберт по-настоящему глубоко интересовался искусством и преданно служил ему.

Для меня и моего мужа близкое знакомство с Альбертом было одним из самых памятных событий нашей жизни. Мы считаем его великим художником и великим австралийцем, человеком исключительного обаяния».

1954 год был самым богатым событиями в жизни Наматжиры: он был представлен королеве и восторженно встречен тремя главными столицами страны. Понадобилось шестнадцать лет, чтобы чуть ли не мифическая фигура художника-аборигена предстала перед глазами широкой публики: дебют Альберта в общественной жизни столиц сделал его самым популярным австралийцем 1954 года. Ну а как обстояло теперь его дело с гражданством? Многие считали Альберта вполне достойным

статуса гражданина, со всеми правами и привилегиями, которыми пользовались белые и полуцветные, и возмущались тем, что ему запрещено жить в Алис-Спрингсе и он вынужден ютиться в убогой, грязной лачуге за чертой города. Люди, встречавшиеся с ним во время его поездки по южным столицам, напоминали о его тщетных попытках улучшить свои условия жизни. Сначала он мечтал приобрести скотоводческую станцию, затем — построить дом в Алис-Спрингсе, но и в том и в другом ему было отказано официальными властями.

Сообщения об аресте Альберта по обвинению в употреблении спиртных напитков еще больше подчеркнули чудовищную ненормальность его положения как австралийца.

Разбиралось дело об алкогольном опьянении одного аборигена и метиса. По показанию подсудимых, вместе с ними пил и Альберт. Художник в свое оправдание заявил, что его действительно угощали и он отпил глоток из бутылки, но сделал это, чтобы выказать свое дружеское расположение и не обидеть угощавших, а отнюдь не из пристрастия к вину. Полицейский, арестовавший Альберта, засвидетельствовал, что тот не был пьян, но и не отрицал, что отпил из бутылки.

Судья У.-С. Николс нашел обвинение против Альберта доказанным, но не вынес ему никакого приговора, признав, что Наматжира стал просто жертвой обстоятельств. Когда Альберта впоследствии расспрашивали о происшедшем, он говорил: «Мой народ не привычен к вину. В прежнее время никогда не было никаких неприятностей. Закон гласит, что люди смешанной расы могут пить, но, когда они приносят в лагерь вино, пьют все. Отсюда большие неприятности».

Газеты страны широко освещали арест Альберта и суд над ним. Споры вспыхнули вновь. Рекс Бэттерби подверг сомнению правильность законов Северной Территории.

«При всем должном уважении к министру Территории мистеру Хэзлаку, — утверждал Бэттерби, — я уверен, что закон о гражданском полноправии людей смешанной расы чреват гибельными последствиями для чистокровных аборигенов. Многие мужчины так называемой смешанной расы женаты на чистокровных аборигенках и живут вместе с родней своих жен. В настоящее время они имеют право посещать отели, покупать вино, приносить его домой и затем сбивать с пути истины чистокровных аборигенов. Альберт Наматжира человек со средствами, и, когда он разбивает свой лагерь за чертой Алис-Спрингса, его осаждают люди смешанной расы, которым их новообретенная свобода нужна только затем, чтобы предаваться пьяному разгулу».

К сказанному Бэттерби добавил, что за все долгие годы своего знакомства с Наматжирой он ни разу не видел, чтобы Альберт употреблял алкогольные напитки.

Газеты заостряли внимание на некоторых сторонах положения Альберта. В ряде газет упор делался на древний закон аборигенов делиться с соплеменниками всем, что имеешь. Поэтому по традиции дележу подлежали и спиртные напитки. Закон белых, разрешающий нечистокровным аборигенам употребление спиртных напитков, но запрещающий это чистокровным аборигенам, совершенно им непонятен.

Мельбурнская газета «Сан» посвятила почти половину полосы Альберту Наматжире.

«Альберт не любит рассказывать о ночи, которую он провел в тюрьме, — писала «Сан», — но это заточение, конечно, заставило его задуматься о многом помимо живописи.

Признание белыми его искусства подняло его из безвестности и поставило на пьедестал. Слава принесла богатство, открыла двери в высшее общество белых и удостоила редкой, даже исключительной чести быть представленным ее величеству королеве. Но с этими привилегиями и почестями цивилизация одарила его и «привилегией» платить налоги на поддержание «своей» страны. Закон белых предписывает ему отчислять около четырехсот фунтов в год с выручки в две-три тысячи фунтов от продажи картин. Но наряду с этим во многих других элементарных привилегиях, таких, как свобода передвижения, свобода приобретать собственность, ему отказано. Как сообщают, Наматжира заявил: «Моему народу надоело скитаться по резервациям, словно мы животные, а не люди, и жить в палатках, подобно поселенцам».

Те, кто непосредственно занимается проблемами благосостояния аборигенов и привития им навыков цивилизованного образа жизни, едины в своем мнении, что закон, запрещающий продажу спиртного аборигенам и косвенно принесший бесчестье всемирно известному коренному жителю Австралии, должен быть сохранен. Свободная продажа спиртного аборигенам могла бы иметь самые дурные последствия для этих людей, совершенно не употреблявших какие-либо алкогольные напитки. Это могло бы развить у них такие привычки и наклонности, которые стали бы самой большой преградой на пути их ассимиляции. Разрешение продавать коренным жителям спиртное привело бы также к бессовестной эксплуатации их белыми.

Блеск цивилизации и образ жизни белых, как видно, не пришлись Альберту по вкусу при его первом знакомстве с ними.

Он с радостью вернулся к своему народу; у него не зародилось желания остаться среди белых, где с ним обращались как со знаменитостью. Куда больше для него значили любовь, внимание и уважение своих соплеменников. Громкая слава не ослабила привязанности к семье. За исключением путешествия по столицам штатов, которое он совершил один, с ним всегда был кто-нибудь рядом из его близких. Теперь, после суда, образ жизни белых, вероятно, будет значить для него еще меньше по сравнению с жизнью родного племени».

Сам факт, что ему пришлось предстать перед судом, так сильно подействовал на Альберта, что он полностью отгородился от всех, кто был хоть как-то причастен к обвинению. Он покинул свой лагерь у Алис-Спрингса и почти год прожил на дальних и заброшенных землях своего племени, вдали от Хермансбургской миссии. Лишь изредка наезжал в Алис-Спрингс, чтобы передать свои работы Рексу Бэттерби, но всячески избегал встреч с кем-либо, кто был связан со свалившимся на его голову позором.

Следующий, 1955 год прошел без каких-либо событий. Большую часть времени Альберт проводил за мольбертом вместе с другими арандскими художниками, и его редко видели даже в Хермансбурге. Лишь на короткое время попал он на страницы газет. О нем вспомнили в связи с выставкой в Сиднее, на которой он был представлен в числе двенадцати арандских художников. Как обычно, выставка прошла с огромным успехом.

Еще за десять лет до этого, задумываясь о будущем Наматжиры, член Королевского антропологического института Южной Австралии С.-П. Маунтфорд задавал вопрос: «Неужели слава, эта коварная ветреница, вознесет его, а потом низвергнет?» Так и случилось, Альберту пришлось испытать и ее благосклонность и ее коварство. Он пережил крушение самых своих сокровенных надежд. Но самой большой обидой было непризнание его работ галереями штатов Виктория и Южная Австралия.

Впервые в газетной статье, касавшейся общественного положения Наматжиры, его положения как художника, появилось слово «трагедия». Под заголовком «Черный художник и трагическая дилемма» аделаидская газета «Адвертайзер» подробно изложила хорошо известные теперь факты о плачевном положении Наматжиры: «Альберт, как король, восседал под деревом у подножия горы Гиллен, отдельно от неопрятной, оборванной группы сородичей. Его собственный внешний вид мало чем отличался от обличья других аборигенов, но он все же выглядел весьма внушительно. Эти люди — остаток некогда гордого племени аранда, по гордость теперь безвозвратно ушла в

прошлое».

Один представитель Хермансбургской миссии писал: «Трагедия Альберта в том, что он живет между двух миров. Он проделал путь от простого образа жизни своего племени к запутанной жизни в торгашеском мире цивилизации. Покинув свою счастливую среду, он с огорчением обнаружил, что его не принимает общество белых, в которое ввел его талант художника. Так, несчастный и отчаявшийся, живет он теперь между двумя обществами — своим и обществом цивилизации. Вместо исполнения своих надежд Альберт познал лишь горечь разочарований; вместо счастья нашел только унижения. Законы его племени требуют, чтобы он делился всем, что имеет, со своими многочисленными сородичами, а слава требует, чтобы он писал все больше и больше картин. Трагедия Альберта Наматжиры, этого истинного сына природы, к несчастью, явление обычное. Его печальная судьба скорее правило, чем исключение для человека черной расы, который попытался проникнуть в общество белых».

Во время редких наездов Альберта в Алис-Спрингс его душевная надломленность бросалась всем в глаза. Он казался озлобленным, разуверившимся, былая мягкость и доброжелательность сменилась обидой на всех и вся.

VIII

В начале 1956 года распространились слухи о размолвке между Наматжирой и его посредником Рексом Бэттерби. Альберта стало стеснять решение Арандского художественного совета распоряжаться картинами по своему усмотрению. Ему хотелось свободы как в установлении цен, так и в выборе покупателей. Некоторые белые сочувствовали его желанию, хотя и понимали, что совет был создан с целью защиты художников-арандцев от эксплуатации. Альберт и до этого довольно часто продавал свои работы перекупщикам и заезжим туристам. Однако определенное количество работ он передавал Рексу Бэттерби, хотя и был недоволен тем, что приходится ждать денег до тех пор, пока они не будут проданы.

Отказ Бэттерби вести дела Наматжиры не вызвал поэтому особого удивления. Его заявление напечатала аделаидская газета «Ньюз». В нем говорилось: «За последний год моей деятельности как единственного посредника по продаже работ арандских художников, включая акварели Наматжиры, я продал тысячу тридцать четыре произведения восемнадцати художников на сумму приблизительно семь тысяч шестьсот фунтов. За все мои хлопоты я получал десять процентов комиссионных и был счастлив тем, что могу помочь всем им. Но теперь самозваные дельцы требуют только работ Наматжиры, и художники — соплеменники Альберта очень обеспокоены поисками рынка. Альберта же эта проблема мало волнует. Спрос на его работы дает ему возможность в любой момент рассчитывать на самую высокую цену. Но он идет на продажу за цену, предложенную первым встречным, поскольку знает, что в случае надобности, стоит ему подналечь, и он получит желаемые несколько фунтов, даже если акварели будут явной халтурой».

Бэттерби не преминул заметить, что некоторые самозваные посредники в Алис-Спрингсе загребают до четырехсот процентов на продаже работ Наматжиры и других художников-аборигенов. Наматжира сам признавался, что одна его акварель, выставленная в витрине магазина в Алис-Спрингсе и оцененная в девяносто фунтов, была куплена у него всего за двадцать. Бэттерби в свою очередь рассказал, как один турист купил семь работ Наматжиры за сто фунтов, хотя настоящая цена им была около четырехсот.

Законодательный совет Северной Территории был настолько обеспокоен сообщениями о спекуляции акварелями художников-арандцев, что внес поправку в акт о нарушениях полицейских правил и установил наказание за непосредственную покупку

произведений у аборигенов без разрешения местного отделения департамента по делам туземцев: штраф в сто фунтов или шесть месяцев тюремного заключения, а в ряде случаев и то и другое. Однако, несмотря на такие постановления, нелегальная торговля продолжалась. Поговаривали, что купленные из-под полы произведения пересылаются в Сидней, где на них был огромный спрос, особенно на Наматжиру.

Когда факты о подпольной торговле стали достоянием прессы, отделение департамента по делам туземцев в Алис-Спрингсе попало под огонь критики за неспособность пресечь махинации предприимчивых дельцов. Один репортер, приехав в Алис-Спрингс, обнаружил в открытой продаже в магазинах акварели Наматжиры стоимостью от восьмидесяти до ста гиней. Бэттерби заявил репортеру, что он устал от расточительности художников, которые зарабатывают и пускают на ветер целые состояния, что его деятельность как посредника отнимала у него очень много времени и отрицательно сказывалась на его творчестве, и поэтому он порвал связи с художниками-аборигенами.

Потом в газетах появилось сообщение, что Альберт остался без средств. Директор департамента по делам туземцев Х. Гис объявил, что Наматжира в серьезных долгах. Был такой случай, когда у него едва не конфисковали по суду грузовик для погашения долга. Как рассказал представитель Хермансбургской миссии, Альберт сам признался, как-то будучи в миссии, что довольно много задолжал магазинам и гаражам в Алис-Спрингсе. Особенно его заботило то, что у него нет каких-то нескольких сот фунтов, чтобы расплатиться за починку своего грузовика, который и в тот момент стоял в гараже на очередном ремонте. Из-за отсутствия машины ему приходилось нанимать такси, а каждая такая поездка до Хермансбурга влетала ему в пятнадцать фунтов!

Пока Альберт жил в миссии, его основные расходы контролировались ее персоналом. До 1951 года у него никогда не было сколько-нибудь серьезных долгов; более того — сбережения, вложенные в военные облигации, достигали девятисот фунтов. Трехтонный грузовик по непомерной цене, полтонны снаряжения и подержанный автомобиль в плохом состоянии он купил, уже оставив миссию. Поскольку сам он водил редко, то на этих машинах по бездорожью катал любой из соплеменников, маломальски умевший сидеть за рулем. В результате машины то и дело ломались, их приходилось ремонтировать, а это стоило немалых денег.

В марте 1956 года умирает отец Альберта — Джонатан. Смерть отца сильно потрясла его, хотя последние годы они

виделись довольно редко. Джонатан, одним из первых арандцев принявший лютеранство, большую часть своей жизни (а прожил он восемьдесят лет) провел в миссии. К своему единственному выжившему сыну он питал самые нежные чувства и с гордостью, говорил о нем: «Альберт очень богатый, большой человек стал… — но тут же добавлял: — Жаль, что Альберт покинул миссию».

Джонатан умер, не ведая, что Альберт уже «не при деньгах» и что фактически изгнан из общества белых в Алис-Спрингсе.

Туристов, приезжавших из-за океана познакомиться с известным аборигеном, поражал жалкий вид лагеря, в котором приходилось жить ему. Альберт принимал посетителей весьма учтиво, но всякий раз горько жаловался на закон, который возлагает на него кучу гражданских обязанностей, но не дарует ему ни одного гражданского права. В качестве туриста посетил его и шведский газетный издатель Ивар Харрис. Он увидел Наматжиру, когда тот, сидя на земле и не обращая внимания на мух и клубы пыли, писал свою акварель. Издатель поинтересовался, нет ли у Альберта завершенных работ. Художник достал одну из дупла эвкалипта, под которым он расположился. Она была обернута в какую-то грязную тряпку. «Мне больше негде хранить мои картины, — сказал Альберт. — Если пойдет дождь, то пропадет вся работа, пропадет сотня гиней, все пропадет».

А цену своим работам Альберт в какой-то степени уже знал. Жена управляющего банком в Алис-Спрингсе как-то предложила ему двадцать фунтов за акварель с изображением горы Сондер, объяснив, что это все, что она может заплатить за нее. Альберт не стал спорить и лишь отрицательно покачал головой: «Поезжайте-ка в Новый Южный Уэльс. Вы знаете Энтони Хордерна? Ну так вот, зайдите в магазин Энтони Хордерна. Там вы увидите картину Альберта Наматжиры, цена ей сто двадцать пять гиней. А маленькие — по сотне. Вы же не скажете там: «Какая прекрасная работа, она мне очень нравится, даю двадцать гиней». Нет, вы заплатите столько, сколько назначил Энтони Хордерн».

Высказав свое мнение, Альберт собрал свои работы и зашагал прочь. Какое-то время спустя эта же дама попросила Альберта написать пейзаж горы Макдоннелл. Альберт согласился, но запросил двадцать гиней вперед. Она заплатила, но затем начала беспокоиться, что не получит обещанной картины. Муж укорял ее, говоря, что она поступила опрометчиво. Как-то встретив Альберта, она напомнила ему о заказе.

«Я принесу, — заверил ее Альберт. — Я не такой, как плохие белые. Я христианин, воспитанный лютеранской миссией».

Через несколько недель он принес работу. Он не терпел и тени сомнения в его честности.

В ноябре 1956 года Фрэнк Клюн выступил со статьей «Гений в оковах», в которой критиковал власти Северной Территории за отношение к делам Наматжиры. Вскоре после этого Клюн попытался договориться о том, чтобы Альберт приехал в Сидней в качестве гостя и заодно получил в дар от «Эмпол петролеум компани» новый грузовик. Он позвонил по телефону в Канберру и попросил власти дать разрешение на приезд в Сидней Альберту и его сыну Киту. Канберра ответила, что просьба должна быть выражена письменно. Вскоре директор департамента по делам туземцев Гис позвонил Клюну из Дарвина и выразил свои сомнения в целесообразности вновь подвергать Наматжиру неудобствам, связанным с множеством приемов, церемонии и встреч. Клюн заверил его, что подобного рода неудобствам Наматжира подвергаться не будет и что сам приезд художника только повысит спрос на его картины. Разрешение было дано через пять дней, буквально за несколько часов до намеченного времени отъезда. Альберт с Китом вылетели на Юг. Их сопровождал старый друг, владелец алис-спрингсской компании такси Берт Гардинер.

В Сиднее Альберт провел семь дней, до предела насыщенных официальными встречами и церемониями, включая, конечно, и церемонию передачи в дар нового грузовика. Церемония транслировалась по радио, и репортаж о ней вел ныне покойный Джек Дейви. В Сиднее Альберт был принят губернатором Нового Южного Уэльса Джоном Норткоттом и познакомился с комиссаром полиции К.-Дж. Делани, с лорд-мэром олдерменом Иенсеном и кардиналом Гилроем. По приглашению Эдуарда Холстрома побывал в зоопарке Таронга, а с Джеком Дейви Альберт ездил на акулью охоту. Присутствовал на рождественском празднике в столичном магазине, смотрел эстрадное представление. Альберт был также гостем на коктейле для спортсменов, принимавших участие в Олимпийских играх в Мельбурне. На коктейле и во время других подобных встреч он — а вместе с ним и другие присутствующие — попадал в неловкое положение, поскольку закон запрещал ему употребление алкогольных напитков. Единственным «сухим» приемом оказался для него и Кита день, проведенный на борту роскошной прогулочной яхты «Морской туман», принадлежавшей популярнейшему деятелю Австралийского радио Джеку Дейви. Позднее Альберт говорил, что день на борту яхты доставил ему самое большое удовольствие за все время его пребывания в Сиднее.

В честь Альберта был дан завтрак художниками совместно с писателями и журналистами. Сотни людей, собравшихся у ресторана посмотреть съезд знаменитостей, стали свидетелями прибытия Альберта и Мэри Гильмор, девяностолетней поэтессы, «старейшины австралийской литературы». Альберт, галантно поддерживая свою спутницу под руку, провел ее через толпу к подъезду ресторана. Завтрак был нелегким испытанием для Альберта. Он молча и оторопело слушал ораторов, которые один за другим превозносили его и его работы в выражениях, смысл которых был ему не очень понятен. Он только важно кланялся каждый раз, когда очередной оратор называл его имя.

Будучи в Сиднее, Альберт позировал хорошо известному художнику Уильяму Даржи.

«Когда Фрэнк Клюн спросил меня, не хотел бы я написать портрет Наматжиры, я охотно согласился, — писал Даржи, — но, узнав, что в течение дня единственно свободным временем Альберта от нескончаемых официальных и частных встреч были часы от пяти до восьми утра, я было заколебался. Однако Клюн уверил меня, что Альберт в пять утра всегда на ногах. Ну, раз Альберт может вставать в пять, сказал я, то и я, чтобы писать его, буду делать то же самое. Так четыре утра подряд Альберт позировал мне в импровизированной студии на Макли-стрит.

Во время сеансов мне удалось довольно близко познакомиться с Альбертом. Я обнаружил, что это очень умный человек; родись белым, он преуспел бы в любой области. Одним словом, я, как художник-портретист (и поэтому кое-что смыслящий в задатках, которые приводят белых к успеху в среде своих сограждан), полагаю, имею право утверждать, что Альберт Наматжира был исключительной личностью, какие редко встречаются среди людей, независимо от расы и цвета кожи. Альберт оказался столь же хорошим критиком, как и художником. Я убедился в этом, когда об одном хорошо известном австралийском художнике он сказал: «Он не умеет делать так, чтобы сторона дерева, которая ярко освещена, была того же цвета, что и сторона в тени. Переверните его картину вверх ногами, и гора на заднем плане будет казаться ближе, чем деревья на переднем. Так неверно. Я умею делать лучше». Это было очень тонкое профессиональное наблюдение, и я понял, что могу относиться к Альберту только как к коллеге.

В течение четырех дней, что я писал портрет Альберта, мне приходилось бывать вместе с ним на всевозможных встречах и приемах, и там я увидел, что он очень и очень несчастен в этой чуждой для него среде. Как-то он подошел ко мне, легонько подтолкнул сзади и, когда я обернулся, прошептал: «Пошли

отсюда — пойдемте в вашу студию и поговорим о картинах».

Я не мог не сравнить Альберта здесь с Альбертом, каким он был в родном краю, в Центральной Австралии, где я некогда сопровождал его в поездках на натуру. В своей среде он чувствовал себя несравненно счастливее и был в высшей степени интересным собеседником. Мне нет надобности говорить о том, что многие австралийцы, путешествовавшие по местам, которые он писал, знают, насколько акварели точно воспроизводили облик его родного края. Его цвета нисколько не преувеличены, за исключением, может быть, ранних работ, когда он только постигал технику акварели. Альберт, конечно, не является самым великим акварелистом, которого когда-либо рождала Австралия, однако его достижения не могут быть преуменьшены ни одним мало-мальски честным художником».

Даржи нашел в Наматжире великолепный объект для своего полотна.

«Альберт обладает большим чувством собственного достоинства, — говорил он. — Его внутреннее достоинство ассоциируется у меня со спокойствием, которое присуще античным скульптурам римлян и жителям пустыни — арабам. Его лицо — великолепный материал для портрета».

Портрет Наматжиры кисти Даржи был удостоен премии Арчибальда за 1956 год.

А как относился к Даржи Альберт? «Мистер Даржи умный, прекрасный художник, — говорил он. — Он пишет мое лицо таким, какое оно есть. Мы о многом говорили, но не слишком много: мистер Даржи не так разговорчив, как другие».

Хотя Альберт и очень интересовался работой Даржи маслом, но сам он писал в Сиднее в привычной для него технике акварели. Его попросили написать несколько городских пейзажей и отвезли на площадь Мартина. Он поставил мольберт, раскрыл коробку с новыми красками и кистями и попытался запечатлеть вид суетливого, полного движения города, но непривычность обстановки, шум и толпы любопытных мешали ему. Прекратив работу, он сменил кисть на перо и стал раздавать автографы. Охотники за автографами осаждали его всюду, где бы он ни появлялся, и он никогда не отказывал, хотя обилие людей, толпящихся вокруг, смущало его. Когда он подписывал в столичном магазине рождественские открытки с его репродукциями, лицо его выражало терпеливую покорность и лишь глаза, которые он время от времени поднимал на окружавшее его скопище людей, выдавали глубокое смятение.

Где бы на людях ни появлялся Альберт, он казался скучающим, выглядел утомленным; лишь когда пришло время

возвращаться домой, он почувствовал облегчение. Его новый автомобиль ломился от подарков, начиная с холодильника и кончая всякими мелочами.

Газеты Сиднея освещали каждый шаг Наматжиры, и у многих сложилось впечатление, что с ним носятся, как со «звездой», ради рекламы, нисколько не считаясь при этом с его личными чувствами. Лорд-мэр призывал к широкой кампании за улучшение положения черного художника, выступал против «постыдного обращения» с Наматжирой в Северной Территории.

Бил Хэрни, близкий друг Альберта, занимавший одно время какой-то пост в департаменте по делам туземцев, с негодованием писал в аделаидской «Ньюз»: «Не пристало лорд-мэру столицы штата, граждане которого в прошлом безжалостно истребляли коренных жителей, рассуждать о «постыдном обращении». Я до глубины души возмущен позорным и унизительным использованием великого австралийца в рекламных целях, с тем чтобы магазины могли сбыть побольше залежалых товаров. Постыдно и недостойно играть на славе и таланте Наматжиры для собственного прославления. Некоторые носятся с ним лишь потому, что работы его стали модными. Надеюсь, они не откажут ему в практической помощи, когда он состарится и будет нуждаться в поддержке».

А тем временем Альберт возвращался в Центральную Австралию и не ведал, что вновь разгорелся спор вокруг его имени. Он ехал в новом грузовике в сопровождении Кита и Берта Гардинера, который вел машину. В Кутамундре, где они остановились переночевать, в честь Наматжиры был устроен обед. Его дала Барбара Андерхилл, отец которой одно время жил в Алис-Спрингсе.

Узнав, что знаменитый Наматжира находится в городе, мэр Кутамундры спешно решил поприветствовать его от лица жителей. Когда мисс Андерхилл передала Наматжире во время обеда просьбу мэра, он согласился: «Ну что ж, пусть». Выслушав приветственную речь, Альберт промолвил: «Барбара, будьте добры, чуточку лимонада. Благодарю вас, мистер мэр». На этом все и кончилось.

На Альберта никогда не производило никакого впечатления высокое положение людей. Он любил в людях людей, а не сановных лиц.

В течение двухтысячемильного путешествия из Сиднея радость Альберту доставляли порой самые простые вещи. Берт Гардинер рассказывает: «Альберт увидел иллюминированный фирменный знак с изображением барашка, рекламировавший бензин фирмы «Золотое руно». Барашек так ему понравился, что

он тут же заявил, что хочет такого же для своей любимой внучки Бидди. Грузовик наш и так уже был полон даров для семьи, но Альберт продолжал настаивать, что хочет барашка, и все тут. Каждый раз, когда мы проезжали мимо или останавливались у заправочной станции фирмы «Золотое руно», Альберт начинал твердить: «Я хотел бы одного из таких барашков». Дело кончилось тем, что на одной из обслуживающих станций хозяин, услышав настояния Альберта, спросил у меня, всерьез ли просит об этом Альберт. «Вы еще сомневаетесь? — ответил я. — Да он вот уже добрую тысячу миль требует такого барашка. Сколько дней не дает мне покоя!» Хозяин посмеялся и, войдя в наше положение, сказал, что недалеко на свалке есть старый, но еще вполне приличный «барашек», его водрузили там местные шутники, сорвав с гаража в канун Нового года. С радостной улыбкой забрал Альберт своего долгожданного «барашка» и погрузил в автомобиль».

По приезде в Алис-Спрингс Альберт в первую очередь попросил остановить машину у больницы, где после операции поправлялась Рубина. Нагрузившись подарками, яркими хлопчатобумажными платьями, красивыми шарфами, теплыми одеялами, он направился в палату к супруге и свалил все ей на кровать.

«Когда волнение, вызванное подарками, улеглось, — рассказывала сестра Шнейдер, — Альберт лично поблагодарил дежуривших сестер за уход за его женой. Рубина намекнула Альберту, что было бы неплохо, если бы он написал что-нибудь для хирурга и меня в знак благодарности за наши о ней заботы. Через несколько дней, когда я подошла к койке Рубины, она извлекла из тумбочки великолепную акварель Альберта и, смущаясь, предложила ее мне; лицо ее светилось счастьем и гордостью.

Поблагодарив Рубину за восхитительный подарок, я спросила, навещает ли ее Альберт. На ломаном английском языке она ответила, что он очень занят подготовкой праздника рождества для наших родных с раздачей подарков, привезенных из Сиднея».

И Альберт действительно «устроил рождество» для своих соплеменников. Когда он вернулся к себе, тридцать-сорок сородичей с радостью помогали ему разгружать грузовик. Никогда у них не было такого количества рождественских подарков, и восторги не утихали несколько дней. Дети забавлялись новыми игрушками, а их родители поглощали содержимое банок. Какое-то количество припасов было припрятано в холодильник, который без пользы стоял в старом

сухом русле реки, поскольку в доме Альберта электричества не было. Сам Альберт почти не принимал участия в празднестве. Он по большей части одиноко сидел под эвкалиптом и задумчиво смотрел, как Бидди играет привезенным ей в подарок «барашком».

IX

В январе 1957 года, через каких-нибудь две-три недели после возвращения Альберта из Сиднея, в прессе появилось сообщение о том, что подано прошение о предоставлении художнику-аборигену полных гражданских прав. Одна газета писала, что это прошение подано лорд-мэром Сиднея Иенсеном, другая — что подал его сам Альберт. Последняя версия крайне удивила друзей художника в Алис-Спрингсе, поскольку Альберт не раз уже отклонял советы начать ходатайство о гражданских правах. Более того, он даже обращался к адвокату в связи с тем, что не хотел их получать.

Рекс Бэттерби не разделял точку зрения сторонников предоставления полных прав гражданства своему бывшему ученику. Аделаидская газета «Адвертайзер» писала, что, по его мнению, если Альберту будет даровано гражданство, он не сможет свободно странствовать по резервациям, которые питают его сюжетами. Представитель департамента по делам туземцев опроверг этот домысел, заявив, что, если Альберт станет полноправным гражданином, ему не будет запрещено посещать любую резервацию, где живут его родственники. Если он пожелает посетить какую-либо резервацию, где у него нет родных, он сможет получить разрешение, как любой белый.

Пастор Альбрехт, знавший Альберта в течение тридцати лет, заявил, что он глубоко сомневается в том, что прошение о правах исходило от самого Альберта. Альберт рассказывал ему, что кое-кто в Сиднее убеждал его стать полноправным гражданином. Тогда, мол, он сможет переселиться в Сидней и, как свободному гражданину, ему не придется жить со своей многочисленной родней. Его родственники должны будут оставаться в Северной Территории, а он даже сможет обзавестись новой женой.

Когда самого Альберта спросили, подавал ли он прошение, он уклонился от ответа, сказав только, что не может понять, почему из-за него поднимают так много шума:

«Все время люди болтают обо мне. Очень много болтают. Все равно ведь это не приносит мне того, что я хочу: дом и многое другое».

Споры о гражданстве Альберта шли одновременно с полемикой о предоставлении полных прав гражданства всем чистокровным аборигенам Северной Территории. В то время власти планировали замену существовавшего статута Северной Территории об аборигенах на статут благоденствия. По этому новому закону, Альберт и ряд других аборигенов должны были

стать гражданами Австралии.

«По существующему статуту Северной Территории об аборигенах, все они находились под контролем властей Территории, — разъяснял департамент по делам Территорий. — Целью этого статута была защита аборигенов от эксплуатации. Статут в любой момент давал возможность Альберту, попроси он об этом, стать свободным гражданином. И власти предлагали ему подать прошение об освобождении его из-под действия положений статута. Он мог получить освобождение без всяких проволочек, но каждый раз отказывался просить его. По новому статуту благоденствия, аборигены не будут находиться под охраной закона, если добровольно с их стороны не будет заявлено о взятии их под опеку властей. Когда новый Ордонанс войдет в силу, Наматжира автоматически станет свободным человеком со всеми гражданскими правами, желает он того или нет».

А самого Альберта в это время мало что волновало, кроме заказа, который он получил, будучи в Сиднее. Управляющий компанией «Рио Тинто Майнинг» Блейк Пелли попросил его написать шесть акварелей урановых разработок Мэри Кэтлин в Квинсленде. Поскольку Альберт не имел права покидать пределы Северной Территории без специального разрешения, пришлось договариваться через секретариат министра Территорий и власти Северной Территории, на что ушло какое-то время.

Компания «Рио Тинто», получив уведомление о том, что Альберт может принять заказ и приехать в Квинсленд, составила договор и предложила гонорар в размере ста гиней за каждую акварель.

Однако в апреле, еще до получения договора, Альберт отправился в Перт. Он был гостем супругов Хотчин в их имении «Мандалай». Мистер Хотчин давно был почитателем Наматжиры и еще в 1946 году устроил в Перте первую выставку его работ.

«Приезд Альберта Наматжиры в Перт навсегда останется в памяти тех, кто встречался с ним, — рассказывал Хотчин. — Моя жена и я считаем, что у нас никогда не было более идеального гостя.

Мы подолгу беседовали с Альбертом; особенно глубоко нас тронула его озабоченность здоровьем жены, которая была тогда больна. Альберт не раз возвращался к проблеме своих гражданских прав и говорил, что, если бы ему дали полные права, он хотел бы построить домик в Алис-Спрингсе, поскольку он и Рубина уже немолоды и не с их здоровьем дневать и ночевать под открытым небом. Во время своего пребывания у нас Альберт чувствовал себя неважно. Его постоянно знобило. На ночь моя супруга выдавала ему несколько шерстяных одеял и горячую

грелку. Как-то вечером я зашел в комнату Альберта. Вижу, он сидит на кровати и читает религиозные стихи из книги, которую привез с собой. Эта картина навсегда запечатлелась в моей памяти. На мой вопрос, что он читает, Альберт без тени смущения ответил: «Я люблю стихи в этой книге, я читаю их, когда только могу».

Рассказывая о своем племени, Альберт всякий раз говорил с теплотой о сородичах, а когда речь заходила о гражданских нравах, он высказывал сомнение в том, что предоставление их решит все проблемы и принесет ему и его народу ожидаемые блага.

Мне показалось, что внутренне он очень расстроен, несчастен и обеспокоен своим будущим. Если не считать этого, то пребывание в Перте правилось ему. Его программа была тщательно продумана: хотелось избежать неприятной и стеснительной для него рекламной шумихи. Она включала завтрак в ротарианском клубе, прием, устроенный правлением Пертского музея и Художественной галереи, прием в Лиге Кулбора, на котором присутствовало много аборигенов и полуаборигенов, посещение нефтеочистительного завода в Куинане и поездку по живописным окрестностям Перта. Восторженный интерес, который вызывали у него особо красивые виды, свидетельствовал о большой любви к искусству. Он не раз говорил, что, если бы написать тот или иной вид, получились бы отличные картины».

Вскоре после возвращения в Алис-Спрингс Альберт стал полноправным гражданином страны. Многие предполагали, что это событие ознаменуется официальной церемонией, во время которой в торжественной обстановке ему будут вручены документы о правах. В действительности же о том, что он стал полноправным гражданином, Альберт узнал только от заехавшего к нему в лагерь корреспондента газеты. Все произошло так, как об этом говорилось в заявлении о том, что, по новому статуту, Альберт «автоматически станет свободным гражданином, желает он того или нет». Когда был опубликован официальный список 15 711 подопечных чистокровных аборигенов, в нем уже отсутствовали имена Альберта и Рубины. Это означало, что отныне они стали гражданами Австралии. Альберт теперь мог голосовать, заказывать спиртные напитки в отелях, приобретать спиртное в магазинах, строить себе дом, где только пожелает, и требовать гарантированного минимума зарплаты в случае работы по найму.

Но все это мало значило для него теперь. Его куда больше волновал заказ компании «Рио Тинто», которым он никак не мог

заняться из-за частых и изнурительных приступов болезни: у него было что-то не в порядке с бронхами. Поэтому он все оттягивал подписание договора с «Рио Тинто».

Тем не менее компания сделала все, чтобы Альберт прилетел в Квинсленд 2 мая. Директор-распорядитель компании Джон Пул вылетел в Мэри Кэтлин, чтобы встретить его. Когда Альберт не прилетел, Пул отправился обратно в Мельбурн, и руководители компании связались с властями Северной Территории. Один из представителей властей уведомил правление компании, что Альберт болен и не может принять предлагаемый заказ, хотя на самом деле он вместе с Фрэнком Клюном уехал на натуру. Позднее компания предприняла еще одну попытку убедить Альберта подписать договор и заполучить его картины. Но и на этот раз ей сообщили, что с Альбертом произошел несчастный случай и что в течение какого-то времени он не сможет писать. Поскольку существовала договоренность о показе картин, изображающих Мэри Кэтлин, за рубежом, заказ был передан другому художнику.

Трудно было понять уклончивость Альберта, ведь заказ сулил ему шестьсот гиней и мировую рекламу. Но, как указал чиновник департамента по делам туземцев, Альберт был теперь волен поступать так, как ему заблагорассудится. Возможно, он просто хотел показать, что он — свободный человек, а не пешка в чужих руках.

К этому времени слава о Наматжире распространилась далеко за пределы Австралии, и заокеанские коллекционеры начали охотиться за его работами. Один любитель живописи из Сан-Франциско, увидев репродукцию с одной из работ Наматжиры, сразу же кинулся к капитану грузового судна, заходящего в Сидней, и попросил купить ему какую-нибудь акварель Наматжиры. Канадские коллекционеры приобрели шестнадцать работ Наматжиры и других арандских художников, выложив за это двести девяносто шесть гиней. Купленные работы в августе 1957 года были выставлены в Ванкувере и Виннипеге во время Канадской ярмарки.

Тогда же сиднейским кинематографистом Норманом К. Уоллисом был сделан второй фильм об Альберте.

«Приехав в Алис-Спрингс, — писал Уоллис, — мы сразу же отправились дальше, к ущелью, где разбил свой лагерь Наматжира. Добрались мы туда только к ночи. Альберт, его жена и трое сыновей — Эвальд, Енох и Оскар — сидели у костра в окружении многочисленных соплеменников с чадами и домочадцами. Все было точь-в-точь так, как я и ожидал увидеть. Альберт сердечно приветствовал нас и пригласил разделить

вечернюю трапезу, которая состояла из поджаренных кусочков мяса кенгуру и горячего чая из котелка. Мы сидели на охапках свежих эвкалиптовых листьев возле «дома» Альберта — шалаша, сделанного из коры и веток. Кусок рваного брезента образовывал нечто вроде тента. Альберт, оказавшийся хорошим хозяином, занимал нас историями из своего детства, которое он провел в этих местах и Хермансбурге. «Это земля моих отцов, — говорил он. — Здесь мой родной край».

О многом мы узнали от него в ту памятную ночь. Он как художник рассказывал о том, как ранний утренний луч нежно касается горы Сондер, о том, как голубой туман стелется по предгорьям и эвкалипты отливают белизной на фоне красных скал, о том, как голубые воды озер в горах Ормистона отражают чистую синеву неба. Когда он говорил, языки пламени костра играли в его темных глазах. Голос Альберта стал особенно задушевным и проникновенным, когда речь зашла о его отце, о священных мифах и легендах племени аранда. «Мой отец был летающим муравьем, — так начал Альберт свой рассказ о вере аборигенов в то, что их предки были животными, насекомыми, деревьями и даже камнями. — Он прилетел от гор Макдоннелл, через гору Сондер к реке Финке, в Ормистон. Старики рассказывали нам об этом, а я передаю их рассказы моим сыновьям. Они также должны знать о земле своих отцов». Альберт сокрушался, что многие священные тайны, должно быть, умрут вместе с ним, поскольку его дети недостойны посвящения в «великую тайну», а он не хочет передать ее тем, на кого нельзя положиться, что они сохранят ее.

Затем мы услышали от него легенду о танцующих девушках. Поначалу все арандское племя состояло сплошь из мужчин. У арандцев не было ни одной женщины. И вот однажды племя женщин, жившее в тех местах, где сейчас Порт-Огаста, примерно с тысячу миль к югу, услышало рассказ о прекрасных арандских мужчинах, у которых нет женщин. Узнав об этом, женщины двинулись в страну арандцев, причем молодые девушки танцевали всю дорогу, танцевали на вершинах холмов и на остроконечных гребнях гор, пока не достигли Куаттатума и Япальба, сейчас это Ормистон и ущелье Глен-Элен в верховьях реки Финке. Здесь они нашли край, который пришелся им по сердцу, нашли арандских мужчин и остались с ними. Когда эти женщины умерли, их души возвратились на гребни гор, на которых они танцевали, и превратились в деревья, что видны там и поныне.

Когда смотришь на эти железные деревья с ветвями, грациозно изогнутыми как бы в плавном движении танца, —

писал Уоллис, — охотно веришь в эту легенду.

Мы засиделись далеко за полночь, слушая рассказ этого старейшины арандцев о земле своих предков. В эту ночь Альберт Наматжира предстал перед нами не просто аборигеном, а художником, философом, поэтом и проповедником, но отмеченным печатью трагедии, поскольку олицетворял собой вымирающую расу, цепляющуюся за остатки древних легенд и таинств».

Фильм Уоллиса «Край моего отца» был куплен фирмой «Эмпол Петролеум».

Через месяц-другой после съемок фильма Альберт, здоровье которого давно уже было неважным, лег в больницу при Хермансбургской миссии с запущенным ожогом на ноге. В больнице при миссии не смогли помочь ему и отправили в Алис-Спрингс.

Врач П.-Дж. Керинс, который лечил Альберта, приехал в Алис-Спрингс из Англии незадолго до этого. «В Австралии я живу совсем недавно, — рассказывал доктор, — и мало что знаю об аборигенах, но я просто покорен этими темнокожими. Меня подкупает в них чувство собственного достоинства, большой такт и фатализм, но удручает то пагубное влияние, которое оказывает на них современная цивилизация. Среди моих пациентов в палате для туземцев был и Альберт Наматжира, который, как я Знал, был всемирно известный художник-абориген. При первой же встрече Альберт произвел на меня огромное впечатление, и мое восхищение им росло день ото дня в течение всех трех недель, которые он провел в больнице. Альберт был образцовым больным. Его спокойствие и полное доверие к медицинскому персоналу были поистине удивительными, особенно это бросалось в глаза, когда ухаживала за ним сестра О'Киф. Эта удивительная женщина из Центральной Австралии, посвятившая себя уходу за больными туземцами, явно завоевала его искреннее расположение. У Альберта было богатое чувство юмора. Мои собственные попытки подбодрить больных часто были успешными только тогда, когда какое-либо его меткое замечание или шутка заставляли смеяться всю палату. Однако чаще всего Альберт был очень сдержанным. Нельзя сказать, чтобы больничная обстановка угнетала его. Наоборот, казалось, что битва двух цивилизаций, боровшихся за его душу, на какое-то время прекратилась и он обрел покой.

Когда состояние Альберта улучшилось, он стал гулять по территории больницы. В ее маленький дворик почти каждый день к нему на свидание приходила Рубина. Там же с разрешения Альберта я снял его на 8-миллиметровую цветную пленку в момент, когда он беседовал с сестрой О'Киф. Он был

превосходным объектом для съемки: довольно высокий, хорошо сложенный человек с открытым лицом и непринужденной, естественной улыбкой.

Однажды, когда мы гуляли вокруг больницы, Альберт сокрушенно показал на группу аборигенов, сидевших на корточках в кружок и игравших в карты. Глядя на них, он сказал, что, по его мнению, играть в азартные игры дурно, что эти люди глупы и что сам он не играет и не пьет. Сказано это было с твердым убеждением и от чистого сердца. В связи с распространившимися слухами это замечание имеет немаловажное значение. У меня не осталось ни малейшего сомнения в том, что Альберт убежден, что алкоголь и азартные игры — большое зло.

Мне пришлось убедиться и в твердости его принципов. Когда мы прощались, он обещал мне подарить первую же акварель, которую напишет по выходе из больницы. И когда я попросил его изобразить на ней свой тотем, он наотрез отказался, заявив, пусть этим занимаются другие, он же никогда этого делать не будет. Позднее, уже после моего возвращения в Дарвин, Альберт прислал мне свою акварель. Это был типичный пейзаж Центральной Австралии.

Хотя я объездил весь свет и многое повидал за семь лет в армии и за два года в Центральной Европе, самым ярким событием в моей жизни была встреча и знакомство с Альбертом Наматжирой. Никогда еще не встречал я более покоряющего характера».

Сестра Шнейдер, которая когда-то ухаживала за Рубиной, заботилась и об Альберте. Она рассказывала: «Когда Альберт появился у нас в больнице, он был неопрятен, небрит, одет в старую, не очень чистую одежду, но очень скоро усвоил правила больничной гигиены — куда быстрее, чем другие аборигены. С соседями по койке он говорил по-арандски, и не было и намека на то, что он смотрит на них свысока из-за только что полученных гражданских прав. Во время еды Альберт обращал на себя внимание тем, как он изящно пользовался ножом и вилкой, в то время как его друзья ели руками. Как полноправный гражданин, Альберт имел право лежать в палате для белых, но он предпочел быть со своими соплеменниками».

Выписавшись из больницы, Альберт сразу же отправился к себе в лагерь у Моррис Соук. В Алис-Спрингсе поговаривали, что он опять пытался приобрести дом в городе, но вновь безуспешно. В последующие месяцы и внешний вид Альберта и его манера держаться заметно ухудшились. Он выглядел больным и преждевременно состарившимся. Угрюмый, неразговорчивый, он

сторонился старых знакомых из белых и стал часто наведываться в бары при отелях.

Сестра Шнейдер несколько раз встречала его на улице, но он, коротко поздоровавшись, проходил мимо.

«Я была поражена переменой в Альберте. Плохое питание и дрянные спиртные напитки, которые он пил, — все это ужасно сказалось на нем. Он по большей части разъезжал на такси, так как его новый «Додж» то и дело ломался и стоял в гараже на ремонте. Сыновья продавали его работы в городе, включая очень плохие работы Альберта, и за мизерную цену — десять фунтов. Больно было наблюдать, как ухудшается и здоровье и репутация у такого прекрасного человека, каким был Альберт. Он, казалось, утратил всякое уважение к себе, и это было настоящей трагедией».

Туристы, приезжавшие в Алис-Спрингс, естественно, всячески стремились повидать аборигена, чье искусство сделало его самым известным представителем своей расы. Ольга Маркс из Сиднея писала: «Один американец из нашей группы очень хотел познакомиться с Альбертом Наматжирой, о котором так много слышал, работами которого восхищался. Наш водитель хорошо знал Альберта и, когда мы остановились около жалкой лачуги с рваным тентом вместо крыши, сказал: «Ну вот здесь и живет Альберт; вам повезло, он дома. Теперь только остается узнать, пожелает ли он принять вас. Он не всегда дома для белых». Мы стояли и ждали около лачуги в окружении аборигенов, вероятно родственников. После коротких переговоров Альберт вышел и, помедлив, нерешительно направился к нам.

Американец был чрезвычайно обрадован, когда его представили Альберту, и сердечно тряс ему руку. В ходе беседы я имела возможность внимательно рассмотреть Альберта, стараясь делать это незаметно. Черты его темно-бронзового лица воплощали благородство его предков, гордость расы, но выражение лица было самым горестным, какое мне когда-либо приходилось видеть. Пока Альберт говорил, я наблюдала за его глазами, темными бархатными глазами, в которых светилась мудрость его расы и печаль его поколения. Говорят, глаза — зеркало души, и я чувствовала, что заглядываю в самую душу великого художника, но трагически надломленного человека. За все время Альберт Наматжира не улыбнулся ни разу. Он, может быть, и оттаял бы, если бы больше внимания уделяли его соплеменникам и поменьше — его живописи.

Когда мы в конце концов расстались с Альбертом, настроение у всех было подавленным. Никто, даже наш говорливый американский друг, не проронил ни слова. Он бережно держал

две работы, купленные у Альберта, а когда машина тронулась, обернулся и посмотрел на грязный лагерь, который был обителью самого знаменитого аборигена Австралии. Пожалуй, все мы думали в эту минуту об одном и том же.

Увиденное нами подтверждало мнение авторов появлявшихся время от времени статей о том, что Альберт Наматжира — это трагический символ неспособности современной цивилизации окружить аборигенов заботой, которую они бесспорно заслуживают и предоставление которой является прямым долгом австралийских властей».

X

С получением полных гражданских прав Альберт оказался перед трудной дилеммой. Практически он утратил статус аборигена и лишился поэтому права на защиту и помощь со стороны департамента по делам туземцев. Он обрел все привилегии белого, включая право жить в Алис-Спрингсе среди белых. Но он не мог воспользоваться ими, поскольку это означало бы порвать с детьми, внуками и ближайшими родственниками. Вместе с Альбертом автоматически права гражданства получила Рубина, но их дети по-прежнему числились подопечными департамента, и поэтому им не разрешалось оставаться в городе после наступления темноты.

Ненормальное положение, сложившееся в связи с гражданством Альберта, давало богатую пищу газетам. Во многих статьях по-прежнему писалось об ужасающих условиях, в которых жил художник. Лагерь Альберта был лишен почти всего необходимого. Воду, например, приходилось возить в контейнерах на такси, а для этого надо было каждый раз договариваться и платить немалые деньги. В газетах стали появляться сообщения о случаях пьянства в лагере, помещались фотографии, на которых были запечатлены груды бутылок из-под вина, валяющихся вокруг холодильника, подаренного ему в Сиднее, внутри холодильника с покосившейся дверцей виднелся песок. На заднем плане стоял последней модели грузовик с надписью: «Альберт Наматжира, художник, Алис-Спрингс», выведенной на дверце кабины и уведомлявшей, что автомобиль — подарок фирмы «Эмпол».

Ухудшение здоровья Альберта не замедлило сказаться на качестве его работ. Поговаривали, что теперь он делает только наброски пейзажей, дописывают же их за него другие художники. Альберт признавался, что теперь он не всегда испытывает желание писать, но он связан обязательством ежегодно поставлять определенное количество работ в Сидней своему посреднику Брэкенрегу.

Спрос на его работы продолжался, но Альберту было уже трудно выполнять свои обязательства по заказам. В начале 1958 года он опять попадает в алис-спрингсскую больницу, на этот раз с повреждением руки. Сорвавшийся с предохранителя капот грузовика прихлопнул кисть, причем повреждение было настолько серьезным, что пришлось ампутировать указательный палец.

Алан Уочоп, знавший Альберта многие годы, навестил его в

больнице и затем писал в «Остралайзен пост»: «Это не рассказ, а всего лишь зарисовка, сделанная вчера пополудни в самую жару, на пыльной дорожке, которая вьется за палатой для туземцев в алис-спрингсской больнице. Представьте себе пожилого человека, седовласого, с седыми усами и бачками, обрамляющими его спокойное, умное лицо. Это художник Альберт Наматжира. Облаченный в вылинявшую блекло-голубую больничную пижаму, сидит он в пыли, не проявляя никакого интереса к красочному великолепию гор, которые он так часто и с таким неповторимым своеобразием изображал в своих работах. Безучастный, покорный судьбе, он не отрываясь смотрит на загипсованную руку и длинным красивым пальцем правой руки механически рисует квадратики на земле.

«Им хочется, чтобы я рисовал теперь маленькие картины, — поделился со мной своими мыслями художник. — Мне говорят, что в городах, где продают мои картины, мало денег. Меня уговаривают делать их поменьше и брать меньшие деньги». Мне сразу вспомнилась картина Коро на последнем аукционе и ее цена. Я как-то невольно подумал, пока Альберт глядел на свою больную руку: а сколько ему придется покоиться в могиле, прежде чем мы услышим, что какой-то богатый коллекционер заплатил десять тысяч фунтов только за одну из его «ранних работ»?

В прессе выступил также находившийся в это время в Австралии английский журналист Малькольм Маггеридж. Он резко критиковал обнаруженные им «неприглядные факты». В статье, опубликованной в аделаидской газете «Ньюз», он писал: «Радостную картину процветания и благополучия Австралии омрачают печальные и несчастные фигуры коренных обитателей страны — так называемых туземцев, или аборигенов. Впрочем, теперь их называют подопечными — ныне в ходу этот тонкий бюрократический эвфемизм!»

Маггеридж выступал против законов, касавшихся аборигенов. Он отказывался понять, почему каждый штат должен иметь свои собственные законы для аборигенов, запрещающие им пересекать границы штата без особого разрешения.

В июле к Альберту приехал Брэкенрег и провел в Алис-Спрингсе пять недель, занимаясь делами своего клиента. Брэкенрег убеждал Альберта подать прошение о возврате под опеку. Он разузнал все необходимое о возможности строительства Альбертом небольшого домика на государственном земельном участке у горы Гиллен. Но вот сиднейская газета «Сан-геральд» сообщила, ссылаясь на Брэкенрега, что совсем недавно Альберт Наматжира и человек тридцать его родственников и

прихлебателей в три дня истратили 250 фунтов и что аборигены вместе с Наматжирой устраивают дикие попойки в его лагере. Белые и метисы снабжают их дешевым дрянным вином и пивом по спекулятивным ценам. Отказавшись от всякой идеи строительства дома для Альберта около Алис-Спрингса, Брэкенрег забрал его и сыновей на станцию Глен-Элен, где Брайан Боуман предложил им землю под дом, но… «не пробыли мы там и нескольких дней, как какой-то торговец принес им вина и они устроили попойку, в результате чего разрешение на строительство было спешно взято обратно. Сложилась трагическая ситуация. Если бы Альберт жил подальше от своих сородичей, он чувствовал бы себя вполне хорошо. Ему было намного лучше год назад, до того как ему дали полное гражданство».

Доктор Чарлз Дьюгид, президент Лиги сторонников прогресса аборигенов, писал, что давным-давно пора бы оставить Наматжиру в покое. Зубной врач из Сиднея Уолтер Уирн, который хорошо знал Альберта и за год до этого часто встречался с ним во время зубоврачебного обследования аборигенов Центральной Австралии, заявил: «Какое право имеем мы обсуждать, как поступать человеку со своей семьей? Альберт — свободный человек. В прошлом году за все время, что я прожил с его племенем, я не видел ни одного случая пьянства. Наматжира и его народ живут совершенно счастливо. И я говорю — оставьте их в покое».

Не остался безучастным и Рекс Бэттерби. В интервью, данном по телефону аделаидской газете, он заявил, что употребление спиртных напитков — это главный бич и Альберту следует запретить брать спиртное к себе в лагерь.

Н. Харгрейв, член законодательного совета Северной Территории от Алис-Спрингса, поднял дело в Канберре. Он обратился в парламент с запросом о том, какие предполагается принять меры в связи с утверждениями, что лагерь Наматжиры превратился в арену пьяных оргий, чему способствуют белые и полуаборигены, снабжающие их дешевым дрянным вином по непомерным цепам. Человек, некогда дружески относившийся к художнику, теперь разочаровался в нем и умыл руки: директор департамента по делам туземцев Гис, которого убеждали лишить Альберта гражданских прав, дал согласие на проведение расследования.

Многострадальный абориген вновь стал притчей во языцех. Высказывались мнения за и против, чаще всего запальчивые, но иной раз не лишенные здравого смысла. Стал он и объектом проповедей в церквах. Политические деятели доказывали, что ни

один австралиец не может быть лишен права гражданства. Лига сторонников прогресса аборигенов открыто осуждала вопиющую несправедливость по отношению к прославленному художнику, которому, чтобы сохранить верность семье, не оставалось ничего, как по-прежнему влачить жалкое существование.

А как относился ко всему сам Наматжира? «Все эти неприятности расстраивают меня. Я потерял сон. Я хочу, чтобы меня оставили в покое», — заявил он одному репортеру. Альберт слышал, что Брэкенрег критикует его в прессе, но, когда до него дошли слухи, что их деловые отношения прекращены, он опроверг их: «Если и прекращены, то, во всяком случае, не мною». У Альберта сложилось впечатление, что его посредник придержал тысячу фунтов для строительства дома на земле, которую отведет для него департамент по делам коренных жителей, и хотел обсудить этот вопрос с властями. Все это время Альберт усердно работал. В ущелье Глен-Элен за пять недель он написал девять картин, каждая стоимостью в сто фунтов.

Брэкенрег опроверг заявление Альберта: «Альберт ошибается, говоря о тысяче фунтов, которые я якобы придержал для него на строительство дома. Ему, вероятно, невдомек, что это не его деньги. Они полностью заработаны мною и предназначались ему в дар в виде помощи на строительство дома. Я по-прежнему готов дать ему эти деньги, если он действительно захочет помочь своему народу в налаживании жизни. Но я против того, чтобы он строил дом, который будет использоваться для пьянок. Наматжире решать, быть ли и дальше нашему союзу художника и посредника или нет. Я уже предупреждал его, что если он будет продолжать пить, то пусть не рассчитывает на меня как на своего посредника. Но я готов и впредь помогать ему, если он постарается изменить свои привычки. Всего лишь два дня назад я говорил с нашим общим другом Рексом Бэттерби и уполномочил его отобрать работы Альберта. Я просил его передать Альберту, что я хочу помочь ему. Однако не буду платить денег, если он намерен их проматывать». На этом и прекратились все разговоры о разногласиях Брэкенрега с Наматжирой.

Альберт продолжал жить в своем лагере у Моррис Соук. Иногда он наезжал в город, привозил своих родственников и накупал им подарков: всякой одежды и съестного.

Рано или поздно под огонь критики должны были попасть старые друзья и советчики Альберта миссионеры-лютеране, которые, как казалось, оставили его одного в беде. В действительности же пастор Альбрехт, обосновавшийся в миссии в Алис-Спрингсе, не раз обращался к Альберту, пытаясь помочь советом и утешением, но ему уже больше не удавалось подобрать

ключ к художнику. Альберт был разочарован и ожесточен, это был уже не тот любезный, учтивый человек, внушавший большое уважение окружающим, как в прошлом. Как-то напившись, он оскорбил Рубину. В слезах она пришла к пастору Альбрехту и умоляла позволить ей остаться в резервации для аборигенов при церкви. Она заявила, что не хочет больше ездить с Альбертом рисовать, что она слишком стара жить под открытым небом и что ей очень тяжко, когда люди вокруг напиваются и становятся грубыми. «Альберт так изменился сейчас, — сокрушалась она. — Он часто печален и угрюм. Не такой, как бывало в миссии. Тогда все были счастливы».

Пастор Альбрехт, некогда купивший Альберту первые в его жизни кисти и краски и с гордостью следивший за развитием таланта аборигена, упорного в овладении своим мастерством, был очень огорчен происшедшими в нем переменами. Альберт наотрез отверг предложения вернуться в Хермансбург: «Теперь я во всем равен белым. Я хочу жить в городе, где сам веду дела по продаже моих картин».

Когда его укоряли за безрассудную трату денег, он отвечал: «А зачем копить деньги? На них я ведь все равно не могу приобрести то, чего я хочу больше всего, — дом в городе. Мне не дают жить в городе из-за моей семьи. В Сиднее мне говорили: «Получи полные права, Альберт, и тогда живи, как белые, строй дом, где только пожелаешь». Но не могу же я бросить семью. Какой мне прок в моих гражданских правах? Если я пью, как пьют белые — я своими глазами видел это на больших вечеринках, — меня поносят».

Слухи об ухудшении здоровья и нравственном падении Альберта взволновали многих белых австралийцев. Однако в далеких столицах было трудно узнать истину, а еще труднее разобраться — кто же прав, кто виноват.

Если белые не могли понять Альберта, то еще меньше он сам мог понять их взгляды и обычаи.

Один молодой аптекарь рассказывал: Альберт часто заходил в аптеку, где я работал. Он всегда говорил спокойно и не отличался большой словоохотливостью, но когда речь заходила об интересующих его вещах: живописи, семье и заботах, которые очень волновали его, то он оживлялся и охотно поддерживал разговор. Альберт, судя по всему, не имел ясного представления о ценности денег. Накупая товаров, он лишь небрежно бросал: «Запишите». Когда его спрашивали, не предпочтет ли он расплатиться наличными, он всякий раз отвечал: «Конечно, приятель», как будто эта мысль не приходила ему раньше в голову, и с беззаботной небрежностью начинал выкладывать

ассигнации на прилавок. Деньги для него имели какой-то смысл, лишь поскольку на них можно было накупить провизии и спиртного (причем последнего не в таком большом количестве, как указывают некоторые репортеры). Пока финансовые дела сводились лишь к таким простым операциям, они его мало занимали. Он то «разорялся», то «обогащался» — таковы были два состояния, которые попеременно следовали одно за другим. Правда, один раз, когда он был поставлен перед необходимостью уплатить четыреста фунтов за ремонт грузовика, ему показалось, что он попал в безвыходное положение. Но как только ему подсказали, что стоит сделать полдюжины работ — и деньги от продажи покроют все расходы, жизнь опять стала простой и прекрасной. Цену своим картинам он устанавливал самым примитивным способом: те, что с эвкалиптом, на пять фунтов дороже тех, что без него. Крупноформатных работ у него было больше, чем маленьких, и если покупатель говорил, что такая-то картина по размеру не подходит ему, он тут же сбавлял пять фунтов.

Вероятно, Альберт Наматжира — это единственный художник, который выглядит достойным даже в рваной одежде, поношенных ботинках и в мятой шляпе, которую он вежливо приподнимает, когда здоровается. Он сохранил то первобытное чувство собственного достоинства, которое внушает глубокое уважение. Первобытное отнюдь не потому, что оно в чем-то ниже, чем у других рас, нет — просто это такое достоинство, которое мы всегда представляем, говоря о туземцах в их естественном состоянии, и которое, по мнению многих авторитетов, было отнято у австралийских аборигенов в процессе их контактов с нашей цивилизацией. Но чувство достоинства как истинная ценность не зависит от расы, веры или общественного положения. Окружающие условия могут стимулировать его или глушить, но ничто не может окончательно искоренить это чувство в человеке, который имеет силу характера, чтобы сохранить его. И Альберт действительно сохраняет его».

Стали поговаривать, что Альберт повинен в той серьезной алкогольной проблеме, которая возникла у Моррис Соук, хотя сам Альберт отвергал эти обвинения. Он утверждал, что знает закон, что берет спиртное только для себя и при этом всегда запирает бутылки в старом металлическом сундуке или же зарывает их так, чтобы сородичи не смогли добраться до них. Он осуждал метисов, живущих в лагере, которые делят спиртное с кем попало.

Жители Алис-Спрингса предсказывали, что рано или поздно не миновать беды, ибо пьяные скандалы случались все чаще и

чаще.

И вот беда пришла. В лагере у Моррис Соук была убита молодая женщина. Восьмого августа двадцать человек из лагеря предстали перед следствием в качестве свидетелей, среди них и Альберт Наматжира.

Слушание дела заняло пять дней, и в его ходе было вскрыто немало неприглядных фактов, хотя истинная картина преступления была запутана противоречивыми показаниями. Ни один из свидетелей не владел в достаточной степени английским, и мало кто из них понимал трудный юридический язык судебной процедуры. В убийстве обвинялся муж жертвы, однако из его свидетельских показаний вытекало, что к убийству причастны и другие. Факт пьянства целой группы аборигенов был налицо. Когда Альберта вызвали для дачи свидетельских показаний, он признался, что принес спиртное в лагерь, но заявил, что он не делился им с другими аборигенами. По его словам, он выпил две бутылки пива, немного рома, запер остаток в сундук и отправился спать: «Потому что голова у меня была не в порядке. С меня было достаточно. Я ничего не знал, пока не проснулся наутро и мой сын Енох не рассказал мне об убийстве».

И опять имя Альберта замелькало в заголовках газет.

Дуглас Локвуд, прилетевший в Алис-Спрингс из Дарвина, писал в «Сидни морнинг геральд»: «Альберт вошел в зал суда медленной, неуверенной походкой. Каждая черта его лица выражала горе. Седые, вьющиеся волосы были непричесаны. Он выглядел старым, измученным, больным, расстроенным и неуверенным человеком. Левая рука, на которой он потерял палец, была перевязана. В повязке была и левая нога, которую он когда-то обжег у лагерного костра. Трагедия всех австралийских аборигенов читалась в его невыразимо скорбных глазах. Если бы это был белый, слезы текли бы из них. Но абориген-мужчина да к тому же еще арандец по имени Наматжира не проронит слезы, даже если его сердце разрывается от горя.

Альберт под присягой дал свои показания, выслушал протокол и поставил под ним свою подпись — Альберт Наматжира. Эта знаменитая подпись стоит на картинах, которые украшают многие дома в Австралии, висят в Букингемском дворце и в посольствах многих стран мира. Адвокат Гордон Раабе, сославшись на нездоровье Альберта, обратился с просьбой освободить его подзащитного от дальнейшего пребывания в суде; разрешение было дано, и Альберт покинул суд».

Дуглас Локвуд в заключение писал: «За двадцать лет моей деятельности как журналиста и репортера мне никогда не приходилось быть свидетелем более глубокой и волнующей

драмы. Альберт на глазах состарился. Происшествие, в котором, как давали ему понять, был он виновен, совсем подкосило его. Мне было больно за того превосходного, красивого человека, которого я знал, когда он был в зените славы. Сейчас же дух его был сломлен».

Несмотря на то, что Альберту было дано разрешение не присутствовать на суде, собранные свидетельские показания, особенно в связи с пьянкой в ночь, когда произошло убийство, показались прокурору настолько серьезными, что он счел необходимым вновь вызвать Альберта в суд. Альберт стоял, опустив голову, когда прокурор наставлял его: «Меня очень беспокоят пьяные оргии в вашем лагере. Поскольку теперь вы считаетесь на таких же правах, что и белый, вы будете приговорены к шести месяцам тюрьмы, если будете уличены в снабжении спиртным аборигенов, находящихся под опекой государства. Если вам захочется выпить, то делайте это вдали от лагеря и пейте один. Я уверен, употребление спиртного в вашем лагере было косвенной причиной убийства девушки».

Затем он попросил Альберта дважды поклясться суду, что впредь он никогда не будет приносить спиртное в свой лагерь.

Альберт покинул суд в сопровождении четырех своих сыновей. Он шел, с трудом переставляя ноги, загребая красную дорожную пыль своими старыми башмаками. Наняв такси, он отправился, но не на Моррис Соук, а в Хермансбург. Таково было его желание; он хотел скрыться от унижений и страданий последних недель.

Для всех было очевидным, что необходимо найти какой-то выход из тяжелого и мучительного положения, в котором оказался Альберт. Администратор Северной Территории Дж. Арчер запросил для ознакомления письменные показания, данные под присягой. Два хорошо известных жителя из Алис-Спрингса — и тот и другой в прошлом друзья Альберта — также высказали свое мнение относительно его будущего. Один из них, пастор Альбрехт, заявил, что, по-видимому, единственным решением проблемы Альберта было бы распространение на него действия акта об аборигенах и принятие им вновь статуса подопечного государства. Хотя, по закону, его теперь нельзя лишить гражданства, Альберт мог бы подать прошение об установлении над ним опеки.

Еще до следствия по делу об убийстве аделаидская газета «Адвертайзер» приводила высказывания Рекса Бэттерби о том, что большинство белых Северной Территории, и он сам в том числе, протестует против предоставления гражданских прав аборигенам и в основном потому, что это дало бы им право свободно

покупать спиртное. Наматжира, утверждал Бэттерби, против своей воли получил гражданские права от правительства под давлением идеалистов, обитающих в больших городах: Альберт предвидел, что гражданство принесет ему страдания; когда ему еще только предложили эти права, он даже обратился к юристу, чтобы отказаться от них. По мнению Бэттерби, Альберт не был еще по-настоящему готов для гражданства, и если гражданство у него отобрать, это пошло бы на пользу и ему и его семье.

Однако пастор Никольс, туземный священник, неутомимо трудившийся на благо своей паствы в христианской миссии Мельбурна, выразил несогласие с таким мнением: «Наматжиру никто никогда не готовил к получению статуса гражданина. И вот теперь, когда он споткнулся, его же и винят во всем. Употребление Альбертом спиртного приводится как довод для лишения его прав гражданства, а некоторые используют шумиху как аргумент против предоставления полных прав всем аборигенам. Власти не захотели разрешить ему жить в Алис-Спрингсе — боялись, что он потеряет там свою самобытность. Белых больше интересовали его работы, чем он сам как человек».

Доктор Чарлз Дьюгид из Аделаиды доказывал, что не во всем виноват Наматжира. Альберт, говорил он, человек умный и может еще начать новую жизнь, если ему окажут необходимую помощь.

«Наматжира прославился как художник на весь мир, — писала аделаидская «Ньюз». — Тем самым он способствовал тому, что во всем мире поднял уважение к своему народу, который многие считали не только примитивным, но и отсталым. Как художник Альберт неопровержимо доказал, что он выдающийся представитель своей расы. Но что означает успех художника? Просто то, что у человека удивительный глаз на форму, цвет и врожденная способность перенести увиденное на полотно. Но это, однако, не означает, что художники наделены исключительной мудростью. Ван-Гог, Тулуз-Лотрек, Утрилло и Гоген причислены к лику бессмертных среди белых, но разве может ли кто-нибудь утверждать, что их образ жизни — эталон праведничества? Или обвинить их ближних за полную распутства жизнь этих художников? Альберт Наматжира великий художник, у него, как и у любого человека, есть свои личные проблемы. Вероятно, сотни австралийцев испытывают ныне глубокую личную симпатию к Наматжире и сочувствуют ему. Из него сделали кумира, указывали как на пример того, чем может стать абориген при определенном покровительстве. В том, что он сбился с пути истинного, ни в коей мере нельзя лишить его друзей. Это также ни в коей мере не означает, что он неисправим.

Трагедия Альберта Наматжиры не должна использоваться как

предлог, чтобы отложить в долгий ящик программу образования и ассимиляции коренного населения Австралии. Наоборот, она должна послужить толчком удвоить и утроить наши усилия по оказанию помощи аборигенам».

XI

Альберт покинул Моррис Соук, но пьянство продолжалось там по-прежнему. В конце августа пятнадцать аборигенов и три метиса, находившиеся под опекой государства, предстали перед судом по обвинению в пьянстве. Основанием для суда послужил случай травмы, нанесенной пожилой женщине, которую обнаружила полиция с серьезным повреждением головы. Судья, обращаясь к суду, заявил: «В свете фактов, вскрытых в ходе недавнего следствия по делу об убийстве молодой женщины у Моррис Соук, я вынужден особо серьезно подойти к этим поступкам. В прошлый раз я уже выражал свое беспокойство по поводу пьяных оргий в лагере Моррис Соук, ставших причиной преступления. Многие случаи пьянства, сведениями о которых я располагаю, происходили в том же лагере и также сопровождались актами насилия. Во время разбирательств полиция указала, что в большинстве случаев аборигены пьют крепленое двадцатитрехградусное вино, смешанное в равной пропорции с шестипроцентным пивом».

Алкогольная проблема стала общей для аборигенов по всей стране. На суде в Кэмпбелле, Новый Южный Уэльс, в связи с нарушением одним аборигеном запрета употреблять спиртное судья заявил: «Белый человек взял у аборигена все и взамен дал лишь болезни и обучил пьянству. Бесчестные спекулянты обирают туземцев, сбывая им, как только у тех заведутся деньги, плохое дешевое вино. Мне глубоко жаль стоящего передо мной несчастного человека. Австралия принадлежит его народу».

Достойная сожаления участь аборигенов привлекла к себе внимание широкой общественности. Альберт Наматжира вызывал особое сочувствие. Его многочисленные почитатели надеялись, что он внял предостережениям, которые он получил в связи с потреблением спиртных напитков. Большинство верило в него.

Альберт теперь стал совсем редко наведываться в Алис-Спрингс, приезжая в город только за продовольствием. Но узы, связывавшие его с племенем, были крепки. Всем сердцем преданный своим соплеменникам, Альберт время от времени навещал их, проводил с ними ночь, но назавтра каждый раз возвращался в Хермансбург.

Но вот 28 августа против Альберта вновь выдвигается обвинение в снабжении спиртным соплеменников, находившихся под опекой государства. Полиция сообщила только самые общие сведения, и в газетах было лишь объявлено, что 22 сентября Наматжира предстанет перед судом. Даже местные жители не

знали ничего больше сверх этого.

Защищать свои интересы в суде Альберт пригласил местного адвоката Е. Картера. Одному из своих знакомых в городе он сказал, что он не беспокоится за исход дела, его адвокат «все уладит».

Утром 22 сентября судебное разбирательство было отложено и слушание дела перенесено на 6 октября под председательством мистера С. Доддса из Дарвина.

На другой день после перенесения разбирательства Лори Томас, известный критик-искусствовед и бывший директор Художественной галереи Западной Австралии, опубликовал в аделаидской газете «Ньюз» статью под названием «Трагедия Наматжиры».

«Трагедия Альберта Наматжиры наглядно отражает трагедию черных австралийцев, — писал Томас. — Он воплощает самую суть ее. Его разрывает на части конфликт, с которым не приходится сталкиваться белым. Он — не белый, не черный, он и то и другое. Это не нелепый парадокс, а реальная действительность: то, что происходит с ним, — настоящая трагедия, такая же фатально неотвратимая, как для Отелло, короля Лира и Гамлета.

Если Наматжира выдержит все удары судьбы и благодаря строгому поведению обретет былое достоинство и благородство, это будет победой не столько над собой, сколько над обстоятельствами, которые способны сломить любого человека. Он попал в тяжелейшее положение не из-за своих собственных безрассудств (весьма, впрочем, немалых), а из-за того, что душу его раздирают две диаметрально противоположные силы. Лишь немногие белые, да и то только те, кто соприкасается с аборигенами и сочувствует им, могут иметь хоть какое-то представление о могуществе этих сил. С год тому назад Наматжире были даны полные гражданские права. Его «сделали белым человеком». До этого он был счастливым человеком.

И вот в результате талантливый, добропорядочный и необычайно умный человек в почти невозможном стремлении быть одновременно и черным и белым растерял многих друзей и, вероятно, утратил какие-то свои личные качества. Наматжира выглядит сейчас по крайней мере лет на двадцать старше своих лет. Держится и говорит он с прежним достоинством, но это усталый, измученный и павший духом человек. Что довело его до этого, чья в этом вина? Его? Так считают многие. В чем причина его несчастья? Кто говорит — в пьянстве, кто — в деньгах, кто — в безудержном поклонении ему, кто — в безволии, кто — в просчетах правительства, кто — в правах гражданства, кто…

впрочем, каждый твердит свое. Если вы поговорите с девяносто девятью алисспрингсцами, вам выскажут, притом убежденно, страстно, горячо, сто одно самое различное мнение. Помалкивают лишь работники департамента по делам туземцев: перед тем как открыть рот, им приходится запрашивать Дарвин. У них на все один ответ: туземцы «переживают переходный период». Но если вы спросите: «переходный» к чему? — они не знают, что сказать. Не знают потому, что, несмотря на имеющиеся планы обучения аборигенов в поселениях около городов, они представления не имеют, как обеспечить работой шестнадцать-двадцать тысяч аборигенов, проживающих в пределах Территории, если они будут профессионально подготовлены.

Альберт при всем своем чувстве собственного достоинства сдержан и даже застенчив. Он одни из тех людей, кого природа наделила удивительным чувством такта. Он, разумеется, не делится с белыми всем, что лежит у него на душе. Но многие согласны с тем, что он говорит о гражданстве. Они утверждают, что, если бы черные имели такие же права, как и белые, они со временем достигли бы их уровня. Большинство же выражает свое несогласие с таким мнением. Некоторые — в самой резкой форме. Однако то, что произошло и происходит с Наматжирой, в значительной степени типично для аборигенов по всей Австралии. Он же лишь символ нынешней неспособности Австралии воплотить добрые намерения в жизнь. Аборигены живут между двумя беспокойными мирами. И здесь, в центре Австралии, — основа основ проблемы».

Суд над Альбертом Наматжирой начался утром 6 октября 4958 года. Опрос свидетелей длился целый день. Свидетелей обвинения было пятеро: констебли Р. Харви и Г.-Дж. Броунинг, водитель такси метис Джорж Брэй, представитель Херманебургской миссии Р.-Д. Кернич и арандский художник Инок Рабераба.

Альберт Наматжира обвинялся в том, что 26 августа во время возвращения в такси из Алис-Спрингса в Хермансбург он угостил спиртным своего соплеменника Инока Раберабу, который находится под опекой государства на основе статута благоденствия 1953–1957 годов и которому законом запрещается употребление спиртных напитков.

Внешне Альберт, казалось, совсем не интересовался происходящим. Подолгу сидел он с закрытыми глазами и лишь изредка вскидывал голову, когда его адвокат задавал вопрос кому-либо из свидетелей. Наконец вызвали его. Он медленно поднялся, нерешительно подошел к месту для свидетельских показаний и дал клятву.

Альберт признался, что по пути в Хермансбург он пил ром, но отверг обвинение в том, что угощал им Инока. Альберт показал, что во время поездки они делали несколько остановок и на первой Инок просил угостить его, но получил отказ. «Я сказал ему: «Инок Рабераба, прости, я не могу угостить тебя. У тебя нет прав пить», на что он мне ответил: «Мы все должны были бы быть свободными гражданами, мы — такие же художники».

Под перекрестным допросом Альберт рассказал, что, выпив, он опьянел и что Инок также выглядел захмелевшим. Милях в семи от Хермансбурга они заспорили о делах племени. Остановив такси, они вышли. Инок стал скандалить, тогда Альберт снова сел в такси и уехал без него. Проехав милю, Альберт попросил водителя остановиться и подождать, пока он закопает дюжину бутылок пива и бутыль вина. Спрятав напитки, они поехали дальше.

Относительно показаний, данных констеблю Броунингу 28 августа, Альберт сказал: «Когда констебль допрашивал меня, я плохо себя чувствовал. Из того, что он спрашивал меня, я понимал лишь отдельные места: у меня было не очень хорошо с головой. Я не мог уловить всего, что он говорил. Я умею немного читать, но трудные слова не понимаю. Когда я рассказывал, он писал. Он записал все на пишущей машинке и затем попросил меня подписать. Перед тем как я поставил подпись, он все это прочел мне. Когда он читал, я опять разобрал лишь отдельные места. За все время поездки в Хермансбург я ни разу не давал бутылки Иноку Раберабе. Я распил бутылку сам».

Затем последовал перекрестный допрос, проводившийся прокурором полицейского суда, после чего судья объявил перерыв до следующего дня.

Среди тех, кто был на суде, разгорелись ожесточенные споры. Многие показания не сходились, особенно те, что дали Брэй и Рабераба, да и в показаниях Альберта было немало путаного, сбивчивого и иногда противоречащего показаниям констебля Броунинга.

На следующее утро суд подвел итоги. Обвинения Наматжиры в том, что он снабжал вином аборигенов в Хермансбурге, были отклонены. Затем судья изложил свои соображения по поводу обстоятельств дела, установленных судом накануне. Аргументируя приговор, мистер Доддс заявил:

> «1. Я считаю установленным, что подсудимый Альберт Наматжира в указанный день и указанном месте угостил спиртным напитком, а именно ромом, Инока Раберабу.

2. Я считаю установленным, что спиртное было дано, когда обвиняемый Инок Рабераба и некто Брэй, водитель такси, следовали по пути к лагерю обвиняемого, разбитому около Хермансбурга. По меньшей мере дважды такси останавливалось в пути, причем обвиняемый покидал его и удалялся в заросли, оставляя бутылку рома открытой на земле или в такси. В его отсутствие Инок и в первом и во втором случае отпивал рома из бутылки. Я обращаю внимание, что придерживаюсь версии обвиняемого на происшедшее, занимая тем самым наиболее благоприятную для него позицию в этом деле. Вместе с тем я не сбрасываю со счетов показаний Инока Раберабы. Даже если бы я поверил, что в первом случае ром был оставлен неумышленно — я не говорю: верю в это, я говорю: даже если бы я поверил в это, — то я никак уж не могу допустить, что спиртное было неумышленно оставлено во второй раз. Я считаю установленным, что, по крайней мере в последнем случае, бутылка была оставлена с тем, чтобы Инок смог выпить рома, а обвиняемый имел бы возможность сказать, что он не заметил этого. Думать иначе — значит не считаться со здравым смыслом. Инок признал, что во время первой остановки он выпил с полкружки рома, и я не верю, чтобы можно было не заметить исчезновения из бутылки такого количества рома. Правда, как сообщил обвиняемый, он был пьян; однако в семи милях от Хермансбурга он оказался не настолько пьяным, чтобы не подметить состояния Инока, и достаточно сообразителен, чтобы выставить пьяного Раберабу из машины и тем самым снять с себя все подозрения в причастности к опьянению последнего. Он оказался также достаточно трезвым, чтобы закопать вино и пиво вдали от миссии. При всем нашем стремлении толковать факты, сколь это представляется возможным, в пользу обвиняемого, я должен еще раз напомнить, что существуют пределы, выйдя за которые мы вступили бы в противоречие со здравым смыслом. В указанных обстоятельствах я должен придерживаться — и придерживаюсь — того мнения, что обвиняемый снабдил Инока Раберабу ромом в том смысле, что оставил спиртное в доступном для него месте. Считать по-другому — значило бы, по-моему, пренебречь самой очевидностью и положениями статута благоденствия. А ведь особые меры предосторожности, предусмотренные

этим статутом, имеют целью защитить аборигенов от самих себя. Вот почему слово «снабдил» должно и истолковываться в данных обстоятельствах весьма широко.

3. Считаю установленным, что в день происшествия Инок являлся подопечным.

4. Считаю установленным, что спиртное было дано не с лечебной целью.

5. Считаю установленным, что в момент правонарушения обвиняемый знал, что Инок является подопечным.

6. Обвиняемый признается виновным.

7. Вынося приговор, я принимаю во внимание возраст обвиняемого; тот факт, что в означенное время его рассудок, возможно, был затуманен алкоголем (есть некоторые данные о том, что он пил в Алис-Спрингсе незадолго до отъезда в Хермансбург), равно как и факт, что человек, которого он снабдил спиртным, — его соплеменник, и поэтому в данном случае не вижу причин налагать наказание большее, чем минимальное, предусмотренное законом. Обвиняемый приговаривается к тюремному заключению сроком на шесть месяцев с использованием на тяжелых работах».

Обращаясь к Альберту, Доддс сказал: «Альберт, вы обвиняетесь в том, что снабдили Инока Раберабу спиртным, оставив бутылку рома там, где он мог ее взять. Наименьшее наказание, которое я могу на вас наложить, равняется шести месяцам тюремного заключения. Когда все произошло, вы сами в какой-то мере находились под действием спиртного и ваш рассудок был затуманен. Я ушел как это, так и ваш возраст, а также тот факт, что человек, которого вы угощали, принадлежит к той же расе, что и вы».

Обвинение и приговор ошеломили Альберта. Спустя какое-то время он пришел в себя и медленно, в сопровождении стражи, вышел из зала суда. За дверью Альберт задержался и несколькими словами обмолвился со своим адвокатом. Немного погодя полицейский фургон увез его в алис-спрингсскую тюрьму.

XII

Заключение Альберта в тюрьму вызвало бурю протестов по всей стране. Аделаидский журналист Тэд Смит опубликовал в газете «Ньюз» примечательное интервью с Ольгой Фадж, полуаборигенкой, которая неплохо ассимилировалась в обществе белых и жила в городе в собственном доме. Миссис Фадж заявила: «Ни один человек не взял на себя труд просветить Альберта относительно его новых обязанностей, помочь ему преодолеть пропасть, отделяющую подопечного от полноправного гражданина». Она порицала тех, кто возил Альберта по столицам и выставлял его напоказ, как какую-нибудь восходящую звезду цирка. На приемах в его честь устроители распинались на все лады, в то время как сам он мог произнести всего лишь несколько слов. «Все это, — утверждала миссис Фадж, — не принесло Альберту никакой пользы».

Дуглас Локвуд писал: «Несколько лет назад Альберт был у меня дома в Дарвине. Попивая чай, он говорил: «Я не пью спиртного». В чем же причина перемены? Можно точно указать, когда у Альберта появилась тяга к спиртному. Все началось с посещения приемов, которые устраивались в столицах в целях рекламы, кстати, абсолютно не нужной ему лично. На этих приемах-коктейлях он пристрастился к спиртному, отсутствие природной сопротивляемости довершило дело».

В прессе выступил и министр Территорий Поль Хэзлак. Он заявил: «Если что и лежит на нашей совести, так это то, что в пору, когда Альберт Наматжира еще находился под нашей опекой и не был полноправным гражданином, мы недостаточно твердо воспротивились нажиму со стороны различных кругов, которые, руководствуясь, несомненно, самыми добрыми намерениями, стремились вырвать его из окружающей обстановки. У тех, кто приглашал его в большие города, мы просили определенных заверений, но, таков печальный опыт, эти заверения не всегда выполнялись до конца. Пребывание за пределами Северной Территории нанесло Наматжире непоправимый вред».

С просьбой о помиловании Альберта обратился премьер-министр штата Виктории Болт. В письме премьер-министру в Канберру он заявил, что в данном случае он выражает желание парламента и жителей своего штата. Его поддержал лидер оппозиции Стоунхэм. С протестом против заключения Альберта в тюрьму выступил премьер-министр Западной Австралии, высказавший мнение, что «приговор следовало бы назначить условно».

В Новом Южном Уэльсе премьер-министр Дж. — Дж. Кэхилл заверил законодательное собрание штата в том, что он попытается убедить федеральное правительство смягчить приговор. Член законодательного собрания от лейбористской партии П.-Х. Трит, одобрив намерение премьера, напомнил, что жестокое обращение с национальными меньшинствами иной раз резко настраивает мировое общественное мнение против всей страны, ярким примером чему могут служить США. В Дарвине с критикой закона, по которому Наматжира был приговорен к тюремному заключению, выступили мэр города адвокат Дж.-У. Лайенс и представитель города в законодательном совете Северной Территории Р. Уорд.

В связи с просьбами о смягчении приговора директор-распорядитель компании «Эмпол петролеум лимитид» У. Уолкли предложил, чтобы Альберту, до того как это произойдет, разрешили отбывать тюремное наказание в каком-либо специально отведенном месте в пределах его родного края. Он обещал две с половиной тысячи фунтов на создание условий для Альберта, в которых он смог бы писать.

Вслед за этим последовало заявление Хэзлака о том, что Наматжира может обратиться с апелляцией в Верховный суд и что администратор Северной Территории уже уведомил его о том, что адвокат Альберта ждет указаний относительно апелляции.

«Принимая во внимание выражаемое общественностью беспокойство, — заявил министр Территорий, — я хотел бы заверить, что, если в результате окончательного решения Альберт перейдет под опеку властей Северной Территории, любое наказание, наложенное на него, будет отбываться им в его родном краю, вне стен тюрьмы и в условиях, наиболее подходящих для того, чтобы помочь ему обрести былое отношение к жизни. Мы уже просили администратора Северной Территории изучить вопрос о том, какие шаги можно было бы предпринять в этом направлении. Предложение мистера Уолкли покрыть расходы, связанные с отбытием Альбертом Наматжирой наказания вне тюрьмы, — добавил Хэзлак, — является ненужным жестом. Хотя все предложения относительно участи Альберта несомненно делаются от чистого сердца, я думаю, что больше всего надо уповать на влияние и помощь его старых и близких друзей в Центральной Австралии, а также на какой-то период покоя для него, исключающий всякую шумиху».

Четырнадцать мельбурнских художников направили Хэзлаку петицию. В ней говорилось: «Как сограждане и собратья Альберта Наматжиры по искусству мы хотим выразить наше глубокое беспокойство по поводу трагического положения, в котором он

оказался. Мы полагаем, что, соблюдая букву закона, суд допустил большую несправедливость, не приняв в расчет условий и особенностей его племенных взаимоотношений. Унижение Наматжиры — наше унижение, и таким оно будет выглядеть в глазах всего мира. Вот почему мы просим, чтобы во имя гуманности он был освобожден!»

Тем временем в Алис-Спрингсе адвокат Альберта подал апелляцию с обжалованием обвинения и приговора, рассмотрение дела в Верховном суде в Дарвине назначили на ноябрь.

Альберт был освобожден из алис-спрингсской тюрьмы вечером 10 октября. Из тюремных ворот, в которые он вошел всего лишь за три дня до этого, он вышел еле волоча ноги и был отвезен в свой старый лагерь у Моррис Соук.

Защищать интересы Альберта в Верховном суде Территории Федеральный совет лиги сторонников прогресса аборигенов поручил мельбурнскому адвокату М.-Дж. Ашкенази.

В ожидании нового рассмотрения дела Альберт большую часть времени проводил в своем лагере. Лишь один раз он съездил в Хермансбург, чтобы навестить Рубину, которая жила теперь в миссии со своей замужней дочерью Мейзи. Он пытался уговорить Рубину вернуться к нему в лагерь, но Рубина отказалась. С Хермансбургом, по ее словам, у нее были связаны самые счастливые воспоминания, и здесь же на склоне лет она обрела покой. Она была против переезда из Хермансбурга еще тогда, когда Альберт впервые захотел поселиться в Алис-Спрингсе, но, как покорная жена, послушная своему долгу, вынуждена была последовать за супругом. А сейчас, когда с Моррис Соуком было связано столько горьких воспоминаний, да и сам Альберт, возможно, вышел на свободу только временно, о переезде не могло быть и речи.

Отказ жены возвратиться с ним очень расстроил Альберта. Он упаковал несколько работ, которые сделал, будучи в миссии, и отправился в Алис-Спрингс.

15 декабря, после ряда отсрочек, суд приступил к разбирательству апелляции. Полной неожиданностью прозвучало заявление суду, с которым с самого начала выступил адвокат Наматжиры М.-Дж. Ашкенази. В нем он поставил суд в известность о том, что его защита опирается также на выдвинутое против государства обвинение в антиконституционности статута благоденствия. Это обвинение предъявили арандцы Енох и Кит Наматжира, Отто Парероультжа и Клод Эмитжа из племени лоритжа. Основанием для такого рода обвинения послужило то, что пятнадцать тысяч двести аборигенов были объявлены подопечными и внесены в реестр Северной Территории от 30 мая

1957 года, при этом никому из них не было представлено возможностей для обжалования. Все поименованные в результате претерпели изменение гражданского статуса, утратили свободу и права собственности. Далее государство было обвинено в том, что упомянутый статут благоденствия не является законом, рассчитанным на упрочение спокойствия, порядка и доброго управления в Северной Территории, и что объявление аборигенов подопечными не имеет законной силы, поскольку для них не было предусмотрено права апелляции. Было ясно, что Ашкенази, оспаривая законность статута, ставит под сомнение и законность оснований, на которых строилось обвинение против Наматжиры.

Первым свидетелем защиты был Билл Хэрни, который сорок семь лет без перерыва прожил в пределах Северной Территории и, будучи женатым на аборигенке, немало времени провел среди коренных жителей. Его считали знатоком их законов и традиций. Он написал семь книг о жизни аборигенов и являлся членом Антропологического общества Нового Южного Уэльса. Отвечая на вопрос защитника, Хэрни рассказал суду о сложных племенных взаимоотношениях, о нерушимости закона делиться всем, что имеешь, и особо подчеркнул, что предоставление гражданства Наматжире никак не могло повлиять на его отношения с соплеменниками. По законам племени, он по-прежнему был обязан делиться всем, что имел. Хэрни подтвердил, что сородичи могли по этим неписаным законам потребовать дележа спиртного. О появившейся у Альберта тяге к вину Хэрни заявил, что началась она после его возвращения из поездки по штатам. До этого он никогда не видел, чтобы Альберт пил.

Следующим был вызван сам Альберт. На вопросы Ашкенази он отвечал уверенно, но на вопросы представителя обвинения Уайтхолла относительно дележа спиртного отвечал несколько сбивчиво. Альберт в свою очередь рассказал о племенных взаимоотношениях и объяснил, что, хотя Инок Рабераба был всего лишь братом по племени, а не по крови, он все равно был обязан поделиться с ним.

Дав показания, Альберт вновь занял место позади адвоката. Вид у него был усталый, измученный — как видно, судебная процедура утомила его. Он не выказал никакого интереса ни когда давал показания его друг Билл Хэрни, ни когда Маккой, давний знакомый, занял свидетельское место.

Маккой был чиновником департамента по делам туземцев в Алис-Спрингсе. Его также вызвали для дачи свидетельских показаний по вопросу об обычаях и законах племени аранда.

Когда была выяснена природа внутриплеменных взаимоотношений и законов дележа, Ашкенази подверг резкой

критике несправедливость акта огульного объявления тысяч туземцев Австралии подопечными. Правовое положение подопечных, указывал он, противоречит «Декларации прав человека». Оспаривая доводы обвинения, Ашкенази доказывал, что, не будь Инок Рабераба подопечным, когда, как это утверждается, Наматжира снабдил его спиртным, ни о каком обвинении не могло бы идти и речи. Аргументы о незаконности статута он подкрепил документом, в котором констатировалось, что Инок Рабераба был провозглашен подопечным без согласия с его стороны. Администратор Северной Территории не удосужился лично познакомиться с ним, Раберабу никто лично не посетил, никто не пригласил, чтобы познакомить с причиной, почему он должен быть провозглашен подопечным. В апелляции Ашкенази утверждал, что, вынося решение по делу Наматжиры 7 октября в Алис-Спрингсе, судья не разобрался в законе, для осуждения его не было достаточных оснований, поэтому подсудимый не может быть признан виновным в предъявленных ему обвинениях. В случае если все доводы, изложенные в апелляции, будут отклонены, адвокат просил суд снизить срок тюремного заключения или заменить последнее штрафом, учитывая возраст подзащитного, состояние его здоровья, своеобразие образа жизни и факт отсутствия до этого судимостей. 23 декабря в присутствии Альберта, его двух защитников, нескольких репортеров и приблизительно тридцати посторонних зрителей суд огласил решение по апелляции.

Судья Криоульдт отверг доводы адвоката о незаконности статута благоденствия и счел свидетельства о том, что Наматжира, по закону племени, был обязан делиться спиртным со своим соплеменником Раберабой, неубедительными. Окончательное решение судьи гласило: «Итак, я должен или вынести приговор о тюремном заключении, или наложить штраф в размере не менее тридцати фунтов. Наложение штрафа в данных обстоятельствах полностью исключено. Учитывая смягчающие обстоятельства в этом деле, равно как и смягчающие обстоятельства, которые могли бы быть учтены применительно к белому человеку, я пришел к выводу, что минимальный срок тюремного заключения в данном случае может быть определен в три месяца. Апеллянт проиграл апелляцию против осуждения, но частично добился успеха в апелляции против приговора».

Далее судья заявил, что в связи с намерением адвоката Наматжиры апеллировать в Верховный суд федерации решение Верховного суда Территории не будет вступать в силу до пятнадцатого дня с начала рассмотрения дела в Верховном суде в Мельбурне в настоящем 1959 году.

XIII

Неудача с апелляцией была для Альберта тяжелым ударом. Подавая ее, он так надеялся на полную отмену приговора. Теперь же опять долгие, тягостные дни ожиданий. В Алис-Спрингс он приехал свободным человеком, но освобождение было временным, угроза тюремного заключения по-прежнему висела над ним. Когда Альберт вернулся к своим родным в лагерь Моррис Соук, потребности писать у него уже не возникало. Он подолгу сидел, устремив взор в пространство и не интересуясь происходящим вокруг него. Коварная ветреница слава отвернулась от него; в душе шла непрекращающаяся борьба между непримиримыми законами предков и цивилизацией белых.

По свидетельству сиднейского художника Брайана Мэнсела, который вернулся из поездки по Индии, вести о деле Наматжиры докатились и туда, причем многие, включая премьер-министра Неру, придерживались мнения, что причиной всему расовые предрассудки.

Наматжиру-художника почти забыли, теперь он был лишь символом проблемы всего коренного населения. Споры велись во всех уголках Австралии; их еще больше подогрели выступления выдающихся государственных и общественных деятелей страны. Одни ратовали за предоставление гражданства всем аборигенам, другие убеждали, что это бессмысленно и нецелесообразно.

По злой иронии судьбы как та, так и другая сторона черпали в деле Наматжиры внешне неопровержимые аргументы в пользу своей точки зрения.

В письме в газету «Адвертайзер» член совета Лиги сторонников прогресса аборигенов Бэрри Е. Кристоферс писал: «Как христиане, мы должны придерживаться учения Христа о братстве людей. Христиане не могут поддерживать законы, которые делят общество по происхождению, лишая некоторых людей прирожденного права гражданства. Аборигены биологически ничем не отличаются от нас, и фармакологическое действие алкоголя не зависит от цвета кожи. Чрезмерное употребление спиртного среди аборигенов — это лишь один из симптомов заболевания, и его нельзя путать с самой болезнью — гражданским бесправием аборигенов, низкой оплатой труда и расовыми предрассудками. Если бы Инок Рабераба, которого, как считают, Альберт Наматжира угостил спиртным, был гражданином, а не рабом, Альберт Наматжира не был бы привлечен к суду».

Та же газета опубликовала совместное письмо, которое

подписали тринадцать граждан Северной Территории: три члена законодательного совета, судья, четыре священнослужителя и пять видных граждан из Алис-Спрингса. Они, напротив, осуждали кампанию за предоставление гражданских прав аборигенам, выражая мнение, что, увенчайся она успехом, это принесло бы непоправимый вред.

«Предоставление законом гражданства само по себе не дает какой-либо надежды на успешное решение проблемы, — писали авторы письма. — Мы уже имеем печальный опыт в этой области у нас в Северной Территории, где чистокровным аборигенам и лицам смешанной крови было даровано гражданство; из-за того, что не была учтена склонность к спиртному, азартным играм и не была проведена настоящая подготовка, мы вплотную столкнулись со все усложняющейся трагической социальной проблемой, со всеми вытекающими из нее последствиями — безнадзорными детьми, покинутыми женами, недоеданием и пороками».

Впрочем, возражения носили и не только чисто негативный характер. Авторы письма настоятельно доказывали, что, прежде чем предоставлять аборигенам гражданство, всех их надо подготовить к этому — подготовить экономически, социально, морально, повышая их уровень образования. Они критиковали правительство за неспособность создать для аборигенов нормальные возможности для получения работы и профессионального обучения. Правительственные поселения в туземных резервациях обеспечивали аборигенов пищей, одеждой, медикаментами, но почти не поощряли заниматься трудом. Таким путем некогда гордый и трудолюбивый народ со строгими моральными устоями превращают в паразитов, болтающихся на задворках общества белых и лишенных каких-либо моральных устоев. Предоставление туземцам гражданства без должной к тому подготовки равносильно подписанию им смертного приговора. Такое полноправие, как утверждали эти критики, привело бы к моральной деградации, а в сочетании с алкоголизмом и плохим питанием — к полному вымиранию аборигенов, как это уже имело место на юге Австралии.

Доктор Чарлз Дьюгид придерживался иного мнения. Тридцать пять лет работы в департаменте по делам туземцев и двадцать пять лет тесного общения с аборигенами «от городского жителя до голого кочевника» придавали его высказываниям особую авторитетность.

«Успех закона о предоставлении гражданства аборигенам больше всего зависит от позиции белых граждан Австралии, — писал он. — Если тринадцать граждан Алис-Спрингса и вкупе с ними подавляющее большинство белых австралийцев не будут

готовы принимать аборигенов у себя дома как равных, то в законодательстве будет мало проку. Предложение о том, что аборигены должны быть «кандидатами в граждане в их собственной стране», — чудовищное оскорбление.

Тяга аборигенов к спиртному приводится как аргумент тщетности всех усилий. Допустим, что это действительно корень зла. Но какой пример мы сами показывали им? Если употребление спиртных напитков и азартные игры являются основанием для лишения людей гражданства, то хороша же перспектива, ожидающая нас всех! Авторы письма из Алис-Спрингса утверждают, что проводимая правительством политика «меняет характер жизни народа, некогда гордого и трудолюбивого и т. д.». В данном утверждении нет ничего нового. Это происходило во всей Австралии, начиная с тех пор, когда люди нашей расы захватили земли коренных обитателей».

Доктор Дьюгид поддержал предложение министра по делам Территорий предоставить гражданство всем метисам Северной Территории.

В пылу полемики не было забыто и искусство Альберта. Более того, споры побудили почитателей его таланта активизировать свою деятельность. Национальную галерею в Сиднее засыпали просьбами выставить работы Наматжиры.

«Мы выставим его работы, — писал в аделаидской «Ньюз» директор галереи Хол Миссингэм, — когда Наматжира добьется достаточно высокого уровня». Миссингэма поддержал директор Национальной галереи Виктории Эрик Уэстбрук, который также не принимал работ арандского художника. «Работы Наматжиры еще не удовлетворяют нашим требованиям, — заявил он, — двадцать, а то и тридцать акварелистов из белых австралийцев пишут пейзажи куда с большим мастерством, чем Наматжира».

Их точку зрения разделял и Роберт Кэмпбелл из Аделаиды. «Только тем, что Наматжира — чистокровный абориген, и можно объяснить шумиху вокруг его работ, — твердил он, — любопытство широкой публики, а отнюдь не эстетическая ценность его работ является причиной его популярности».

Отповедь этим деятелям искусства дал один из известных художников Австралии — Уильям Даржи. Он предсказал, что не далек тот день, когда директора галерей будут из кожи лезть, чтобы купить хоть какой-нибудь подлинник Наматжиры. Он расценил критику как необоснованную и особенно неуместную сейчас, когда художник находится в таком тяжелом положении.

Вступился за Альберта и Ноэль Коунихэн, хорошо известный писатель и художник: «Постыдно, что работы Наматжиры не представлены во всех наших национальных галереях. Он добился

замечательных успехов, перекинув мост через несколько столетий, отделявших первобытного художника от современного европейского мастера кисти».

Но одинокий старик в лагере у Моррис Соук не знал, что вокруг его работ вновь, в какой уже раз, ломались копья. Все это было ему глубоко чуждо.

Двенадцатого марта мистер Ашкенази обратился в Мельбурн за разрешением подать апелляцию против приговора, вынесенного Верховным судом Территории. Он оспаривал приговор о заключении Альберта в тюрьму на следующих основаниях:

1. Судья допустил ошибку, отклонив апелляцию против обвинительного приговора, вынесенного судом суммарной юрисдикции в Алис-Спрингсе.

2. Исходя из фактов, имевшихся в распоряжении судьи, он должен был удовлетворить указанную апелляцию и отклонить решение указанного Суда суммарной юрисдикции.

3. Во исполнение своего дискреционного права в соответствии со статьей 141 законодательства означенной Территории судья должен был бы наложить штраф в размере не менее тридцати фунтов вместо наказания, наложенного судом суммарной юрисдикции.

Дело Наматжиры заслушали главный судья Оуэн Диксон и судьи: Эдуард Мактиернан, ныне покойный Уилфред Фуллагер, Фрэнк Китто и Виктор Уипдейер.

В день разбирательства просьбы об апелляции в Мельбурне Альберт приехал из резервации своего племени, чтобы повидаться с адвокатом. После разговора с Картером он как будто воспрянул духом. Поскольку решение Верховного суда федерации должно было стать известным только назавтра, Альберт отправился в свой старый лагерь у Моррис Соук, чтобы навестить все еще живших там родственников.

И вот на следующий день главный судья объявил, что просьба в апелляции отклонена. Все пять судей единодушно пришли к заключению о том, что Наматжира снабдил вином туземца-подопечного по имени Инок Рабераба.

Говоря о третьем пункте обоснования апелляции, главный судья Оуэн Диксон заявил: «Судья Верховного суда Территории имел то преимущество, что знал обстановку, в которой было совершено правонарушение, а также имел опыт по части применения закона, сформулированного в статье 141 уложения. Нам весьма нежелательно вмешиваться в вопросы отправления дискреционного права, которым он пользуется в Северной Территории при определении наказания, но в любом случае мы

не видим ни в фактах, ни в сопутствовавших им обстоятельствах оснований для сомнений в том, что его честь проявил надлежащее благоразумие».

О том, как встретил это известие Альберт, писал корреспондент аделаидской газеты «Ньюз» из Алис-Спрингса: «Когда ему объявили, что Верховный суд отклонил просьбу об апелляции против приговора, Альберт Наматжира взорвался: «Я не могу так дальше. Сил нет больше это выносить. Лучше пальнуть себе в голову и покончить со всем разом, чем жить так дальше. Почему они не убьют нас всех? Ведь именно этого они хотят».

Оставалось уповать только на обещание министра Территорий, что Альберт будет отбывать срок заключения на воле, а не в тюрьме. Художник долго стоял, бессильно прислонившись к стене своей жалкой лачуги.

«Почему меня никак не могут оставить в покое? — твердил Альберт. — У меня ж теперь ничего нет. У меня все забрали. Мне говорили, что не посадят в тюрьму, уверяли, что все дело уладят в Мельбурне. Что остается мне? Я стар. Я работал изо всех сил. У меня забрали столько денег по налогу и вот теперь отправляют на тяжелые работы».

Арест и заключение в тюрьму были делом времени. В ожидании решения Верховного федерального суда по апелляции Верховный суд Территории в Дарвине приостановил исполнение вынесенного в декабре приговора о трехмесячном заключении Альберта в тюрьму. Как только апелляция была отклонена, ордер на арест был немедленно выслан в Алис-Спрингс авиапочтой. Получив его, инспектор Маккиннон отправился в лагерь у Моррис Соук и арестовал Альберта. Альберт не высказал никакой обиды по отношению к офицеру полиции, которого он знал двадцать семь лет, но для инспектора арест Альберта был одной из самых горьких обязанностей за всю долгую службу на Территории.

Со времени своей первой встречи с Альбертом в Хермансбургской миссии, когда он попросил безвестного аборигена сделать ему дюжину плаке, инспектор Маккиннон с пристальным интересом и восхищением следил за карьерой Альберта и теперь был искренне опечален случившимся.

Восемнадцатого марта, после полудня, инспектор Маккиннон доставил арестованного в тюрьму. Чтобы избежать ненужной шумихи, были приняты все меры предосторожности, так что даже жители города не знали об исполнении судебного приговора. На следующий день газета дала маленькое сообщение: «Вчера под вечер в соответствии с решением суда Наматжира был взят под стражу и препровожден в тюрьму».

Хотя министр по делам Территорий и заявил, что для отбытия оставшегося срока Наматжира будет отправлен в отдаленный район страны, выполнение этого обещания задерживалось. Причиной послужило то, что местом отбытия наказания была выбрана туземная резервация Арейонга, в которой в основном жило племя питженжара и один из его членов грозился убить Альберта, если его привезут туда. Убийство девушки из этого племени в лагере у Моррис Соук семь месяцев назад разожгло у его членов чувство мести, и они поклялись пронзить копьем любого арандца, ступившего ногой на их землю. То была не пустая угроза, и Альберт знал это. Он просил не отправлять его в Арейонга. Когда о сложившейся ситуации доложили администратору Северной Территории, он распорядился отправить Альберта в туземную резервацию Папунья, которая находилась в краю арандцев.

Все эти обстоятельства были ярко расцвечены прессой. Альберт вновь оказался в центре внимания. Опять замелькало на страницах газет и журналов выражение «Скиталец между двух миров», но на этот раз оно имело более глубокий смысл. Альберт изображался изгоем, отверженным обеими расами — своей собственной и расой белых австралийцев. Говорили о нем и как о «несчастной жертве судьбы и людей».

Большинство австралийцев поддержало решение министра Территорий о том, что Альберт должен отбывать свое наказание вне стен тюрьмы. Однако нашлись и противники этого акта, в основном в среде политических деятелей. Они утверждали, что политическое вмешательство в действия Верховного суда Территории и Верховного федерального суда нетерпимо и что вряд ли можно считать допустимым такое положение, когда политический деятель отменяет решение самых авторитетных судей страны. Дарвинские юристы не нашли в законодательстве такой статьи, которая давала бы Хэзлаку подобные полномочия. Хэзлак не предполагал, что его гуманный акт может встретить столь резкое отношение и вызвать дискуссию в парламенте. Лидер оппозиции в федеральном парламенте Эватт потребовал, чтобы Хэзлак дал объяснения в связи со своим решением относительно Наматжиры.

Хэзлак объяснил, что он поступил так с целью дать Наматжире максимум возможностей реабилитировать себя и стать лучше, а не хуже.

Хотя некоторые официальные лица продолжали возражать против оказанного Альберту снисхождения, гуманность восторжествовала. Тюремный надзиратель алис-спрингсской тюрьмы, получив приказ, перевез Альберта в Папунью. Старший

полицейский офицер государственной резервации Папуньи Е.-Л. Фиц был специально приставлен к Альберту.

Назначение Фица было проведено в соответствии с распоряжением министра по делам Территорий, чтобы Альберт находился на попечении старых и близких друзей, которые больше чем кто-либо могли способствовать его нравственному возрождению. Прожив в Хермансбурге немало лет, Фиц хорошо узнал Альберта. Да и миссис Фиц за те двадцать лет, что была школьной учительницей в этом поселении, близко подружилась с семьей Наматжиры.

Когда Альберт находился в алис-спрингсской тюрьме, его осмотрел врач и обнаружил у него повышенное давление и расширение сердца. Он советовал поручать Альберту только самую легкую работу. Судебный приговор предписывал тяжелые работы, но тюремное начальство приложило все старания, чтобы поручаемая работа не шла во вред здоровью Альберта. Его обязанности заключались в том, что он чистил овощи и подметал дорожки вокруг газонов и цветочных клумб на тюремном дворе. Исполнял свои обязанности Альберт механически. Говорил он только тогда, когда к нему обращались, отвечал на вопросы односложно. Это был безразличный ко всему, преждевременно состарившийся человек. Создавалось впечатление, что он с прирожденным туземным фатализмом покорился условиям жизни, которые создали жестокие обстоятельства. Когда Фиц приехал в тюрьму, чтобы забрать его в Папунью, это полнейшее безразличие Альберта к своей собственной участи сразу же бросилось ему в глаза.

XIV

В Папунье на весь срок пребывания Альберта власти приняли особые меры предосторожности. Наматжира был полностью изолирован от шестисот аборигенов, проживавших в резервации, обслуживающему персоналу не разрешалось вступать с ним в разговор, запрещены были посещения туристов, фотографирование. Фицу предписывалось поместить Альберта в подходящее помещение, обеспечить трехразовым питанием и осуществлять над ним постоянный надзор. Однако Фиц не ограничивался исполнением приказа, всякий раз, когда предоставлялась возможность, он старался проявить максимум заботы о своем подопечном.

Когда Наматжира прибыл в Папунью, он был полон дурных предчувствий, и Фицы делали все, чтобы развеять их. Супруги часто приглашали художника к себе на чашку чаю. Альберт очень ценил их доброе расположение, но чувств своих открыто не выказывал.

Вид и поведение Альберта очень беспокоили Фицев. В этом сутулом, изможденном старике трудно было узнать того Альберта, которого они знали по Хермансбургу, — счастливого супруга, гордого отца, почитаемого члена племени аранда, пользовавшегося уважением всей миссионерской общины. Он, казалось, утратил интерес ко всему.

Как-то Фиц предложил художнику сопровождать его в одной из инспекционных поездок по резервации. Альберт согласился, хотя и неохотно. И тем не менее эта поездка стала началом перелома. Когда они объезжали край, воспетый в легендах его народа, Альберт под действием воспоминаний детства начал пробуждаться к жизни. Впервые после приезда в Папунью он оживился. Знакомые места вызывали у него в памяти легенды, сложенные его племенем и слышанные от отца, легенды о тех далеких временах, когда почитаемые ими герои создавали горы, ущелья и озера. Альберт рассказывал об удали своего народа в битвах, о пиршествах и ночных обрядовых праздниках победы, в которых участвовал его отец. Все это было задолго до прихода в этот край христианских миссионеров.

После поездки разговоры с супругами Фиц стали более непринужденными и постепенно вернулась теплота их старых дружеских отношений. Когда Альберт ел, четверо детей Фицев часто подсаживались к нему. Их общество, судя по всему, доставляло ему удовольствие, и он улыбался, глядя на их шалости. К нему вернулось прирожденное чувство собственного

достоинства, а с ним и вера в человеческую доброту. Он вновь начал читать Библию и Псалтырь — обе книги были напечатаны на его родном языке — и, вероятно, находил утешение в религии, о которой забыл в беспокойные годы, предшествовавшие его осуждению.

Довольно регулярно в Папунью наведывались по долгу службы алис-спрингсский тюремный надзиратель и директор местного отделения департамента по делам туземцев. Они воочию убеждались, насколько благотворным для Альберта было отбытие наказания вне стен тюрьмы, хотя сам осужденный с их приездами каждый раз мрачнел и становился нелюдимым: они были живым напоминанием о постигшей его беде.

Во время объездов резервации со своим стражем Альберт стал все больше и больше рассказывать о своей жизни. Он вспоминал о столицах и признался, что поездки эти не доставили ему большой радости. Особенно не понравилось ему в Сиднее, где его таскали с одной встречи на другую и постоянно окружали толпы любопытных. Почти никого он не интересовал как человек. По его словам, в Папунье он обрел покой и, если бы ему позволили остаться здесь после заключения, он, может быть, со временем вновь ощутил бы желание начать писать.

Но одно не давало покоя Альберту — он хотел повидать Рубину. Фицев очень тревожил разлад Альберта с супругой, и они договорились о посещении Папуньи Рубиной. Альберту были разрешены четыре свидания в месяц. Во время свидания супруги примирились, и, поскольку не было закона, который запрещал бы ей жить в резервации, Рубина изъявила желание остаться. И когда ей объяснили, что, согласно предписанию, она сможет видеться с Альбертом не чаще четырех раз в месяц, она разразилась рыданиями. Только заверения Фицев, что Альберт скоро будет освобожден, утешили ее. Со слезами на глазах простилась Рубина с супругом и вернулась в Хермансбург.

За исключением этого печального свидания, Альберт жил день за днем без особых происшествий, тревог и неприятностей. За полтора месяца его имя ни разу не появлялось в газетах, хотя какой-то самолет, как считали, зафрахтованный не теряющим надежды на сенсацию фоторепортером, низко подолгу кружил над Папуньей.

Вскоре, надо же было так случиться, в Папунье произошла стычка между членами племени, во время которой два туземца были убиты и многие ранены. Некоторые газеты намекали, что стычка как-то связана с угрозами племени питженжара Наматжире. В связи с распространившимися об этом инциденте домыслами член парламента от Северной Территории лейборист

Дж.-Н. Нельсон запросил официальных разъяснений на сей счет от министра по делам Территорий. Министр Хэзлак выразил сожаление по поводу чрезвычайно преувеличенных, а сплошь и рядом просто ложных сообщений. Он заявил, что, как только появились подобные сообщения, он пытался опровергнуть их, восстановить истину и представить подлинные факты и, хотя некоторые газеты отреагировали должным образом, нашлись такие, которые, вероятно, придерживаются принципа, что не следует правдой портить хорошую выдумку. На самом деле беспорядки были простой ссорой в племени пинтуби и не имели никакого отношения к Наматжире, который в это время сопровождал Фица в инспекционной поездке в Хааст-Блафф.

Приближался срок освобождения Альберта, поэтому, боясь шумихи, которую часто поднимали вокруг Наматжиры, были предприняты все меры предосторожности, чтобы о нем не просочилось в печать никакой информации. Учитывая безукоризненное поведение Альберта, трехмесячный срок заключения сократили ему на один месяц и дату выхода на свободу назначили на 18 мая. Детали, связанные с освобождением, были переданы по радио специальным кодом, предварительно согласованным между надзирателем тюрьмы в Алис-Спрингсе и Фицем.

Формальное освобождение должно было произойти из алис-спрингской тюрьмы, поэтому его предстояло везти в город. По пути в Алис-Спрингс Фиц заехал в Хермансбург с тем, чтобы дать телефонограмму в тюрьму. Рубине ничего не сказали о том, что Альберт поедет через Хермансбург, но, увидев грузовики Папуньи, а затем и самого Альберта в кабине, она вне себя от радости бросилась к нему. Припав к руке Фица, Рубина, обливаясь слезами, благодарила его за то, что он привез к ней Альберта. Стоило большого труда объяснить ей, что Альберт еще не свободен, что ему придется поехать в Алис-Спрингс, чтобы получить официальное освобождение, и что только тогда он будет волен вернуться в Хермансбург. Рубина выразила желание приехать в Алис-Спрингс, чтобы быть рядом с супругом, когда он выйдет из тюрьмы. Фиц заверил ее, что он договорится об этом с главой миссии. После этого он и Альберт тронулись в путь.

Грузовик скрылся из виду, а Рубина еще долго глядела на пыльную дорогу. Близился конец одиночеству и несчастьям прошедшего года. Она ждала этого с характерной для аборигенок верностью и теперь надеялась, что у них начнется новая жизнь. В течение тридцати восьми лет супружеской жизни ни нищета, ни голод, ни болезни, ни потеря четырех детей не смогли подорвать прочность их союза. Но там, где оказались бессильными

несчастья, сделала свое черное дело цивилизация белого человека. Он заблудился в незнакомом ему мире денег, лести и поклонения столиц. Он был сбит с толку порядками и обычаями, которых не понимал. У Рубины не было такого тесного, как у Альберта, контакта с цивилизацией белых, не было у нее и иллюзий в отношении «привилегии» принадлежать к ней. Полное гражданство принесло только несчастья. Законы, которых ни он, ни она не понимали, не только не улучшили их участь, а, наоборот, испортили им жизнь. Теперь же зародилась надежда. Рубина знала, что в Папунье об Альберте умно и умело заботились его старые и надежные друзья и что их влияние пошло ему на пользу. Она также знала, что теперь он вернется в свой родной край и что в оставшиеся годы они, может быть, вновь обретут покой и счастье.

Утром 19 мая Альберт вышел из обнесенной высокой стеной алис-спрингсской тюрьмы. У ворот его встречали Рубина и члены семьи. Они хотели сразу же забрать его в Хермансбург. Однако Альберт отказался, сославшись на то, что у него есть дела в городе, которые надо срочно уладить, и попросил отвезти его к своему поверенному по налоговым делам Оуэпу. Он расстался с семьей, пообещав, что вернется в миссию на такси.

Оуэн, ничего не знавший об освобождении Альберта, был удивлен, увидев его. Но еще больше удивился, когда тот сказал, что хотел бы обсудить с ним ряд деловых проблем. До сих пор Альберт мало интересовался состоянием дел и не утруждал себя заботами о них. «Вы уж уладьте все, мистер Оуэн, я на вас полагаюсь», — обычно говорил он, отмахиваясь от всяких дел.

Альберт всегда был небрежен в делах и никогда не знал ни своих доходов, ни числа проданных картин, ни комиссионных посреднику и многого другого, что интересует налоговых инспекторов. Теперь же он, похоже, хотел привести дела в порядок. Альберт захотел распутать с налоговым управлением вопрос о размерах комиссионных, выплачивавшихся посреднику, — здесь не совпадали какие-то данные. Другой мучившей его проблемой была огромная задолженность за ремонт грузовика. Он заявил, что хотел бы оплатить этот счет, но у него нет денег, так как какое-то время он ничего не зарабатывал. Интересовался он также и контрактом с сиднейским посредником, по которому он был обязан поставлять определенное число картин в год.

«Даже перед тюрьмой меня не всегда тянуло писать, — объяснял Альберт устало. — Нужно настроение, я не могу делать картины, как машина. Тогда они получаются плохие». Когда Оуэн спросил, не появилось ли у него сейчас желания заняться

картинами, Альберт ответил: «Пока еще не могу писать. Еще очень тяжело на душе. Поживу со своими в родном краю, тогда, может быть, и займусь ими». На вопрос о том, где он собирается жить, Альберт ответил, что ему предлагают дом в Папунье, но он еще не уверен, примет ли он это предложение. «Сперва я еду в Хермансбург, в край моего отца. Это и мой край. Вряд ли я смогу быть счастливым сейчас где-нибудь в другом месте!»

Глядя на печального аборигена, Оуэн вспомнил стихи Вальтера Скотта из «Песни последнего менестреля»:

> «Нет такой силы под Луной,
> Чтоб стать меж мною и тобой,
> Мой край суровый и родной!»

Вдруг Альберт поднялся, протянул руку и, поспешно попрощавшись, ушел. Внезапный уход поразил и встревожил Оуэна, вызвав у него какое-то необъяснимое предчувствие. Постояв, он прошел в контору, где на стене висела одна из ранних работ Альберта. Оуэн часто сожалел, что не покупал поздних работ, написанных, когда Альберт достиг вершины мастерства. Эта маленькая акварель была очень дорога ему: простому рисунку и мягкому колориту, быть может, и недоставало зрелой уверенности поздних работ, но эта картина свидетельствовала о любви к живописи ради самой живописи, а не ради денег на оплату долгов.

А тем временем Альберт уже был у другого своего друга — мистера Рега Веррана, который пересылал работы Альберта посреднику в Сидней. Он не меньше Оуэна удивился несвойственному Альберту интересу к собственным делам. Альберт хотел точно знать, сколько работ продано в Сиднее, и выражал настойчивое желание привести свои дела в полный порядок. Что же касалось планов на будущее, то создалось впечатление, что они его совсем не интересовали. После разговора Альберт вызвал такси и отбыл в Хермансбург. Верран глядел вслед удаляющемуся такси и никак не мог отделаться от тревожной мысли, что он никогда уже более не увидит этого старого человека.

Странное поведение Альберта, вызвавшее у двух его белых друзей грустные предчувствия, было отмечено также родными и главой Хермансбургской миссии. После возвращения Альберта к старому очагу его семья и пастор Шерер делали все, чтобы пробудить его к жизни. Но Альберт оставался безучастным ко всему и целыми днями сидел у хижины, в которой поселился с Рубиной. В конце концов под влиянием пастора Шерера он

принял предложение относительно дома в Папунье.

В Папунье Фицы сделали все, чтобы Альберту и Рубине жилось в их новом доме как можно уютнее и удобнее. Рубина не знала, как благодарить их, но Альберт, все еще погруженный в летаргию, предпочитал одиночество. Часами сидел он, устремив взгляд вдаль. Но вот мало-помалу у него стал пробуждаться интерес к живописи. Он даже принимался писать, но, едва начав картину, впадал в какой-то транс и уже не делал ни одного мазка за день; дождавшись заката, Альберт любовался багряными горами, отбрасывавшими длинные тени на красные равнины. А когда неожиданно налетавший холодный ветер пустыни и быстрокрылые птицы, ищущие укрытия на ночь, выводили его из задумчивости, собирал краски, кисти, брал неоконченную работу и тащился домой.

Постоянная апатия Альберта не давала покоя Фицу. Последнюю надежду он возлагал на то, что живопись поможет пробудить его. Однажды он подошел к Альберту, когда тот, по обыкновению, сидел один, и спросил, не закончил ли он какой-либо картины. Ни слова не говоря, Альберт вытащил из этюдника несколько акварелей. Написанные грубо, крикливо, они служили наглядным свидетельством глубокого душевного расстройства старого человека. Природная тонкая наблюдательность все еще проявлялась в рисунке громоздящихся гор и изящных белесых эвкалиптов, но чувство цвета, которое отличало его предшествующие работы, совершенно отсутствовало.

Эта живопись встревожила Фица. Он протянул картины обратно Альберту, мучительно соображая, что же ему сказать. Помолчав, он спросил Альберта, что он собирается с ними делать. Альберт сказал, что, может быть, отдаст картины Еноху, чтобы тот отправил их Бэттерби, но по его тону было ясно, что его нисколько не заботит, что станется с ними.

Альберт, похоже, утратил всякую волю к жизни. Фиц не раз спрашивал, не беспокоит ли его что-нибудь, не болен ли он. И каждый раз Альберт неизменно отвечал, что все в порядке, просто он чувствует небольшую усталость. В один из дней Рубину вызвали в Хермансбург к дочери Мейзи, которая вот-вот должна была родить. Перед отъездом она очень просила Фицев приглядеть за Альбертом. Фицы заверили ее, что присмотрят за ним, и предложили ему делить стол с ними. Альберт отказался. Спустя несколько дней после отъезда Рубины Фиц, совершая обход, заглянул к Альберту. Альберт лежал в углу, свернувшись калачиком. Увидев Фица, он пожаловался ему на боли в груди.

Фиц немедленно вызвал двух сестер из местной больницы. Альберт хотел было уклониться от осмотра, но, зная о его

предрасположенности к ангине, они настояли на обследовании. Не найдя у него ничего внушающего опасения, они тем не менее посоветовали Альберту лечь в больницу. Альберт и слышать об этом не хотел. Фиц попросил одну из сестер в ближайший же сеанс радиосвязи связаться с врачом из Алис-Спрингса. Дежурный врач, выслушав сестру, посоветовал внимательно следить за его состоянием и попросил сообщать ему о малейших изменениях. В течение двух последующих дней в самочувствии Альберта не наступило никаких улучшений. Доктор предложил прислать в Папунью самолет и доставить художника в Алис-Спрингс. Однако в Папунье болезнь Альберта не считали столь уж серьезной и не видели необходимости в такой спешке. Поэтому перевезти его в город решили с попутным грузовиком, когда тот поедет за провизией. Сестры и Фиц, постелив матрац, устроили Альберта в кузове грузовика.

Альберт никак не хотел ложиться, и, когда грузовик тронулся, он помахал на прощание рукой. Несмотря на то, что Альберт, казалось, был в сносном состоянии, Фиц очень беспокоился, как бы долгая дорога не отразилась на нем, и послал радиограмму в Алис-Спрингс с просьбой выслать навстречу медицинскую машину. Через несколько часов Папунья узнала по радио, что Альберт благополучно прибыл в больницу, состояние его удовлетворительное.

Весь следующий день Альберт отдыхал, но тут неожиданно начался сердечный приступ. Состояние его быстро ухудшалось и стало критическим, когда в довершение всего у него началось воспаление легких. О тяжелом положении Альберта сообщили Рубине, и на другой день к вечеру машина миссии привезла ее в больницу. Пастор Альбрехт встретил ее, и они вместе вошли к Альберту. Преклонив колени, они стали молиться у его постели. Альберт попытался присоединиться к ним, но, едва прошептав «аминь», устало закрыл глаза и впал в забытье.

Когда последний луч заката коснулся его темного лица, Альберт глубоко вздохнул и затих. Абориген из племени аранда, ставший самым известным и самым трагическим по своей судьбе художником Австралии, скончался.

Альберта Наматжиру похоронили на кладбище Алис-Спрингса воскресным вечером 9 августа.

Пастор Альбрехт в краткой надгробной проповеди сказал: «Альберт был не только членом племени аранда и прихожанином лютеранской церкви. Я беру на себя смелость утверждать, что он принадлежал не только Австралии — он принадлежал всему миру. Своим искусством он открыл людям красоту своего края. Он дал им возможность увидеть наши горы, деревья, пейзажи,

залитые таким великолепным солнцем, о котором и не подозревают в других уголках земного шара. И вот сегодня мы предаем его останки земле. Но, слава богу, погребая этого великого сына Центральной Австралии, мы можем утешить себя тем, что, хотя прах его будет покоиться в могиле, наследие Альберта останется с нами. Во многих и многих домах нашей страны его произведения по-прежнему будут радовать сердца людей».

Как только проповедь окончилась, Рубина, поддерживаемая пастором Шерером, с маленьким букетиком цветов подошла к краю могилы и бросила на гроб первые горсти земли. Высоко в небе над скорбной группой людей бесшумно кружил одинокий планер. Было что-то символическое в том, что тень от его крыльев набежала на открытую могилу: казалось, будто измученная душа Альберта освободилась наконец от земных страданий и воспарила ввысь, чтобы найти счастливую обитель воспоминаний и обрести там вечный покой.

Когда могилу убирали цветами, возле нее осталось всего несколько человек. Рядом с маленькими букетиками цветов от друзей и почитателей на могиле лежали дорогие венки от знаменитостей Австралии.

Споры — такова уж была судьба Альберта — разгорелись и вокруг его похорон. Одни считали, что память художника следовало бы почтить гражданской панихидой. Другие возражали против захоронения в Алис-Спрингсе, поскольку этот город расположен не на территории племени аранда и к тому же с ним связано падение Альберта. Пастор Альбрехт разъяснил, что Альберт был похоронен так, как того пожелала Рубина, к тому же он и сам считал, что пышные похороны со множеством людей стеснили бы семью Наматжиры.

Кончина Наматжиры тем не менее оплакивалась далеко за пределами маленького кладбища в Центральной Австралии.

Доктор Эватт, лидер оппозиции в федеральном парламенте, заявил: «Смерть Альберта Наматжиры — это трагическая утрата не только для его родного племени, но и для всей Австралии. Его неоценимая заслуга состоит в том, что он в огромной степени помог всем жителям Австралии проникнуться искренним чувством симпатии к аборигенам».

Ганс Хейзен, один из самых первых почитателей Наматжиры, писал: «Альберт был личностью, единственной в своем роде. Он обладал феноменальной способностью художественного видения. Когда-то давным-давно пастор Альбрехт спрашивал меня, как поступить с Альбертом, и я тогда посоветовал оставить талантливого аборигена, подававшего огромные надежды, в его

родном краю, чтобы он по-прежнему писал, повинуясь голосу чувства. К несчастью, ему не давали покоя».

Профессор А.-П. Элкин говорил, что смерть Наматжиры — серьезная утрата для аборигенов, так как он был великим представителем своей расы. «Я надеюсь, — сказал он, — что пример Альберта не пропадет даром».

На смерть Наматжиры откликнулся и один из выдающихся художников Австралии — Уильям Доубелл: «Я скорблю, услышав о кончине Альберта. Я восхищался им и как человеком и как художником».

Писатель Фрэнк Клюн, принимавший Альберта у себя в доме в Сиднее, писал: «Бедный Альберт… он был самым выдающимся аборигеном нашей страны за всю ее историю.

Он должен быть похоронен рядом с Джоном Флином в тени горы Гиллен».

В прессе выступил и неизменный защитник Альберта во всех спорах доктор Чарлз Дьюгид: «Я знал Альберта с 1934 года и всегда высоко ценил его. Он был большой художник и светлый ум. Он мог судить об австралийских делах так же, как хорошо образованный белый, и это качество в нем недооценивали».

Доктор Гордон Симпсон, знавший Альберта девятнадцать лет и обладавший одним из самых больших собраний работ художника, говорил: «Я хорошо знал Альберта и был высокого мнения о нем. Я считаю его самым большим художником — певцом Северной Территории. Его работы свидетельствуют о такой глубокой любви к своему краю, которая вряд ли ведома белым. Как добрый семьянин, он отдавал себя семье. Его утрата для них невосполнима. Это был человек самых высоких устремлений».

Художник Ноэль Коунихэн, большой поклонник Альберта, попытался оценить его вклад в искусство. В статье, напечатанной в «Трибюн», он выразил сожаление по поводу непризнания творчества Наматжиры официальными и профессиональными художественными кругами, а также по поводу неприятия Альберта обществом белых, когда он попытался обзавестись домом в Алис-Спрингсе.

Ноэль Коунихэн писал: «Директора национальных галерей, искусствоведы, критики и многие довольно известные художники утверждали, что акварели Наматжиры лишены художественных достоинств. Директор Сиднейской галереи Хол Миссингэм во всеуслышание заявил, что, по его мнению, в Австралии наберется по меньшей мере двадцать пять акварелистов лучше Наматжиры. Интересно, кого же назовет он. Сэр Дэрил Линдсей в бытность свою директором Мельбурнской галереи отказался приобрести

акварели Наматжиры. Место Наматжиры в изобразительном искусстве нашей страны необходимо рассматривать в историческом аспекте, с учетом всей исключительности обстоятельств. Позор, что наши главнейшие национальные галереи игнорируют этого художника. Однако, вопреки официальному непризнанию, обыкновенные, простые люди любят теплую по колориту, богатую по краскам живопись Наматжиры. Он достиг славы только благодаря своим врожденным способностям. Наматжира не имел за своей спиной культурной традиции создания художественных ценностей. Великие художники рождаются не на пустом месте. Рембрандту предшествовали два века развития великолепного национально-самобытного реалистического искусства Голландии. Он располагал произведениями высочайшего итальянского искусства своих дней и хорошо знал его. Именно такая обстановка формирует великих художников. И тем не менее Наматжира был великим художником. Кроме глаза художника он обладал поистине феноменальным по остроте чувством цвета, цепкой памятью, поразительным умом и нежной любовью к родному краю. Он совершил огромный культурный скачок, преодолев тысячелетия. Он открыл богатую россыпь талантов в своем народе, основав целую школу арандских художников.

То, что он внес вклад в наше национальное искусство, — факт бесспорный. И все же это отвергается и отвергается потому, что своим реалистическим искусством Наматжира бросил вызов искусству, панически бегущему от действительности. Абстрактное искусство полностью отвергает реальность. Святая святых искусства вывернута наизнанку. Безобразное называется прекрасным, отсутствие формы почитается за достоинство, а пустота содержания — за глубину. Своим успешным вторжением на рынок, где безраздельно господствовали белые, Наматжира вызвал к себе чувство неприязни и предубежденности в мире профессиональных художников. Но история свершит правый суд, и потомки отведут Наматжире заслуженное почетное место в нашем искусстве».

Один из лучших журналистов Австралии, Клайв Тернбулл, в статье, опубликованной в мельбурнской газете «Сан», писал: «Прискорбная истина заключается в том, что хоть большинство из нас и сознает, что надо как-то помочь аборигенам, дело делают лишь немногочисленные подвижники. Наше негодование по поводу событий в Литт-Роке и Ньясаленде — сплошное лицемерие. Осуждение чужих грехов не извиняет наших собственных. Больно думать, что мы принадлежим к поколению, которое наши потомки обвинят не только в бессердечии по

отношению к аборигенам, но и за отсутствие самой элементарной цивилизованности в нашем подходе к ним. У нас нет даже тех сомнительных оправданий, которые были у наших предков или у конкистадоров. Мы все виновны, и нам предстоит многое сделать, если мы не хотим, чтобы нас упрекнули в полнейшем равнодушии к судьбе аборигенов».

Некоторые австралийские газеты посвятили передовые статьи Наматжире.

Так, аделаидская газета «Адвертайзер» писала: «Жизнь и творчество Наматжиры важны для нас тем, что он помог нам стать более самокритичными, даже строгими к себе в вопросе о нашем отношении к аборигенам. Вероятно, больше, чем кто-либо другой, он способствовал пробуждению совести общества. Его картины, имевшие у публики огромный успех, пожалуй, больше способствовали повышению интереса к его родному краю, чем целые департаменты. Его достижения заострили наше внимание на необходимости улучшить условия жизни аборигенов и поднять их социальное положение. Полный собственного достоинства… художник стал влиятельным, хотя и неофициальным послом своей расы».

Широкие отклики смерть Альберта Наматжиры вызвала за границей. Он даже был известен в такой далекой стране, как Россия, правда, только по репродукциям. В Англии «Таймс» отвела ему почетное место на своих страницах, рассказав о его племени, об обучении в Хермансбургской лютеранской миссии, о его первых успехах в живописи и о последующем успехе.

Многочисленные почитатели Альберта Наматжиры, воздав должное его памяти, дописали своими отзывами последнюю главу из жизни великого художника. Пусть же и последнюю главу моей книги завершит замечательная эпитафия, написанная Леонардом Флином в 1959 году:

> «Спи с миром, благородная душа, твоя вечная обитель не отмечена надгробным камнем.
>
> Твои черные останки слились теперь с красной и коричневой землей великой страны, которую твое племя некогда называло своей.
>
> Потух твой мечтательный взор, прекрасное видевший в камне или дереве ветвистом.
>
> Застыл твой мозг, хранивший столько законов племени, древних легенд и мистических образов.
>
> Щедрое сердце, рука, умевшая помогать, оставили по себе возвышенную память.
>
> Ты не нуждаешься в эпитафии, ибо оставил свой

след кистью на полотне нашей эпохи!»

ПОСЛЕСЛОВИЕ
АЛЬБЕРТ НАМАТЖИРА — ЧЕЛОВЕК И ХУДОЖНИК

В Австралии 50 тысяч чистокровных аборигенов. Далекие их предки попали в Австралию 20–30 тысяч лет назад, постепенно заселили ее и были здесь хозяевами, живя почти в полной изоляции от внешнего мира вплоть до конца XVIII века. Аборигены Австралии принадлежали к числу самых отсталых в хозяйственно-культурном отношении племен земного шара — у них не было даже лука и стрел. Но они отлично приспособились к суровой природной среде, охотились с копьями и дубинами на кенгуру и эму, собирали и выкапывали съедобные корни и растения, добывали питьевую воду даже в пустыне, среди раскаленных песков, создали хитроумную структуру социальных групп и секций, сложные обряды и верования.

Современные аборигены, однако, совершенно непохожи на своих предков, живших здесь с незапамятных времен. Дело в том, что Австралия в конце XVIII века стала переселенческой колонией Англии, аборигены были частично истреблены, сохранились только жители пустынь и влажных тропических лесов, теперь они — не хозяева, а пасынки в своей стране. Их земли превращены в резервации, куда имеют доступ из «белых» только правительственные служащие и лица, получившие специальное разрешение. Уйти из резервации аборигену нельзя, невозможно, ее границы охраняются полицией.

Больше всего аборигенов в штате Западная Австралия — 21 тысяча (включая метисов). На Северной Территории проживает 18 тысяч аборигенов и 2 тысячи метисов. В штате Квинсленд —10 тысяч аборигенов и 1 тысяча метисов. В штате Южная Австралия — 2500 аборигенов и столько же метисов. В штате Виктория и Новый Южный Уэльс аборигенов очень мало, а метисов более 13 тысяч.

Аборигены вымирают, особенно те, которые загнаны в западные и центральные пустыни, получившие название «мертвого сердца Австралии». Здесь очень неблагоприятные природные условия, тяжелый труд, скудная пища. Так, на одной из скотоводческих станций рабочие-аборигены получали в качестве заработной платы трижды в день ломоть хлеба, небольшой кусок мяса и ковш чая. А труд был так тяжел, что у них не оставалось времени и сил добыть себе немного пищи

охотой или собирательством[1].

Резервация аборигенов — это явление сложное и противоречивое. С одной стороны, — это типичный концентрационный лагерь, охраняемый полицией. А с другой — это для аборигенов родная, своя земля. Независимо от того, промышляют ли аборигены охотой и собирательством (такие тоже есть, но их осталось немного, около 6 тысяч человек) или работают на правительственных или миссионерских станциях, получая подачки от благотворительных организаций, они живут на родной земле. Если они уходят работать по найму на скотоводческие фермы, в горную или лесную промышленность, они могут все же вернуться на родную землю. С этой землей связано не только их прошлое, но и их настоящее и даже их будущее — надежды на сохранение лучших черт своей самобытной культуры, мечты о национальном самоопределении. Скажем, огромная Северная Территория, населенная преимущественно аборигенами, в будущем может обрести статус автономного района.

Аборигены стремятся сохранить за собой те земли, которые у них остались, но это не всегда им удается. Правительство продает участки их земли фермерам, бокситовой компании, отнимает для своих целей (так, район Маралинга в Западной Австралии был недавно отнят у аборигенов и превращен в полигон для испытания атомного оружия и управляемых снарядов).

Аборигены стремятся к активному участию в жизни страны, при этом их самобытная культура коренным образом видоизменяется, но не исчезает полностью. Правительственная печать отмечает: «Аборигены хотят жить вместе, вести жизнь, которая не является ни их традиционной жизнью, ни жизнью белых. Некоторые черты своего наследия — язык, идеи племенной организации и обязательной взаимопомощи — они хотят сохранить»[2].

Среди аборигенов немало талантливых людей. Такова, например, поэтесса Кеслин Уокер, видный общественный деятель. Таков художник Альберт Наматжира.

О Наматжире написано несколько книг, сняты два кинофильма. К сожалению, в этих книгах мы видим главным образом Наматжиру-художника и почти не видим Наматжиру-человека. Книга Джойс Бетти выгодно выделяется в этом отношении. В ней обстоятельно прослежена судьба художника, его борьба за свое место под солнцем, его немногие радости и многочисленные огорчения. Джойс Бетти подходит к теме широко, она видит в судьбе Наматжиры судьбу всех аборигенов Австралии.

Книга Джойс Бетти о Наматжире рождает в читателе любовь к человеку, независимо от цвета его кожи, веру в его безграничные возможности. Перед Наматжирой стояли непреодолимые, казалось бы, препятствия: заточение в пустыне Центральной Австралии, нищета, неграмотность, невозможность получить образование, шестеро голодных детей, вечный каторжный труд за рваную одежду и кусок хлеба (денег в резервации не платят), отсутствие человеческих прав, например права жить в городах.

Наматжире предстояло преодолеть помимо всех прочих еще и трудности, связанные с самой живописью. Традиционное искусство племени аранда имеет изобразительные элементы, но их нельзя назвать живописью. Это было синкретическое словесно-изобразительное искусство, в котором изображение пояснялось речью, а речь конкретизировалась изображением. Аборигены, рассказывая что-либо, рисовали на деревянных щитах, на священных предметах, на песке круги, полукруги, спирали, прямые и кривые линии, и каждая из них имеет свое значение. Так, круг и два полукруга по его сторонам означают двух человек (два полукруга), сидящих или стоящих около предмета (круг) — это может быть костер, дерево, шлифовальный камень, пещера и т. д. Точное значение круга известно только художнику-рассказчику. Но такие же знаки в другой раз или у другого художника-рассказчика могут изображать кенгуру, эму, пути предков и т. п. Цель художника-рассказчика в том, чтобы передать сюжет наиболее полно, ярко, убедительно, для чего ему нужны и слова и изображения. Художники-рассказчики использовали четыре цвета — белый, черный, красный, желтый, они искусно вписывали круг в круг, до двадцати и более, сочетали спирали и прямые линии. В наиболее талантливых произведениях заметны высоко развитое чувство композиции, мастерство рисунка, богатство цвета. Некоторые англо-австралийские художники считают, что эти изображения и сами по себе, без словесного сопровождения, имеют художественную ценность. Так, в Пертском университете (штат Западная Австралия) один из залов расписан подобного рода изображениями, вызывающими восхищение посетителей. Это свидетельствует, особенно если учесть яркую образность словесного сопровождения, его ритмичность и разнообразие смысловых оттенков, о том, что словесно-изобразительное искусство аборигенов достигло высокого уровня. Но переход от него к живописи, передающей не только то, что аранда изображали, но и то, что они выражали словами, — это резкий, качественный скачок.

«В 1935 году, — пишет Томас Штрехлов, — легко можно было

бы доказать, что из чистокровных австралийских аборигенов никто не сможет овладеть европейской техникой живописи» [3]. Но Альберт Наматжира, в котором вспыхнула искра искусства, овладел этой техникой и стал художником.

Рекс Бэттерби, впервые приехавший в Хермансбург в 1934 году, дал Наматжире бумагу, кисти и краски, но уехал, не успев научить, как ими надо пользоваться. Наматжира попытался рисовать, перепортил всю бумагу, загубил кисти и краски и остался ни с чем. Второй раз Рекс Бэттерби появился здесь в 1936 году. Наматжира попросил взять его с собой в поездку в качестве погонщика верблюдов, а Рекс Бэттерби вместо платы учил его искусству живописи. Поездка длилась два месяца. «Это было единственное время, — пишет Бэттерби, — в течение которого Альберт получил хоть какое-то обучение рисованию красками» [4]. При этом надо учесть, что погонщик верблюдов во время поездки почти не имеет свободного времени. Утром он сгоняет верблюдов в одно место, что весьма сложно и утомительно, так как ночью верблюды в поисках травы далеко разбредаются по пустыне. Не менее сложное и утомительное дело — укрепление груза на каждом верблюде. Вечером, после перехода, надо снять груз, стреножить верблюдов и пустить их пастись. Правда, Рекс Бэттерби путешествовал как художник, груз его был невелик, и переходы были небольшие, поэтому Наматжира не только хорошо справлялся со всеми обязанностями, но и находил время для рисования.

Бэттерби не знал языка аранда, а Наматжира плохо понимал по-английски. Нельзя не согласиться с Маунтфордом В: том, что «введение Альберта в мир искусства — это почти неправдоподобная история» [5].

А вот что пишет сам Бэттерби: «Я сразу увидел его талант. Передо мной был человек, чистокровный представитель той расы, которую считают самой низшей расой в мире, а он в две недели усвоил чувство цвета. Я видел, что он справляется в целом настолько хорошо, что мне больше нечему было учить его в вопросе цвета. В это время, я хорошо помню, я писал домой своим знакомым, что этот человек станет знаменитым художником».

И далее Бэттерби добавляет: «Никто из обыкновенных белых людей не смог бы достичь того, чего достиг Альберт в столь короткое время» [6].

Какой поистине неисчерпаемой энергией, каким огромным талантом надо было обладать этому человеку, чтобы, находясь за железным расовым барьером, под недремлющим оком хозяев резервации, пробиться к искусству, достичь вершин мастерства, стать одним из лучших художников Австралии! Что остается

перед лицом этого факта от мифа о «расовой неполноценности» аборигенов?

Постичь глубину и проникновенность художественного ви́дения Наматжиры, а главное — увидеть в его пейзажах не только природу Центральной Австралии, но и душу самого художника может полностью лишь тот, кто путешествовал по этой стране и своими глазами видел яркое своеобразие ее форм и красок. Для подтверждения этой мысли я сошлюсь на личный опыт писателя Даниила Гранина. «Не спеша, не сразу проступал для меня талант этого художника, — рассказывает он, — вся сложность была в том, что талант этот был заключен в традиционные рамки. Хорошо, что я увидел картины Наматжиры, уже поездив по этой стране. Теперь я постигал многое, что соскальзывало до сих пор, не задевая воображения. Наматжира показывал поэзию австралийских равнин, удивительные краски гор, мимо которых я проезжал, эти сиреневые, рыжие, огненно-красные складки земли. Он обострил то странное чувство цвета, какое вызывали светлые стволы эвкалиптов перед наступлением темноты. Они вырастали как привидения. Что-то по-человечески трагичное представало в перекрученных, фантастических изгибах их гладко-белых телесных ветвей. Сведенные судорогами, вздутые бицепсы древесной плоти…» [7].

С 1936 года, когда Наматжира продал первую свою картину за пять шиллингов, и до дня своего ареста 18 марта 1958 года (после этого Наматжира уже не мог рисовать) художник создал около шестисот произведений. Он писал только пейзажи. С его акварелей на нас смотрит суровая, величественная, негостеприимная природа Центральной Австралии: вершины гор с одиноко торчащими низкими деревьями, обрывистые склоны, покрытые красным песком, кусты выжженной травы в пустыне. Можно часами, не отрываясь, испытывая какое-то странное, щемящее чувство, вглядываться в отражение заходящего солнца на горном склоне, в широкие тени на стволах далеко друг от друга стоящих деревьев — все эти тонкие детали Наматжира передает с изумительной эмоциональной глубиной, с необычайным мастерством.

Картины, если не считать кратких географических указаний («Горы Макдоннелл», «Ущелье Симпсона» и т. п.), не имеют словесного сопровождения. Каждую местность можно узнать, и все же невольно возникает чувство необычного, точно не просто видишь картину, но и слышишь одновременно легенду или предание.

«Во всех этих пейзажах, — пишет Даниил Гранин, — было что-то еще, словно рассказ на неведомом мне языке, понятный

лишь интонацией, таинственные знаки, которые я чувствовал, но не понимал»[8].

Альберт Наматжира — человек большого ума и необычайной душевной чистоты. Вдобавок ко всему и удача ему как художнику сопутствовала. Слава пришла к нему сразу, как только его картины были в 1938 году выставлены для обозрения. Слава Наматжиры была и остается предметом гордости всей Австралии. Наматжиру знают далеко за пределами его родины. «По дороге в Австралию, — пишет Даниил Гранин, — я обнаружил, что из всех художников этой страны мне известно лишь имя Альберта Наматжиры» [9]. Казалось бы, указанных бесспорных качеств и заслуг Наматжиры вполне достаточно, чтобы страна чтила своего выдающегося гражданина. Увы, в Австралии этого оказалось недостаточно. Правда, Наматжиру как художника чтили, хотя и не все. Но Наматжиру как человека ценили далеко не все, с кем ему приходилось иметь дело. Как человек он для Австралии не существовал — он не имел прав гражданства, его не допускали к голосованию, ему запрещено было появляться в австралийских городах, его даже не учитывали в общей переписи населения [10].

И только в одном месте его считали полноправным — там где с граждан Австралии берут подоходный налог. Дело в том, что картины Наматжиры раскупались нарасхват, художник имел хороший доход, и правительство отчисляло из его дохода по четыреста фунтов в год в свою казну. Так Наматжира вносил свой вклад в бюджет страны, не будучи ее гражданином.

В цивилизованном мире человека могут лишить прав гражданства, если он совершил какое-либо преступление. Наматжира, с точки зрения «белой» Австралии, совершил тяжкое преступление — он родился с черной кожей. Поэтому он, равно как и все 50 тысяч австралийских аборигенов, с самого первого дня жизни был осужден на вечную ссылку. Он жил в пустыне Центральной Австралии, где страшная засуха губит людей сотнями. Здесь в 1928 году умерла от голода его дочь Нельда, в 1929 году — его мать Лжукута, в эти же годы погибло 25 процентов; детей его племени, потому что у их матерей не было молока, и погибли почти все старики. Наматжира жил здесь в хижине, построенной из гнилых досок, мешковины и листов ржавого железа. Тот, кто приезжал сюда, чтобы посмотреть на знаменитого художника, приходил в ужас от условий, в которых он жил. Он не жаловался, но его беспокоила судьба его произведений.

«Я рисую уже двадцать лет, — говорил он, — и все это время мне приходилось охранять мои картины от сырости, чтобы дождь не смог промочить их насквозь, как меня. Иногда, однако, он

добирается и до них, тогда краски смазываются и портятся»[11].

В 1954 году Австралию посетила английская королева. Волей-неволей пришлось показать ей Наматжиру — слишком уж он был знаменит, к тому же королева пожелала его видеть. Наматжиру одели, обули, разрешили ему посетить города — Дарвин, Канберру, где он был представлен королеве, Сидней, Мельбурн, Аделаиду. Он стал, пишет Джойс Бетти, «самым популярным австралийцем 1954 года» (стр. 60) [12]. В его честь устраивают приемы, к нему рвутся за автографами, образуя настоящую свалку. «Некоторые светские дамы, будучи не в состоянии пробиться к Наматжире через окружившую его толпу, пробирались на четвереньках, лишь бы протиснуть свой каталог для автографа», — писал сиднейский «Бюлетин» (стр. 51). На одних приемах ему не дают пить вино, так как аборигену запрещено потребление алкогольных напитков (стр. 54), на других его угощают вином. Его чествуют как художника. «Почти никого он не интересовал как человек» (стр. 112). Но вот он приезжает поездом в город Алис-Спрингс — здесь ему, как и в любом другом городе Австралии, по-прежнему жить нельзя, и он возвращается в свою убогую, грязную лачугу за чертой города (стр. 55). Парад окончен, пора ему вернуться на свое место. Теперь он снова бесправный черный. Джойс Бетти допустила ошибку, назвав его «самым популярным австралийцем». Он не австралиец. Он — абориген, ему вскоре грубо дают это понять. Местные власти арестовывают его за потребление спиртных напитков. Метис угостил его, а он… Дело слушается в суде. «Художник в свое оправдание заявил, что его действительно угощали и он отпил глоток из бутылки, но сделал это, чтобы выказать свое дружеское расположение и не обидеть угощавших, а отнюдь не из пристрастия к вину. Полицейский, арестовавший Альберта, засвидетельствовал, что тот не был пьян, но не отрицал, что отпил из бутылки» (стр. 60).

Бессмысленность обвинения очевидна. Но если рассматривать это обвинение на фоне обычаев, свойственных аборигенам, то оно не только бессмысленно, но и чудовищно. Согласно обычаям, аборигены всегда и во всем помогают друг другу. На деньги, зарабатываемые Наматжирой, покупались вещи и продукты для всех его родных и друзей. Не было, наверно, ни одного аборигена в резервации, которому бы Наматжира не помог в трудную минуту. И люди, естественно, шли к нему с открытой душой, делились с ним пищей, а метисы, которым разрешено пить вино, угощали его вином. Разве мог он отказать кому-либо в помощи или кровно обидеть отказом от угощения?

Суд, однако, признал Наматжиру виновным. И это так тяжело

подействовало на него, что он покинул лагерь у Алис-Спрингса и почти год прожил в пустыне, на заброшенных землях, избегая встреч с кем-либо (стр. 62). Это был уже совсем другой Наматжира, человек со сломанной душой.

В 1957 году, когда Наматжире было пятьдесят пять лет, он получил права гражданства и его жена Рубина — тоже. Теперь он мог построить себе дом в Алис-Спрингсе и жить там, но… без своих детей, так как их имена числились в официальном списке подопечных аборигенов — они находились под контролем специальных органов и прав гражданства не имели. Он мог покупать спиртные напитки в отелях и магазинах и потреблять их, но… без своих друзей, так как они не имеют прав гражданства и угощение их вином преследуется законом.

Наматжира вынужден отказаться от переезда в город. «Не могу же я бросить свою семью», — говорит он. А что делает «белая» Австралия? Его упрекают в том… что он не хочет бросить свою семью, и требуют отнять у него права гражданства..

Туристы, приезжающие в Алис-Спрингс, хотят видеть знаменитого художника Альберта Наматжиру. Гид ведет их в лагерь аборигенов к жалкой лачуге с рваным брезентом вместо крыши. Наматжира выходит из лачуги. Что остается в памяти у туристов? «Выражение лица было самым горестным, какое мне когда-либо приходилось видеть… За все время Альберт Наматжира не улыбнулся ни разу» (стр. 81).

В августе 1958 года Наматжира вновь предстает перед судом. На этот раз его обвиняют в том, что он угощал аборигенов, своих родственников и друзей, вином. Его заставляют «дважды поклясться суду, что впредь он никогда не будет приносить спиртное в свой лагерь» (стр. 89). В октябре того же года Наматжиру вновь привлекают к суду, обвиняя его в том, что он угостил ромом подопечного аборигена Инока Раберабу. Суд приговаривает Наматжиру к шести месяцам тюремного заключения. В декабре 1958 года суд, рассмотрев апелляцию, сократил срок заключения до трех месяцев.

По свидетельству сиднейского художника Брайана Мэнсела, который вернулся из поездки по Индии, «вести о деле Наматжиры докатились и туда, причем многие, включая премьер-министра Неру, придерживались мнения, что причиной всему расовые предрассудки» (стр. 104).

В марте 1959 года Верховный суд, рассмотрев повторную апелляцию, отклонил ее. Старый, больной человек, ни в чем не повинный, желающий только одного — чтобы его оставили в покое, бессильный что-либо предпринять, ждет, когда его посадят в тюрьму. «Я не могу так дальше, — в отчаянии говорит он. —

Сил нет больше это выносить. Лучше пальнуть себе в голову и покончить со всем разом, чем жить так дальше. Почему они не убьют нас всех? Ведь именно этого они хотят» (стр. 108).

В Алис-Спрингс авиапочтой прибывает ордер на арест. Полицейский инспектор едет в лагерь аборигенов. Наматжира арестован и 18 марта 1959 года доставлен в тюрьму. Он чистит овощи на кухне, подметает тюремный двор.

Вскоре его отправляют для отбытия срока в резервацию племени пинтуби. «Администрация хорошо понимает, какое значение представляют для аборигена его связи со своими сородичами. Поэтому самым страшным наказанием для аборигена, широко практикуемым администрацией, является перевод его в резервацию, расположенную вдали от его родины»[13]. Это была та же тюрьма — ему запрещено общаться с местными аборигенами, разговаривать с обслуживающим персоналом, к нему не допускают туристов. С женой он может видеться четыре раза в месяц.

19 мая 1959 года Наматжира выходит из тюрьмы. Он не может писать картин — «очень тяжело на душе» (стр. 115).

Читатель, несомненно, заметит чудовищную двойственность в отношении «белой» Австралии к Наматжире — к нему с уважением относятся как к художнику и с брезгливым презрением как к человеку. Эта двойственность чудовищна, потому что уважительное отношение к Наматжире как к художнику — это в основном отношение к его картинам, которые выставлены где-то очень далеко от него (ему, аборигену, запрещено посещать выставки своих картин), а отношение к Наматжире как к человеку — это брезгливо-презрительное отношение к нему самому, ранящее его чуткую душу, убивающее его талант. Человек и художник в нем слиты воедино, он в своих картинах раскрывает глубину своего человеческого «я». Когда Наматжиру день за днем оскорбляют как человека, в нем медленной и мучительной смертью умирает художник. «Нужно настроение, — говорит он в отчаянии, — я не могу делать картины, как машина. Тогда они получаются плохие» (стр. 115). Правда, Наматжира еще не теряет надежды. «Пока еще не могу писать. Еще очень тяжело на душе. Поживу со своими в родном краю, тогда, может быть, и займусь ими (картинами. — *Н. Б.)».* Но ему не дают жить в родном краю и переводят в резервацию другого племени. «Часами сидел он, устремив взгляд вдаль. Но вот мало-помалу у него стал пробуждаться интерес к живописи. Он даже принимался писать, но, едва начав картину, впадал в какой-то транс» (стр. 116).

Потом — болезнь, доктор просит прислать в Папунью

самолет и доставить больного как можно скорее в больницу в Алис-Спрингс. «Однако в Папунье болезнь Альберта не считали столь уж серьезной и не видели необходимости в такой спешке. Поэтому перевезти его в город решили с попутным грузовиком, когда тот поедет за провизией» (стр. 117). Читатель, конечно, понимает, почему местные власти не торопятся — ведь это же абориген, черный, если он и умрет, то большой беды, с их точки зрения, не будет. Вот наконец грузовик направляется за провизией. Сотрясаясь, он преодолевает кочки и рытвины, а в кузове на матраце лежит Наматжира. Несколько часов в дороге, сутки в больнице. 8 августа 1959 года Наматжира скончался.[14]

Книга Джойс Бетти рождает ненависть к расизму, погубившему не только Наматжиру. Наматжира — это всего лишь одна из многих тысяч жертв расизма, расцветшего на австралийской почве. За спиной Наматжиры стоят аборигены Австралии — их было 300 тысяч человек, когда в эту страну прибыли первые переселенцы из Англии, а теперь их осталось 50 тысяч, да и тех на их же собственной родине не считают людьми.

При чтении книги Джойс Бетти поражает и другое — как много хороших слов было сказано в защиту Наматжиры и как мало было сделано, чтобы ему помочь. Собственно, ничего не было сделано.

Расизм страшен тем, что он создает заколдованный круг, из которого не смог вырваться даже столь энергичный и талантливый человек, как Наматжира. Аборигенов объявляют «неспособными» к цивилизации и по этой «причине» заставляют их жить в таких местах, в которые цивилизация не проникает. Более того, принимают все меры, чтобы туда цивилизация, хотя бы в виде железных топоров, европейской одежды и других вещей, не проникала. Почему? Потому что в Центральной Австралии и на Севере аборигенов больше, чем белых, труд аборигенов нужен скотоводам, притом труд дешевый, а появление в резервациях европейской одежды и других вещей ведет к вздорожанию этого труда. Самый дешевый труд — это когда абориген ходит почти голый, ест ящериц и корни водяных лилий. Вот почему резервации охраняются полицией и аборигенам запрещено покидать их, а белым запрещено проникать туда.

Абориген может покинуть резервацию лишь тогда, когда он нанимается на работу к какому-либо скотоводу. Скотовод платит ему гроши и заставляет трудиться с утра до вечера. Наматжира три года (1920–1923) работал на скотоводческих станциях, но вынужден был снова вернуться в резервацию. Потом он был погонщиком верблюдов, с тем же успехом. В резервации он — кузнец, плотник, стригаль, пастух, звонарь, это был мастер на все

руки, но выбиться из беспросветной нищеты он не мог. Между ним и жизнью, к которой он стремился, стояла полиция. Он хотел пойти в город — нельзя, запрещено. Он хотел послать письмо в город — нельзя, запрещено[15]. Абориген полностью изолирован в своей резервации. Поставьте любого белого на его место, и этот белый будет столь же нищ, неграмотен и «неспособен» к высокой культуре, как и абориген. Так расизм в Австралии воспроизводит из поколения в поколение «неспособных» к высокой культуре аборигенов.

Расизм страшен еще и тем, что он, учитывая протесты честных людей против такой политики, стремится оправдать ее с помощью какой-либо теории. Такова, например, в Австралии теория двух миров. Один мир — это мир белых, другой — мир аборигенов, и эти миры будто бы абсолютно несоизмеримы. По теории двух миров, абориген не может жить в мире белых так же, как белый — в мире аборигенов.

Помню, в августе 1965 года в Ленинград приехали австралийские этнографы супруги Рональд и Кэтрин Берндт, и я имел удовольствие встречаться и беседовать с ними. Европейская культура, говорили они мне, делает акцент на развитие науки и техники, на материальные блага — жилище, одежду, пищу и т. п. Аборигены же Австралии, по словам этих ученых, материальных благ никогда не добивались и не добиваются, их главные ценности в области духовной жизни — миф, ритуал, религия.

Другой австралийский этнограф, А.-П. Элкин, развивая эту теорию, призывает оградить аборигенов от проникновения к ним материальных ценностей. По его мнению, это вредно для аборигенов, так как они утрачивают «священную основу и ритуал». Элкин даже впадает в патетику: «И как велика эта потеря? И личность страдает и все общество». Что же теперь делать? Надо не пускать аборигенов в города, изолировать их, законсервировать в каменном веке. Надо «поощрять время от времени» их ритуальную жизнь, «оживить» их религиозное искусство — по мнению Элкина, искусство аборигенов всегда связано с мифом, ритуалом, магией. Теперь послушаем, как Элкин с этих теоретических позиций обрушивается на Альберта Наматжиру. «А теперь, — с огорчением пишет он, — Альберт Наматжира и его последователи ограничиваются передачей географического окружения — гор, рытвин, деревьев и трав во всем их богатстве красок, с редким намеком на что-либо туземное; обычно они не изображают ни людей, ни зверей, ни птиц, ни рептилий. Они мало или ничего не знают о ритуале и мифологии своего племени аранда; они — христиане и в культурном отношении продукт контакта. Поэтому они дают нам

то единственное, что у них осталось и что не изменено контактом, — окружение» [16]. А ведь Элкин — это крупная величина в научной и общественной жизни Австралии. Кстати, он открывал одну из выставок Альберта Наматжиры (стр. 22).

Познакомившись с книгой Джойс Бетти, я должен отметить, что отношение Элкина к творчеству Наматжиры с годами, видимо, изменялось. В 1945 году, открывая выставку картин Наматжиры в Сиднее, Элкин, как пишет Джойс Бетти, выступил по радио с критикой в адрес тех, кто порицал Наматжиру за разрыв с примитивным искусством своих предков; Элкин высоко ценил картины с реалистическими изображениями гор и долин (стр. 23). А в 1950 году Элкин сам критикует Наматжиру за изображения гор, рытвин и долин, «с редким намеком на что-либо туземное», и обвиняет его в том, что он будто бы мало или почти ничего не знает о ритуале и мифологии племени аранда. Но это обвинение совершенно неверно.

Альберт Наматжира хорошо знал и любил рассказывать мифы и легенды племени аранда. У него была своя чуринга с изображением пяти кругов, в каждый из которых вписано еще несколько кругов. Это — орехи иелка, а линии, соединяющие круги, — это корни. Изображение передает событие, случившееся во времена Алчеринга (то есть очень давно): старик Талилтуки и его сыновья ели только орехи иелка, но не умели быстро снимать с них шелуху и вынуждены были подчас пропускать важные племенные обряды; однажды Талилтуки открыл, что чистить орехи можно быстрее — сначала растолочь их в деревянном корытце камнем, затем протереть между ладонями и, наконец, удалить шелуху путем провеивания; дело пошло быстрее, и старик с сыновьями стали регулярно посещать племенные обряды.

Мир аборигенов — целиком и полностью дело прошлого. Было время, когда аборигены жили по своим обычаям. Каждый человек племени аранда, например, имел свой тотем — какое-то животное или растение — и считал это животное или растение своим далеким предком, не употреблял его в пищу, всячески оберегал. У каждого была своя чуринга, сделанная из дерева или камня, с резными изображениями, и люди считали ее обиталищем души, хранили в священном месте. Каждый принадлежал к одному из четырех (или восьми) брачных классов и мог выбирать себе жену только из другого, вполне определенного брачного класса. Каждый мальчик проходил длительные и подчас болезненные обряды посвящения, во время которых старики, совершавшие их, передавали посвящаемым необходимые для них знания. Все это было[17]. Но теперь этот

мир полностью разрушен. У аборигенов отняли землю, свободу, навязали христианство, голодный рацион, наемный труд на скотоводов за гроши. Правительство Англии объявило Австралию «незаселенной страной», и первые поселенцы, прибывшие сюда, «убивали туземцев, как диких животных», «как ворон» [18]. Трупным смрадом, запахом жженого человеческого мяса несет от этих первых шагов буржуазной цивилизации по австралийской земле. Современная «белая» Австралия не любит вспоминать об этом.

Никто не собирается привлекать к суду современных австралийцев за преступления, совершенные их предками. Но зачем говорить о том, чего давно нет, — о мире аборигенов? Этот мир разрушен, и лишь в памяти глубоких стариков сохраняется то, что дольше всего сохраняется в таких случаях, — мифы, легенды, предания.

Когда режиссер Норман Уоллис делал фильм об Альберте Наматжире (1957), художник, сидя ночью у своего дома, сделанного из коры и веток, посвящал слушателей в тот самый «мир аборигенов», который, по мнению Элкина, был ему будто бы мало известен. «Голос Альберта стал особенно задушевным и проникновенным, когда речь зашла о его отце, о священных мифах и легендах племени аранда» (стр. 77). Он рассказывал одну легенду за другой.

От кого выучил Наматжира эти священные тайны племени? Конечно, не от пастора Штрехлова в миссионерской школе — там его учили закону божию. Эти тайны он узнал от своих отцов. Когда ему исполнилось тринадцать лет, старики племени аранда увели его в священные места, совершили над ним обряды посвящения, рассказывали ему племенные мифы и предания, обычаи и верования. Это обучение продолжалось шесть месяцев.

У Альберта был свой тотем — ренина (один из видов змеи). Он хорошо знал, что его отец Наматжира (что в переводе с языка аранда означает «летающий муравей») принадлежал к брачному классу бультара, мать — к брачному классу умбитчана, а сам он — к брачному классу укнариа.

Вот, собственно, и все, что осталось от «мира аборигенов». Альберт Наматжира хранил в памяти легенды и предания и сокрушался, понимая, что они, должно быть, умрут вместе с ним 1 (стр. 77).

Врач П. Керинс, лечивший Наматжиру в больнице, попросил его нарисовать свой тотем. Наматжира «наотрез отказался, заявив, пусть этим занимаются другие, он же никогда этого делать не будет» (стр. 79). Можно понять отказ Наматжиры — для «белой» Австралии мир аборигенов — это тотемы, чуринги, мифы

и легенды, а в действительности это резервация, полиция, голодный рацион, отсутствие человеческих прав, нищета, неграмотность. Наматжира отверг теорию двух миров. Он не хотел сеять иллюзий, будто аборигены будут счастливы, если они будут ходить голыми, спать между кострами, есть ящериц и улиток, верить в предания и магию и исполнять древние обряды.

Как выглядит трагедия Наматжиры в свете теории двух миров?

Согласно этой теории, есть два Наматжиры: художник, живущий в мире белых, и человек, живущий в мире аборигенов. Между двумя мирами — бездонная пропасть, и она проходит через само сердце Наматжиры, разрывая его на части.

Вот что писал служащий Хермансбургской миссии, в которой родился и жил Наматжира: «Трагедия Альберта в том, что он живет между двух миров. Он проделал путь от простого образа жизни своего племени к запутанной жизни в торгашеском мире цивилизации. Покинув свою счастливую среду, он с огорчением обнаружил, что его не принимает общество белых, в которое ввел его талант художника. Так, несчастный и отчаявшийся, живет он теперь между двумя обществами — своим и обществом цивилизации. Вместо исполнения своих надежд Альберт познал лишь горечь разочарований; вместо счастья нашел только унижения. Законы его племени требуют, чтобы он делился всем, что имеет, со своими многочисленными сородичами, а слава требует, чтобы он писал все больше и больше картин. Трагедия Альберта Наматжиры, этого истинного сына природы, к несчастью, явление обычное. Его печальная судьба скорее правило, чем исключение для человека черной расы, который попытался проникнуть в общество белых» (стр. 63).

Человек, написавший эти слова, возможно, глубоко убежден в правильности теории двух миров. Во всяком случае, он утверждает, что Наматжира был бы доволен, даже счастлив, если бы он жил в резервации, в своей «счастливой среде» и не знал о том, что существуют большие города, комфортабельные многоэтажные здания, поезда, самолеты, автомобили, элегантные костюмы, живопись. Он ходил бы полуголый, полуголодный, но был бы счастлив, потому что у него не было бы потребности в материальных благах. С другой стороны, невольно рождается сомнение в искренности подобного рода убеждений. Ведь перед нами — служащий резервации, а уж он-то хорошо знает ту «счастливую среду», из которой мечтает вырваться каждый абориген и в которой его удерживают только с помощью полиции.

История искусства знает немало случаев, когда художник и человек были оторваны друг от друга, до полного раздвоения

личности, художник был окружен почетом и славой, а человек опускался на социальное дно. Никогда, однако, пропасть между художником и человеком не была так широка и бездонна, как в случае с Наматжирой. И дело тут не в двух мирах. Мир — один, но он полон социальных контрастов, в нем на одном полюсе — роскошь и культура, на другом — нищета и невежество. Человек с черной кожей, по расистским нормам, должен быть на том полюсе, где нищета и невежество. А тот черный, кто нарушает эти нормы, кто рвется к культуре, должен быть наказан. И Наматжиру наказывают, придираясь к каждому его шагу, оскорбляя и унижая его человеческое достоинство на каждом шагу.

Прислушайтесь к собственным словам Наматжиры. Вот он, получив в 1939 году деньги за картины, мечтает: «Теперь я напишу больше картин, заработаю больше денег. Куплю всем красивые вещи. Построю себе хороший дом» (стр. 16). В 1950 году он все еще мечтает о доме в городке Алис-Спрингсе: «Неплохо будет пожить в таком же доме, как у Бэттерби» (стр. 36). Однако ему не разрешают строить дом в Алис-Спрингсе, его не выпускают за пределы резервации. Он возмущен: «Надоело, когда мне не позволяют поступать так, как я хочу, и ездить туда, куда хочется. Я зарабатываю деньги, как белый, и плачу налоги. Так почему я не могу тратить их так же, как они?» (стр. 44). Наматжира остро переживает не только свое бесправное положение, но и тяжелую участь своих родных и друзей, всего своего народа. «Моему народу надоело скитаться по резервациям, — говорит он, — словно мы животные, а не люди» (стр. 61). Он, конечно, знает о том, что в газетах печатаются статьи в его защиту, и хорошо осведомлен об их содержании, и вот его оценка шумихи вокруг его имени: «Все время люди болтают обо мне. Очень много болтают. Все равно ведь это не приносит мне того, что я хочу: дом и многое другое» (стр. 73). Вдобавок ко всему ему и в резервации не дают спокойно жить. Вот он, уступив уговорам друзей, отпил глоток вина из бутылки, его привлекают к суду, и он с горечью говорит: «Если я пью, как пьют белые — я своими глазами видел это на больших вечеринках, — меня поносят» (стр. 86). Все время он мечтает о доме в Алис-Спрингсе: «Теперь я во всем равен белым. Я хочу жить в городе» (стр. 86). А его снова привлекают к суду, на этот раз за то, что он угостил вином своего друга, своего товарища по искусству художника-аборигена Инока Раберабу. «Почему меня никак не могут оставить в покое? — спрашивает он. — У меня ж теперь ничего нет. У меня все забрали» (стр. 108). И так он мечтает о доме в Алис-Спрингсе и просит оставить его в покое вплоть до сказанного шепотом в больнице своего последнего слова «аминь» (стр. 117).

Когда вдумаешься в эти собранные здесь воедино высказывания Наматжиры (к сожалению, в книге Джойс Бетти его голос редко слышен средь хора голосов, говорящих о нем), то невольно приходишь к выводу, что его привлекали к суду не за тот глоток вина, который он сам выпил, и не за тот, которым он угостил Инока Раберабу, а за то, что он хотел жить в городе, «как белый». Именно поэтому его не хотели оставить в покое и придирались к каждому его шагу. Дело, следовательно, не в том, что Наматжира, будто бы заблудился между двух миров. Дело в том, что, став художником, к тому же преуспевающим, он захотел стать человеком, а это в Австралии разрешено не каждому.

Абориген по господствующей в современной Австралии точке зрения — человек неполноценный. Мозг аборигена, пишут расисты, «в среднем, возможно, немного меньше, чем мозг европейца». Обратите внимание на слова «возможно» и «немного» — наука доказала, что мозг у аборигенов точно такой же, как у европейцев, но расист не может удержаться, он не может не сказать: «возможно», «немного» меньше. Другое дело метисы, то есть дети европейцев и аборигенок (чаще всего внебрачные), в них уже течет доля европейской крови, и они, согласно этой точке зрения, более способны к «аккультурации». Поэтому к аборигенам в Австралии — одно отношение, а к метисам — несколько иное, и правительство Австралии, например, разрешает метисам кое-что из того, что аборигенам запрещено. Таким образом, права людей в Австралии тем больше, чем выше процент европейской крови, текущей в их жилах. Есть 50 процентов — есть кое-какие права. Нет ни одного процента — нет никаких прав. Поэтому белые живут в одном мире, а аборигены зачислены в другой.

Как же все-таки следует нам отнестись к сторонникам теории двух миров? Не к самой теории, ее расистская суть несомненна, а к ее сторонникам, которых в Австралии довольно много. Кто они, эти люди? Верят они сами в эту теорию или лицемерят, лишь оправдывают с ее помощью политику «цветного барьера»?

Многие верят. Тем-то и страшен расизм, что он заражает своим тлетворным дыханием многих честных австралийцев, доброжелательно относящихся к аборигенам.

Можно ли сомневаться в том, что Рекс Бэттерби высоко ценил талант Наматжиры и желал аборигену добра? Нет, нельзя, для этого нет никаких оснований. Однако тот же Бэттерби, устраивая выставку картин Наматжиры в Мельбурне, возражал против того, чтобы Наматжире разрешили посетить эту выставку. Бэттерби «боялся, что на Альберта, который никогда не был дальше Алис-Спрингса и Уднадатты, и на его художественное ви́дение,

сложившееся в его родном краю, не тронутом цивилизацией белых, столица штата может оказать пагубное влияние» (стр. 13–14). И тот же Бэттерби выступил с протестом против предоставления гражданских прав аборигенам. Более того, он требовал отнять у Наматжиры права гражданства — это будто бы «пошло бы на пользу и ему и его семье» (стр. 90). Так замыкается заколдованный круг, в котором самое страшное то, что из него не может вырваться и учитель Наматжиры Рекс Бэттерби и многие другие честные люди, субъективно желающие аборигенам добра.

Джойс Бетти в своей книге приводит многочисленные выступления в австралийской прессе в защиту Наматжиры. Может быть, эти выступления были субъективно продиктованы самыми благими намерениями, тем не менее слово «защита» хочется взять в кавычки. Вот выступает художник из штата Виктория Уильям Роуэлл. Сначала он высоко оценивает картины Наматжиры и его талант, а потом заявляет: «Будет очень и очень жаль, если Альберту позволят посещать большие города. Нужно сделать все возможное, чтобы этого не произошло» (стр. 14). По существу, это призыв держать Наматжиру в клетке, не давать ему выйти на свободу.

К сожалению, Джойс Бетти обычно воздерживается от оценок подобного рода высказываний. Более того, она, видимо, и сама не прочь иногда примкнуть к сторонникам теории двух миров. Так, она пишет: «Сам Альберт ни разу не изъявил желания побывать на какой-либо из своих выставок» (стр. 23), и если нет оснований сомневаться в том, что Джойс Бетти искренна, то столь же несомненно и то, что ее слова искажают истину. Далее она пишет, что пища белых, к которой аборигены будто бы не привычны, явилась основной причиной болезни Наматжиры. А когда Наматжира, живя на лоне природы, стал есть поджаренное на углях мясо кенгуру, сырых личинок и муравьев, то здоровье его улучшилось (стр. 27). Если верить Джойс Бетти, то пребывание в городах было для Наматжиры чуть ли не тягостным. Вот далее слова Наматжиры о материальных благах: «Я был счастливее до того, как стал богатым» (стр. 55).

Читатель без труда найдет в книге Джойс Бетти много других мест с прозрачными намеками на то, что Наматжире надо было остаться в мире аборигенов и не предпринимать попыток проникнуть в мир европейцев. В самом названии книги уже содержится это утверждение[19].

Надеюсь, читатель не заподозрит меня в стремлении умалить достоинства книги Джойс Бетти. Эти достоинства велики. Книга написана человеком с горячим сердцем. Автор мучительно переживает позорящие Австралию факты бесчеловечного

отношения к Наматжире. Он со всей остротой ставит проблему аборигенов и призывает к ее радикальному решению. Однако читателю полезно помнить о теории двух миров и некоторые факты оценивать более четко, чем это делает Джойс Бетти.

Хорошая книга часто бывает хороша еще и тем, что рождает в читателе желание узнать то, о чем в ней не сказано, просто потому, что в одной книге все сказать невозможно. Такова именно книга Джойс Бетти. Прочитав ее, хочется поехать в Центральную Австралию, в резервацию племени аранда, и расспросить тех людей, которые лично знали Наматжиру, разговаривали с ним, помнят о нем. Таких людей много — ведь со дня смерти Наматжиры прошло всего тринадцать лет. Будем надеяться, что этот ценнейший источник сведений о Наматжире — память его родных и друзей — не пропадет втуне и рано или поздно появится книга, в которой образ Наматжиры будет нарисован еще более яркими, сочными красками. Это будет Наматжира в воспоминаниях аборигенов, знавших его долго и близко. В книге Джойс Бетти Наматжира предстает перед нами лишь в воспоминаниях и отзывах художников, критиков, врачей, знавших его (если не считать пастора Альбрехта и художника Рекса Бэттерби) поверхностно, в течение нескольких дней, а иногда не встречавших его вовсе.

Будем надеяться, что автор этой будущей книги о Наматжире сделает еще одно доброе дело — соберет личные вещи великого художника и положит начало музею Наматжиры. Сделать это будет не просто — книг Наматжира не читал и писем почти не писал, так как был малограмотен; жалкая лачуга его, конечно, давно развалилась. Но ведь был же у него какой-то мольберт, какие-то кисти. Ведь есть же его картины.

Кстати, в этом музее можно выставить произведения последователей Наматжиры, художников-аборигенов племени аранда. Наматжира — не только создатель многих выдающихся произведений, но и основатель новой школы в австралийской живописи, получившей название хермансбургской школы[20]. Дело Наматжиры в искусстве достойно представляют его три сына — Енох, Оскар и Эвальд, три брата Парероультжа — Эдвин, Отто и Рубен, а также Вальтер Эбатаринья, Инок Рабераба, Рихард Мокетаринья. Все это — ученики Альберта Наматжиры.

Кое-кто в Австралии относится к искусству аборигенов недоброжелательно. Весьма характерная история произошла в поселении Карролуп (Западная Австралия). Учителя школы в этом поселении решили преподавать детям аборигенов рисование. Дети обнаружили поразительные способности. Их рисунки появились в печати, в австралийских газетах и даже в

одной из лондонских газет. Вышла в свет книга о детях-художниках[21]. Однако сразу же после этого школа была закрыта [22].

Идея создания музея Наматжиры может, судя по этой истории, встретить сопротивление с многих сторон. Но — и это тоже надо учитывать — она может найти поддержку со стороны туристских фирм, заинтересованных в большем наплыве туристов в Центральную Австралию. Эту идею, несомненно, поддержат прогрессивные организации страны.

Джойс Бетти не освещает в своей книге позицию Коммунистической партии Австралии по вопросу об аборигенах. Между тем именно Коммунистическая партия Австралии является решительным борцом за жизненные права аборигенов.

Газета «Трибюн», орган Коммунистической партии Австралии, писала, что гибель Наматжиры — это «потеря не только для его соплеменников, но и для всего австралийского народа. За его смерть несут ответственность правительства Северной Территории и Федерации. Мы потеряли не только известного всему миру пейзажиста, но и выдающегося представителя коренного населения. Чтобы подобные случаи не могли повториться, необходимо предоставить аборигенам полные политические права» [23].

В газете «Трибюн» со статьями о Наматжире в связи с его смертью выступили прогрессивный австралийский критик Макклинток и известный австралийский художник Ноэль Коунихэн [24].

Коммунистическая партия Австралии ведет систематическую и решительную борьбу за равные гражданские права для аборигенов. Рабочий класс Австралии хорошо понимает, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы.

В июне 1961 года на XIX съезде Коммунистической партии Австралии, среди делегатов которого были аборигены, принята следующая резолюция:

> «Полноправие коренному населению.
>
> Господствующий класс Австралии в течение долгого времени самым жестоким образом угнетал коренное население страны и в настоящий момент стремится к уничтожению самобытной культуры этого народа во имя так называемой ассимиляции. Удел угнетенного коренного населения — гонения, расовая дискриминация и нищета.
>
> Коммунистическая партия стоит за право этого великодушного народа самому решать вопросы своего

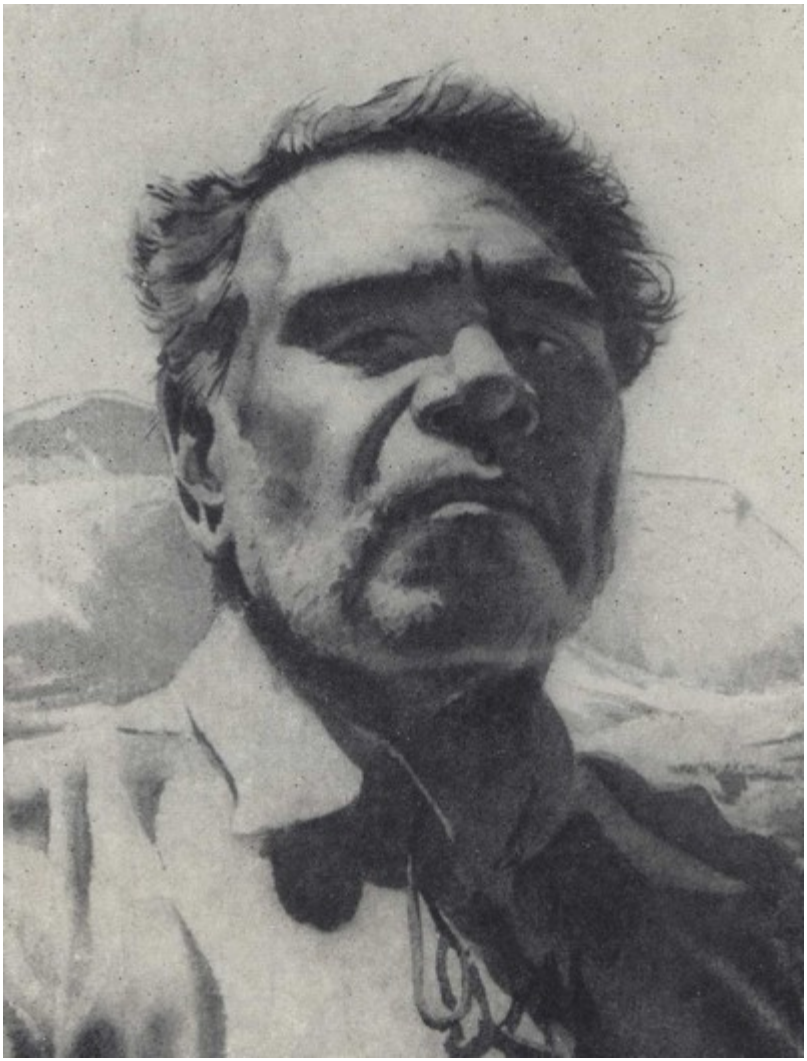
национального развития, включая его право на установление автономного района, если он этого пожелает.

В качестве первых шагов мы требуем предоставления коренному населению полных гражданских прав, равной оплаты труда рабочих-аборигенов, особенно в овцеводстве, предоставления им возможности для получения образования и профессии, запрещения расовой дискриминации и пересмотра постыдного закона о защите аборигенов. Мы также требуем сохранения оставшихся племенных земель и обеспечения землей тех, кто был изгнан из резерваций, поощрения коренного населения в создании комитетов для решения своих собственных нужд». [25]

В этой резолюции съезда по вопросу об аборигенах изложены фактически две программы: программа-максимум и программа-минимум. Программа-максимум — право на национальное самоопределение. Программа-минимум — полные гражданские права. В том и в другом случае будущее аборигенов связано с рабочим движением, с борьбой трудящихся Австралии за свои коренные интересы.

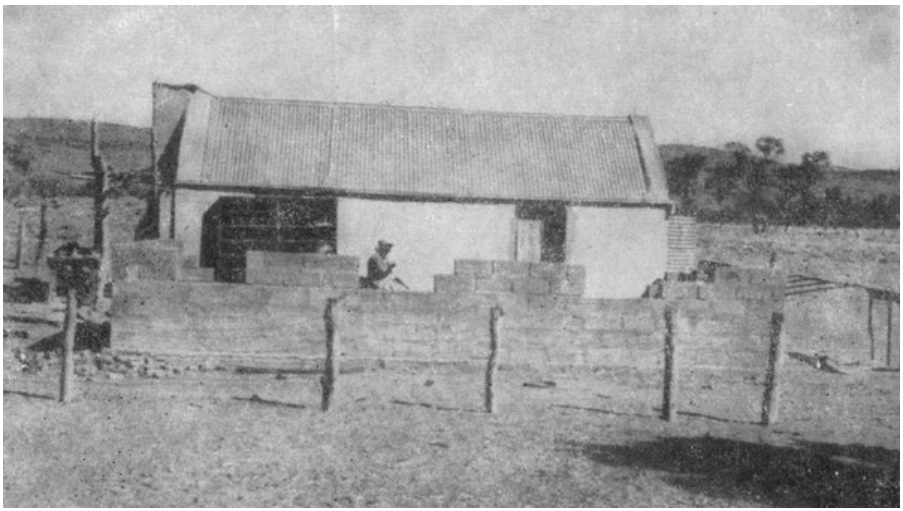
Н. Бутинов

ИЛЛЮСТРАЦИИ

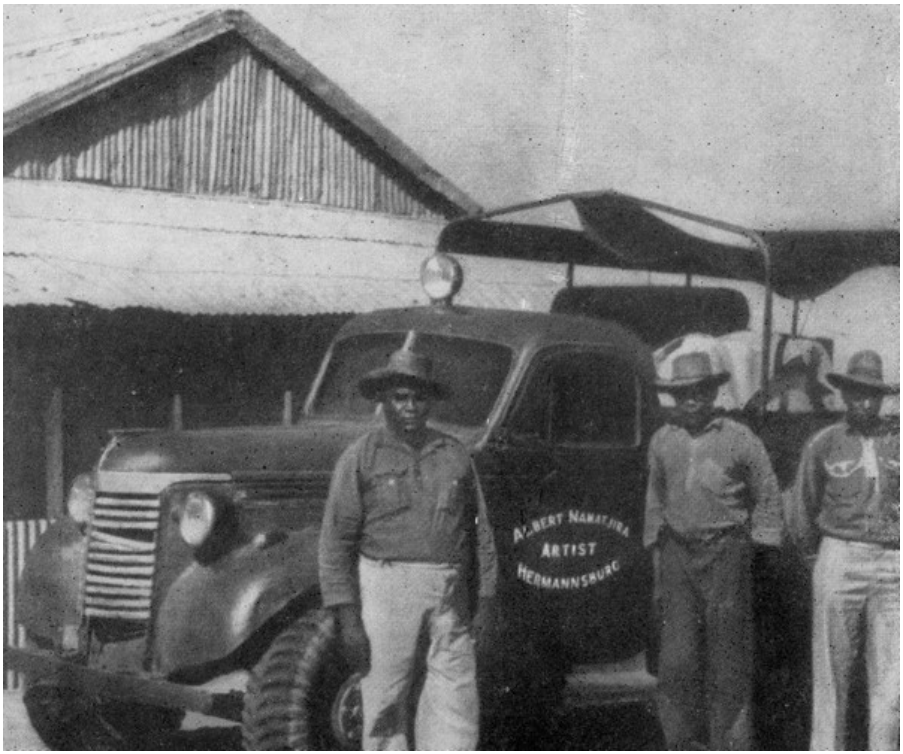


Рег Кэмпбелл. Портрет Наматжиры. Масло.

Наматжира в ущелье Стендли. 1946.

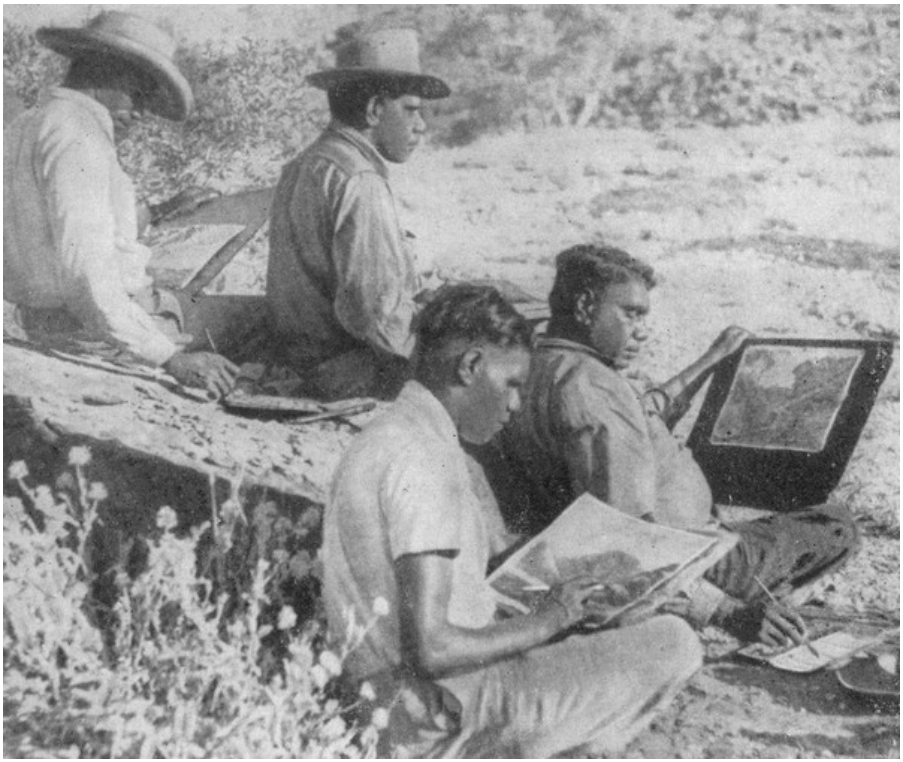


Наматжира за строительством дома. 1945.



Наматжира с сыновьями Оскаром и Енохом у своего грузовика. 1946.

Наматжира с семьей. 1947.



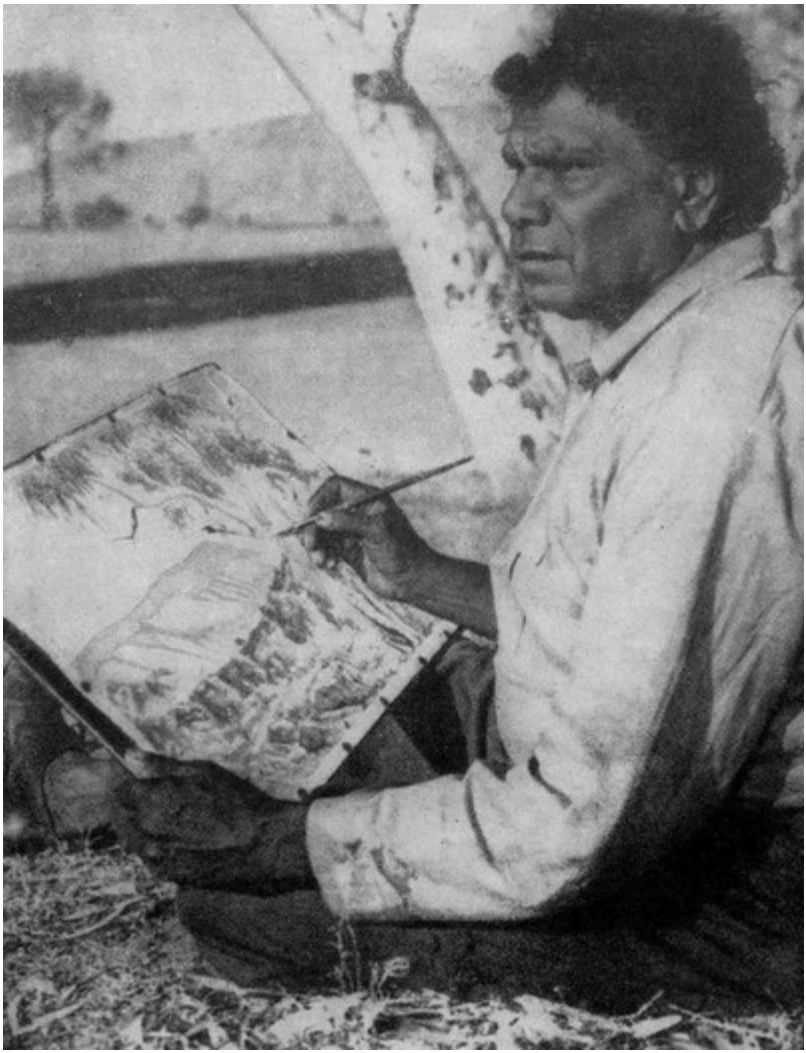
Наматжира с сыновьями Енохом, Оскаром и Эвальдом. 1950.

Наматжира в Сиднее.

Наматжира позирует Регу Кэмпбеллу. Алис-Спрингс. 1954.

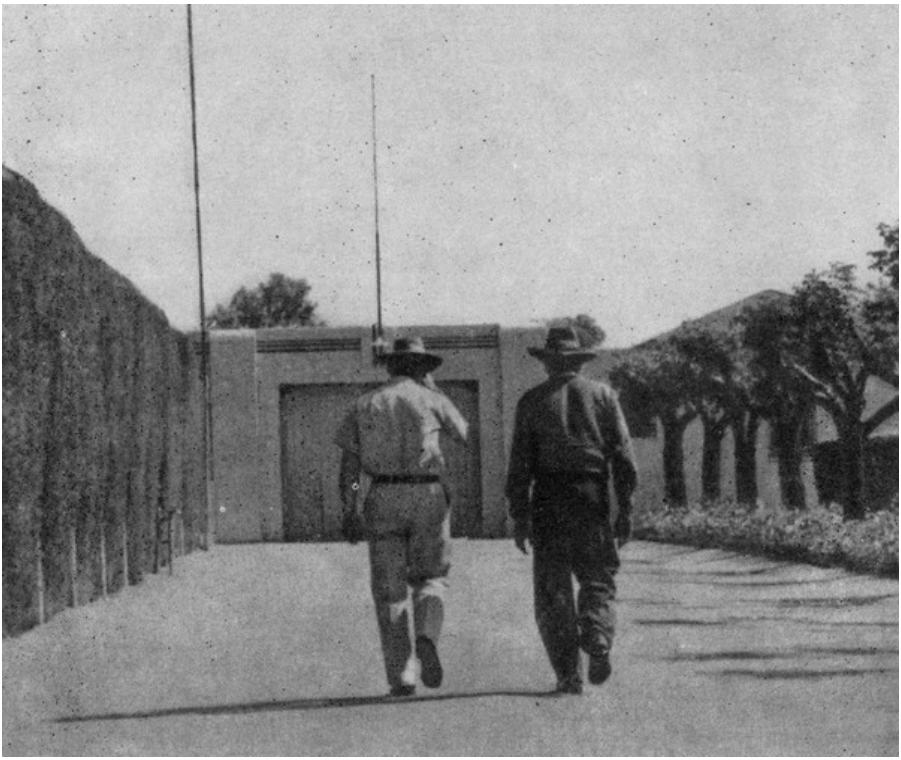
Наматжира с внучкой Джулианой. 1956.

Рубина — жена художника.

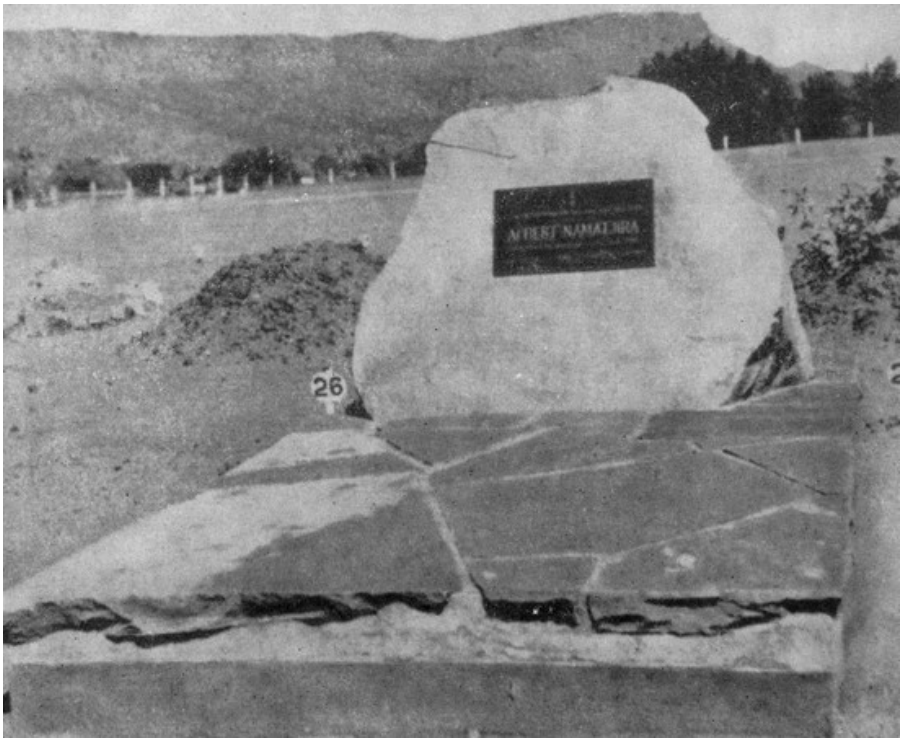


Наматжира за работой.

Наматжира со своим дядей.

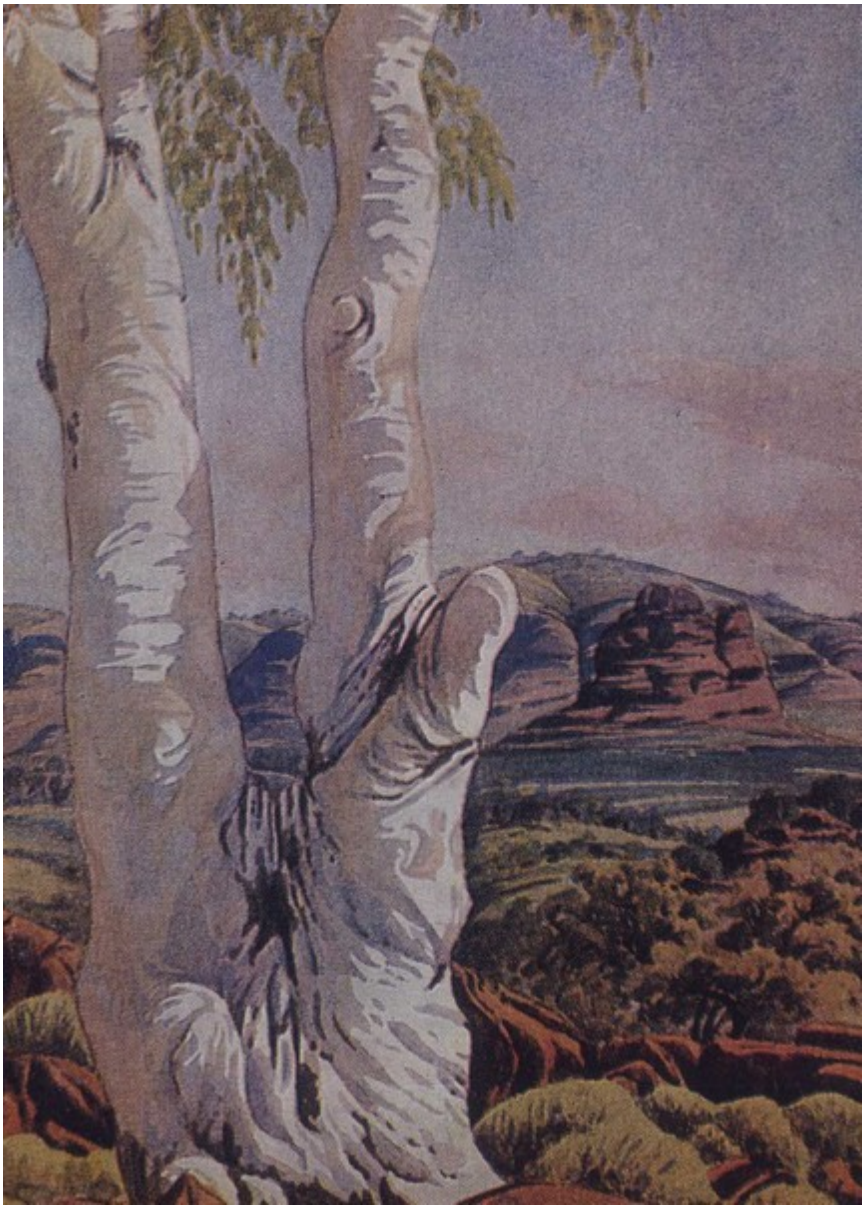


Наматжиру сопровождают в тюрьму Алис-Спрингса.

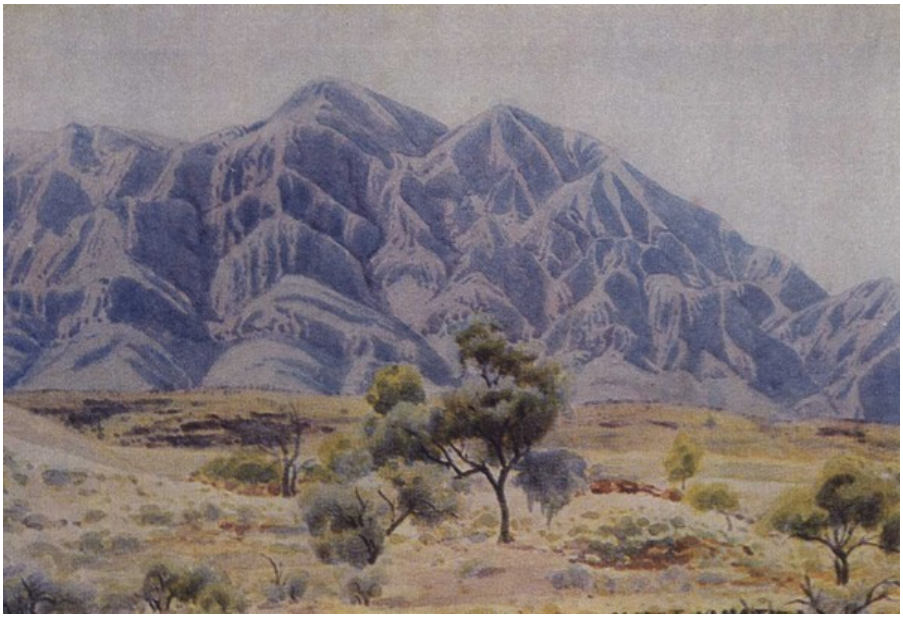


Могила Наматжиры.

Произведения Наматжиры

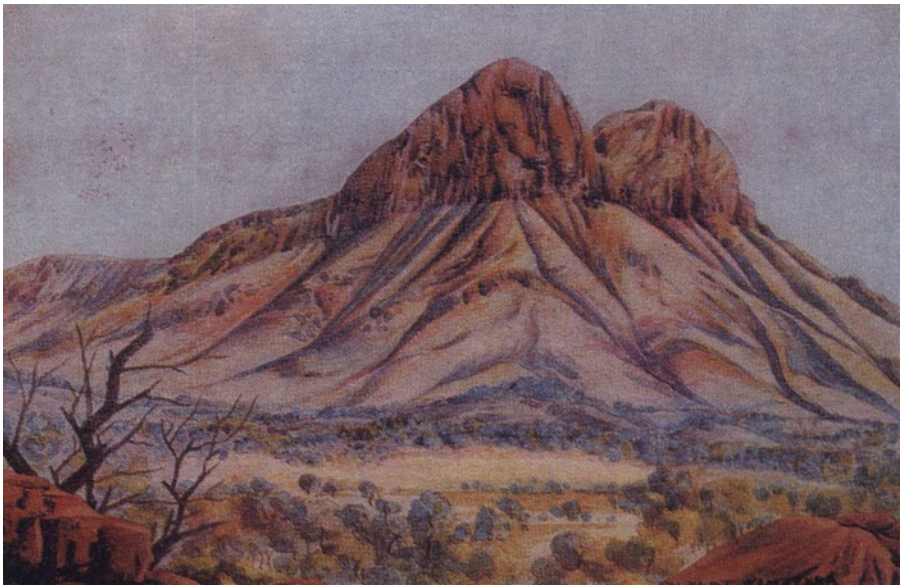


Эвкалипт.

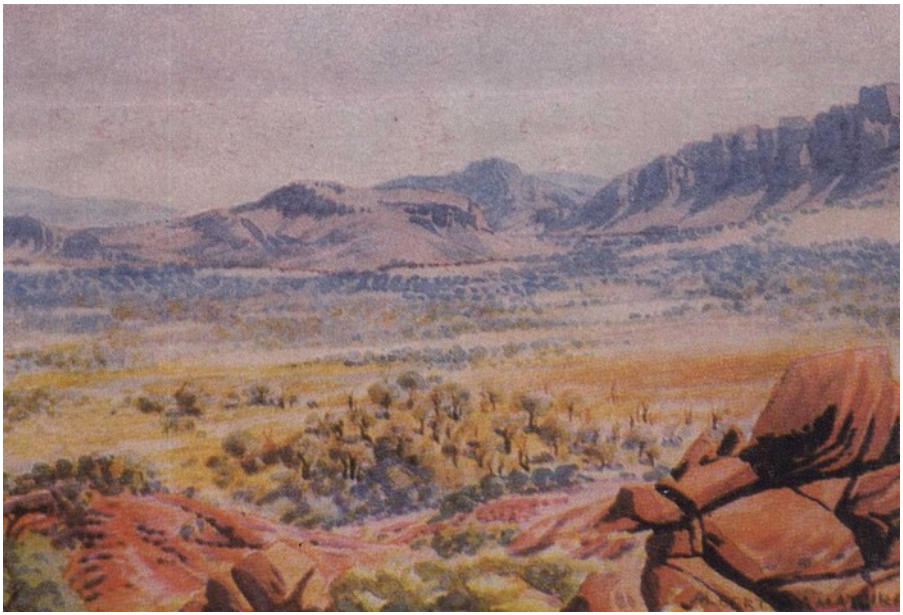


Горы Макдоннелл.

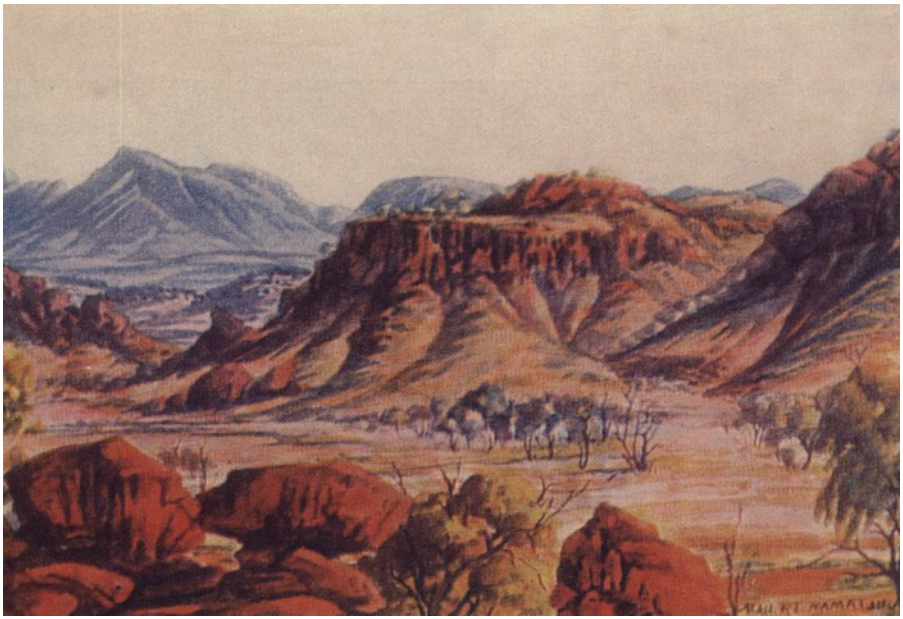
Долина пальм.



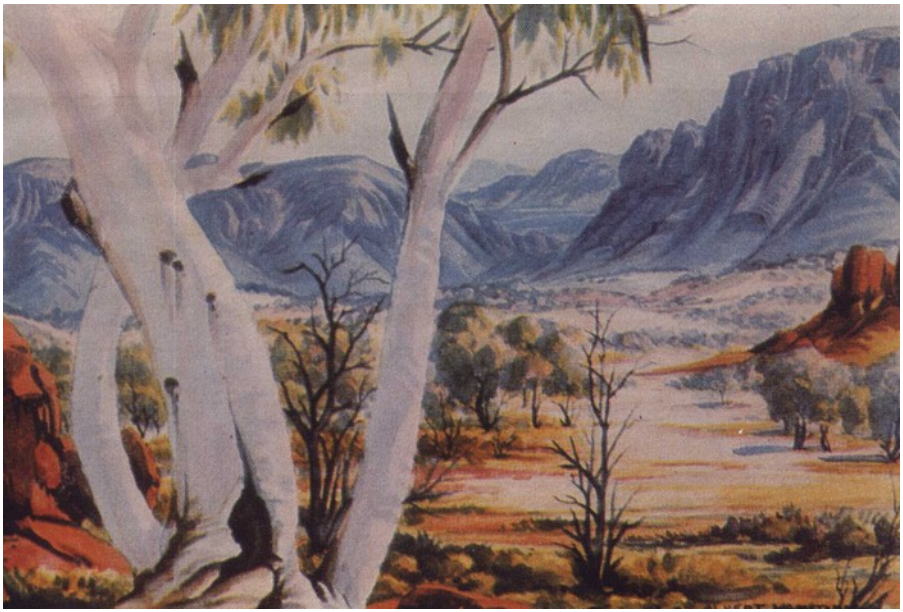
Скала Хааста.



Берег реки Финке.



Горы Макдоннелл.



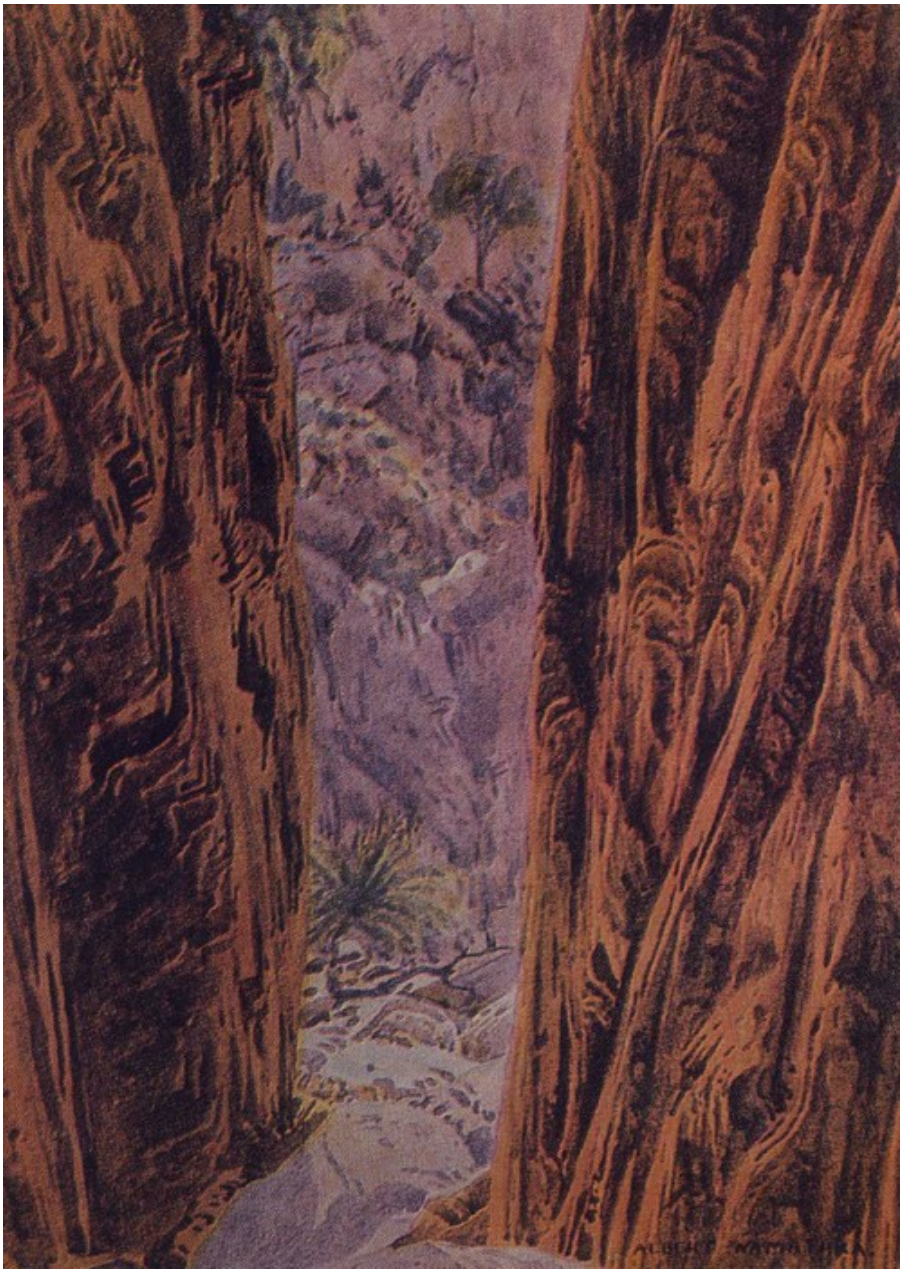
Горы Макдоннелл.

Гора Гилз.

Гора у Хермансбурга.

Горы Макдоннелл.

Гора Гилз.



Ущелье Стендли.

notes

Примечания

1

L. A. Mander, Some dependent peoples of the South. Pacific, New York, 1954, p. 175.

«Assimilation of our Aborigines», Canberra, 1958.

3

См. предисловие Т. Штрехлова к книге: R. Battarbee, Modern Australian aboriginal art, Sydney — London, 1951, p. 6.

4

Ibid., p. 12.

5

C. P. Mountford, The art of Albert Namatjira, Melbourne, 1944. p. 44.

R. Battarbee, Modern Australian aboriginal art, p. 12.

7

Даниил Гранин, Альберт Наматжира. — «Иностранная литература», 1968, № 4, стр. 273.

8

Даниил Гранин, Альберт Наматжира. — «Иностранная литература», 1968, № 4, стр 273.

9

Там же, стр. 272.

10

Согласно статье 127 конституции Австралийского Союза, аборигенов при переписи населения учитывают отдельно.

11

«За прочный мир, за народную демократию» от 23 апреля 1954 г.

12

Здесь и далее указаны страницы настоящего издания.

13

В. Р. Кабо, Современное положение аборигенов Австралии. — «Советская этнография», 1962, № 5, стр. 60.

14

Фрэнк Харди, Жизнь и смерть Альберта Наматжиры, — «Новое время», 1959, № 36; А. Новицкая, Памяти Альберта Наматжиры. — «Советская этнография», 1960, № 1.

15

Н. А. Бутинов, Альберт Наматжира. — «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 100.

16

A. P. Elkin and R. and C. Berndt, Art in Arnhem Land, Melbourne, 1950, p. 114.

17

См. «Народы Австралии и Океании», М., 1956.

18

A. G. Price, White settlers and native peoples, Melbourne, 1949, p. 107, 114.

19

Книга Джойс Бетти о Наматжире называется «Заблудший между двух миров».

20

В Австралии основателем хермансбургской школы считают Рекса Бэттерби (см., например, T.-G.-H. Strehlow, Rex Battarbee — artist and founder of the aboriginal art movement in Central Australia, Sydney, 1956), явно преувеличивая его влияние (кстати, произведения этого художника не пользуются большой известностью даже в самой Австралии) и преуменьшая заслуги Альберта Наматжиры.

21

M. D. Miller, Child artists of the Australian hush, Sydney, 1952; Б. И. Шаревская, Судьба молодежи из коренного населения в современной Австралии. — «Советская этнография», 1955, № 3.

22

«Shameful treatment of aboriginal child artists». — «Tribune», 22 Oct., 1952.

«Tribune», 12 Aug., 1959.

H. McClintock, Homage to Namatjira. — «Tribune», 19 Aug., 1959; Noel Counihan, An artist pays tribute to Namatjira. — «Tribune»» 2 Sept., 1959.

25

«XIX национальный съезд Коммунистической партии Австралии», М., Госполитиздат, 1962, стр. 156.